

Артюхов Олег

изгиб грани
потрясение грани
падение грани

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ГРАНЬ

18+

Олег Артюхов

Грань

«Автор»

2023

Артюхов О.

Грань / О. Артюхов — «Автор», 2023

«Грань – граница, предел, конт, край, кромка, конец и начало, черта раздела...». Толковый словарь Даля. Никто не знает, что случится с ним в следующий миг и куда его забросит чужая воля, почему-то называемая судьбой. Мог ли подумать 32-летний москвич Антон Латов, что причина и следствие, жизнь и смерть вдруг поменяются местами, а он окажется в центре невероятных событий... Фото на обложке моё из личного архива.

© Артюхов О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Изгиб грани	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	55
Глава 8	78
Глава 9	89
Глава 10	96
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Олег Артюхов

Грань

Изгиб грани

Дорогой читатель, ты открыл книгу, сюжет которой навеян событиями, потрясшими мир в недалёком прошлом и потрясающими поныне. Занимаясь помимо медицины вопросами древнейшей истории, я не раз наталкивался на поразительные парадоксы, которые не перестают будоражить воображение. Обратившись к научной критике, я нашёл лишь авторитетную разногласицу, которая ещё больше растрепала мои представления об истории. И поскольку в моём сознании прошлое и настоящее так и не соединились, я не смог отказать себе в удовольствии пофантазировать на эту тему.

Однако, взяв перо, я споткнулся на коварной парочке вопросов: зачем и как? На первый вопрос ответ нашёлся довольно скоро: пришло время поделиться соображениями, ведь думающий человек, словно донор, испытывает физическую необходимость отдавать нуждающимся свои мысли и чувства. И дай бог, чтобы его «группа крови» совпала с читательской.

Над вторым вопросом пришлось поломать голову. Как писать? Хотя, насколько я знаю, пишущий народ о том особо не убивается. Творческое вдохновение, наитие, озарение – понятия высшего порядка, к тому же рукой писателя всегда водит его муза. В конце концов, в литературных институтах отработаны технологии, имеются признанные авторитеты и современные стандарты. Однако с моей сугубо дилетантской точки зрения практикуемое некоторыми литераторами изошрённое смакование человеческих переживаний и настырное ковыряние в сложных механизмах помыслов не что иное, как вскрытие личности заживо, или в лучшем случае препарирование уже скончавшейся души. Возможно, кому-то всё это интересно и, вероятно, для кого-то познавательно, но, то же самое можно вычитать в любом учебнике по клинической психологии. С другой стороны, бандитско-полицейские и банковско-политические серии во главе с мыльными мелодрамами настолько опротивели, что в отдельных случаях их можно смело использовать вместо рвотного порошка.

Сказать по правде, меня уже давно мутит от засилья округлых и скользких фраз: «надо сделать...», «как бы это...», «неплохо было бы...», «и, тем не менее...», «а что, если...». Не понимаю, почему лежащую на боку бесконечную восьмёрку этого словоблудия нынешняя элита именует странным словом «политкорректность». Я считал и считаю, что личность, прежде всего, характеризуется убеждёчностью, честностью, сочувствием и поступками. А потому искренне полагаю, что современной литературе пора взять за образцы произведения Александра Сергеевича и переходить к более активной цифровой символике: стремительной «тройке» действия, отчаянной «семёрке» конфликта и упрямой «единице» поступка.

Так, или иначе, написанные ночами на дежурствах слова постепенно сложились в страницы, а потом как-то незаметно книжка начала жить своей собственной жизнью, превратив меня, скорее в наблюдателя, чем в автора. Но самое поразительное случилось потом. В тот день, когда я поставил последнюю точку, мне в руки попал томик Даниила Андреева. Открыв наугад страницу, я вчитался и затаил дыхание от восторга и гордости за мастера, который в сорока чеканных строчках сказал то, что я попытался записать в прозе.

*Мой стих с любезным реверансом
В благополучный дом не вхож.
Чужуных строф не спеть романсом,
Жене не подарить, как брошь.*

*От лёгких вальсов далеко он,
Затем, что ноша не легка:
Зажатый змеем Лакоон
Способен крикнуть только: А!
Кругом частушки, льётся полька,
Но сердце болью залито.
«Предупреждаю?» – нет, не только.
«Зову на помощь?» – нет, не то.
Мой стих о пряже тьмы и света
В узлах всемирного Узла.
«Призыв к познанию» – вот, что это,
И к осмыслению корня зла.
Задача в том, чтоб разум вещий
Смог отделить Господний дух
От духов мрака – в каждой вещи,
В причинах взлётов и разлук.
Чтоб прозревая глубь былую
И наших дней глухое тло
Не петь осанн напропалую,
И различать добро и зло.
Пусть Моммзен, Греков, Шпенглер, Нибур,
В трёхмерной данности скользя,
Тебе не скажут: «сделай выбор!»,
Не крикнут с болью: «вот стезя!».
Как закатился век риторик,
Так меркнет век трёхмерных школ.
На смену им метаисторик
Из дней грядущих подошёл.
Неотделимы факты мира
От сил духовности, и слеп
Кто зрит от магмы до эфира
Лишь трёхкоординатный склеп.
Мой стих затем, чтоб запылала
Перед тобой другая глубь.
Ни бриллианта в нём, ни лала.
Он нищ. Прости и приголубь.*

Как в своё время Конфуций восхитился высокой недостижимостью мысли Лао-Цзы, так и я склоняю голову перед маэстро, великим провидцем и страдальцем.

О. Артюхов

*«Грань – граница, предел, конт, край, кромка, конец и начало, черта раздела...».
Толковый словарь Даля.*

Эта история произошла на наших глазах, и наверно ещё не закончилась. Не помню точно, то ли её рассказали мне очевидцы, то ли она приснилась, то ли придумалась, то ли всё это произошло на самом деле. Теперь уже не важно.

Жаль, что многие из вас остались в стороне от этих событий. Многие участвовали, но так ничего и не поняли. Немногие поняли, но не осмелились признаться. А мой друг недавно

сказал, что порой у него возникает нестерпимое желание узнать, что же сейчас происходит там...

Глава 1

Я сполз вниз. Значит, сняли оковы. Сломанные ноги и руки онемели. Ничего не чувствую. Не в силах пошевелиться я растянулся на окровавленном полу, как сопля, уткнувшись щекой и носом в грязную каменную плиту.

Потом пол отделился. Похоже, меня приподняли и понесли. Конечности болтались словно тряпки. Я плыл, качаясь вверх-вниз по волнам, или по воздуху. Липкий холод запутал мысли. В сознании лишь слабо трепетала обида на чудовищную подлость судьбы. Измученный невыразимой усталостью я равнодушно слушал своё затихающее дыхание. Ледяной обруч медленно сдавил сердце, а с краёв начала напирать темнота, и я знал, что это означает. Ну, где ты там, косая, заждалась, небось...

...Хриплый рёв дизеля вспугнул безмятежную тишину и выдернул меня из жуткого мира сновидений. Меж дрогнувших век проскочил лучик света, царапнул сознание и тут же рассыпался на ресницах радужным занавесом.

Я бессмысленно шарил глазами вокруг, жадно хватая воздух и ощущая горький привкус полыни и железа во рту. Узнавание окружающего ослабило хватку жутковатых переживаний, но перед глазами всё ещё маячили тени темницы с окровавленным полом, а в голове медленно угасали отголоски смертной тоски.

Уф-ф. Проклятая ночь чуть меня не угробила. Мой тяжело здоровый скепсис нынче сыграл со мной злую шутку. В силу дурацкой самоуверенности я всегда снисходительно посмеивался над рассказами о ночных кошмарах, а вот они добрались и до меня. Истинно говорю, ещё один такой сон и натурально рехнуться можно, или досрочно очокуриться.

Между тем ворвавшаяся в сознание реальность растормошила чувства, но так и не добралась до туловища, которое напрочь отказывалось воспринимать пробуждение, как необходимость. Однако, собрав по сусекам остатки силы и воли, я подчинился настойчивому дребезжанию будильника и со стоном выдрал себя из мокрой от пота постели.

Колющие струи холодной воды смыли отголоски того, чего не было, но окончательно я пришёл в себя только после большой чашки крепчайшего кофе.

Кряхтя и вздыхая, я вышел из дома, и уже сидя в машине, наконец-то примирил в себе эмоции, действительность и здравый смысл. Втянувшись в круговорот московской жизни, я протискивался в автомобильной гуще, хмуро озирался по сторонам и рассеянно слушал по радио новости и внутренний голос, назойливо шепчущий, что по всем приметам нынче меня ждёт весьма заполошный денёк.

Час за часом время ускорило будничные бег, втянув меня в свою круговерть, и замкнуло суточный оборот солнечным утром следующего дня. С ощущением, наконец-то, обретенной долгожданной свободы я вышел за ворота клиники и с облегчением расправил плечи, будто тяжкие вериги сбросил.

Всю дорогу я насвистывал бодрый мотивчик и без проблем добрался до дома. Немного повозившись с капризным замком, я открыл входную дверь, и приподнятое настроение сразу же рухнуло до уровня плинтуса. Да и как ему было не рухнуть, когда сразу за порогом открылась весьма неприглядная картина. В квартире всё было перевернуто вверх дном.

Крепко матюгнувшись сквозь зубы, я оглядел разбросанные по полу книги, ящики из письменного стола, бумаги и документы, перемешанные с одеждой, постельным бельём, разными мелочами и землёй из цветочных горшков. Не иначе кто-то в отчаянной спешке, наплевав на уголовный кодекс и осторожность, попытался что-то отыскать в моём доме. Знать бы что?

Обнесли? Было бы что воровать! Обыск? С какого перепугу, и почему без хозяев? При этом дверь цела, замок не взломан и не поцарапан. Если бы злодеи ломились, то соседи напротив обязательно бы шум подняли. Они пенсионеры, сидят дома и всегда в курсе всех событий. Дверь открыта ключом, и, если учесть, что в природе существует только два комплекта ключей от этого замка, у меня и моего дядьки, то напрашивается невероятный и совершенно идиотический вывод: с определённой степенью достоверности к данному разгрому мог иметь отношение мой родной дядька Николай. Но зачем?!! Зачем устраивать тарарам, если можно спокойно зайти и взять то, что нужно? А здесь явные следы обыска. С другой стороны, при нынешнем развитии отечественного криминала мастер отмычки за секунды вскроет любой замок. Эти виртуозы мощные сейфы щёлкают, как орехи, не то что какую-то паршивую входную дверь. В конце концов, злодеи могли сделать копию ключа. Нет, зря я на дядьку напраслину возвёл. Но опять непонятно, что в нашей квартире брать? Старьё и даже не антиквариат. И, что характерно, вызвать полицию и поднимать шум даже мысль не пришла. Почему? Во-первых, без толку. А, во-вторых, что-то подсознательно во всей этой истории меня сильно смущало и корбило.

Пошевелив ногой край завала, я поскрёб макушку, тяжело вздохнул и направился в душ. Наскоро освежившись, я прислушался к голодному бурчанию в животе и, не смотря ни на что, решил сначала закинуть в организм харчишек, а заодно прикинуть размер невесть откуда свалившегося бедствия. Проглотив пару бутербродов, я наполнил чашку горячим кофе и погрузился в кресло, угрюмо оглядывая разруху.

Вдохнув кофейный аромат, я прихлебнул из чашки и зацепил в пачке сигарету. Скажу прямо, вид разгромленного жилья вызывал смешанное чувство злости, недоумения и озабоченности. Я и так, и этак вертел ситуацию, но в голову лезла лишь всякая несусветная чушь. В конце концов, совсем запутавшись в домыслах, я отложил на время разбирательство и начал прикидывать как бы половчее ликвидировать сей грандиозный кавардак. Поудобнее устроившись в любимом кресле, я поставил чашку на столик и на секунду прикрыл глаза, чтобы морально подготовиться к предстоящей уборке, собраться с силами, чтобы оторвать задницу от кресла и сообразить с чего начинать... Да... И хорошо бы вообще начать соображать... А лучше, и то и другое... нужно... начать...

Из дрёмы меня выдернул негромкий отчётливый удар гонга. Я недоумённо вскинул голову. Передо мной, как летнее марево, струился воздух, обтекая туманную фигуру без лица. Потом у неё появились тёмные провалы глаз и рта, и внутри этой аморфной массы начали переплетаться похожие на морозные узоры.

– Ты кто... что?

Фигура сгустилась до ощущения объёма, приобрела форму, и в моей голове завибрировал голос: «Да свершится воля Творца... Сириус встал... Регул и Солнце в созвездии Льва... время пришло, человек, проживший четырежды восемь. Ты удостоен чести высокой спасти Ануннаков и Землю людей сохранить...».

Вокруг и внутри меня начали происходить непонятные перемены. Зрение, слух и обоняние обострились, что вызвало болезненные ощущения. Я потёр глаза, уши и нос. Не помогло. Ещё хуже стало, когда окружающий мир начал вращаться, скручиваясь в огромную воронку. Исчез вес. Ставшие прозрачными стены, пол и потолок потекли, и в пространстве прокатились гулкие волны звуков: «И-и-и... О-о-о... Е-е-е...». Я висел внутри невероятной пропасти, с ужасом глядя на чёрно-красную бездну, бурлящую внизу, и на бесконечное небо, клубящееся над головой.

Между тем маячивший передо мной призрак окутался синеватым свечением и приблизился. Он держал какую-то старую книгу. Пожелтевшие листы зашевелились, взъерошились и начали быстро переворачиваться, остановившись примерно посередине. Я напряжённо взгля-

дывался, пытаюсь понять смысл происходящего, и не мог. И тогда странный гость сделал резкий жест в мою сторону.

Ну, это уже слишком! Плевать я хотел на всякие там привидения и сумею за себя постоять. Я рванулся и...

...очнулся в кресле с затёкшей шеей. За окном шумел солнечный полдень. Я покрутил головой и отложил так и не зажжённую сигарету. Спал то от силы час, но короткий сон прогнал усталость и вернул бодрость с изрядной долей оптимизма. Я с хрустом распрямил спину и решительно принялся за дело.

Наведение порядка заняло уйму времени, и уже ближе к вечеру, потягивая кофе, я стоял в сияющей чистоте комнаты напротив книжного шкафа, который целый день притягивал моё внимание. Я не мистик и не психопат, но убедив себя, что всё привидевшееся давеча – ерунда, так и не смог избавиться от тихо звучащего в глубине души тревожного аккорда. К тому же в голове всё время крутились слова призрака: «...человек, проживший четырежды восемь...». Тридцать два. Столько мне лет. Возможно, это совпадение.

Поставив на стол пустую чашку, я решил осмотреть нижнюю полку, не пострадавшую при разгроме. Сколько себя помню, здесь на книжных задворках стояли изрядно потрепанные жизнью, ветхие, старые и очень старые книги, поскольку с молодых ногтей мне было вбито в голову, что книги выбрасывать нельзя. Скользя пальцем по лохматым и потёртым корешкам, я вдруг поймал себя на мысли, что ищу ту самую из сна. И, когда я её увидел в заднем ряду, сердце дало сбой, затем учащённо забилося, предвещая проблемы.

Я осторожно вытянул фолиант и разглядел его со всех сторон. «Русская история» под редакцией профессора Довнар-Запольского, том первый. Издание 1904 года. Раскрыл. Бумага жёлтая и ветхая. На титульном листе овальная печать «городская бесплатная библиотека-читальня имени Н.В.Гоголя». Красный штамп «проверено цензурой». Несколько перечёркнутых инвентарных номеров и столбики дат выдачи, начиная с 20 февраля 1914 года.

Перевернув полсотни листов с мелкими пометками на полях, я уже хотел захлопнуть книгу, как вдруг в конце очередной главы на свободной части страницы промелькнул едва заметный набросок карандашом. Ничего не разобрать. А если против света. А если наискосок. Ага, есть. Часть рисунка на истрёпанных краях отсутствовала, но в целом изображение можно было разглядеть. Церковь на возвышенности и полустёртая надпись: «...оле Куликово, да хранит... укрыто до поры... сила и слава Бога... и грядёт иная судьба...». Под рисунком церкви слабо проступал квадрат, перечёркнутый косым крестом, а с боков и снизу от него виднелись изображения ладони, глаза и жезла с шестью лучами. Едва различимые штрихи и линии явно нанесла умелая рука, но в большой спешке.

Я передёрнул плечами. Исходящая от рисунка странная энергия вызвала озноб. Что-то подобное я испытывал на экзамене, когда нужно отвечать, а сказать нечего. Затаив дыхание, я напряжённо вглядывался в карандашный набросок. Мудрое подсознание принялось выискивать логические связи, а самоуверенное сознание ухмыльнулось и всё свело к мнительности. Помилив этих вечных спорщиков, я решил сначала порасспросить дядьку, а пока закрыть тему, чтобы не свихнуться досрочно.

Вернув книгу на место, я закрыл дверцу шкафа, и одновременно с дребезжанием стекла услышал звук хлопнувшей входной двери. Послышалась возня у вешалки, и через минуту в комнату ввалился дядька Николай.

– Здорово, Антон, – приветствовал он охрипшим голосом.

– Привет, разрушитель, – проворчал я в ответ, – на кой ляд ты имущество распотрошил? Охота мне была после суток вместо того, чтобы спать, аки младенец, запердельный бардак в квартире ликвидировать.

– Ты чего несёшь, юноша? Какой такой бардак? Ерунда несусветная. Кончай молоть чепуху и лучше предложи любимому дядюшке чё нить вкусенького.

– Деликатесов пока не завезли. Всё, как всегда.

– М-да, – он поскрёб слегка отросшую щетину, – давно интересуюсь, сколько живой человек может протянуть без нормальной еды? Вот, почему бы тебе не жениться на доброй толстой поварихе... – и дядька мечтательно закатил глаза и облизнулся.

Я подсел к столу, молча наблюдая, как, что-то мурлыкая под нос, дядька тонко нарежает сыр и колбасу.

– Слышь, Николай, а ты помнишь, как мы переезжали?

– В общих чертах.

– А, как ты книги таскал и потом сам их расставлял?

– Не, не помню, отстань. Ты дашь спокойно пожрать человеку, или нет? И, коль нормальной еды в доме не имеешь, то хотя бы чай покрепче завари.

Поняв, что расспрашивать голодного дядьку дело бесполезное и даже вредное для здоровья, я раскрыл принесённую им вечернюю газету и только через полчаса опять осторожно забросил удочку:

– Коль, а, когда ты давеча бумаги, книги и барахло зверски ворошил, ты хоть нашёл, что искал?

Сытый дядька, со смаком прихлёбывающий крепкий чай, бросил на меня удивленный взгляд, затем спрятал глаза под веками, помолчал минуту и завёл ворчливый монолог:

– Вся беда нашей медицины в том, что некоторые умники, имеющие диплом эскулапа, порой сами страдают тугоухостью и не слышат, что им внятно говорят уважаемые люди. А старики вроде меня люди, безусловно, уважаемые, а также болезненные с тонкой и ранимой нервной организацией. И каждый, считающий себя культурным человек обычно этому сочувствует и, если уж спрашивает, то вежливо и вполне определённо. И поскольку я сегодня добрый, на твои грубые и невнятные намёки, отвечаю прямо и однозначно: понятия не имею о всяких там книжках и бумажках, поскольку вчера дома не дневал и не ночевал.

Допив чай, он хмыкнул, степенно прошествовал в комнату, завалился на диван и сразу же захрапел, оставив меня в недоумении. Чудо в перьях, прости господи. Незаметно день уступил место ночи, и, следуя старой поговорке «утро вечера мудренее», я забрался в постель и провалился в глубокий сон без сновидений.

Утро, как всегда, наступило не вовремя. Не встану, хоть пристрелите. «Ничего, я тебя сейчас разбужу» – злорадно подумал я, залезая в холодный душ. Затем, вытирая мокрые волосы, я выбрался на балкон. Ноздри приятно щекотал запах молодой зелени с лёгким бензиновым привкусом, громко чирикали воробьи, и сквозь листву проглядывало ослепительное солнце. Было немного грустно, что уже отшумела горластая весна, уступив место долгожданному, но, увы, короткому лету. По всем приметам, наступило время суетливое, когда каждая живая тварь спешила исполнить свой эволюционный долг. А люди к тому же пытались реализовать своё законное право на отдых.

Кто целый год вкалывал, как ломовая лошадь, тот знает с каким трепетом и восторгом каждый работяга считает последние дни перед отпуском. Я тоже не был исключением. И вот уже месяц нетерпеливо поглядывал то на календарь, то на недавно купленные обновки: шикарные углепластиковые удочки со всем необходимым фаршем, надувной двуспальный матрас и большой бундесверовский рюкзак. Помимо всего прочего, сценарий отпуска обычно подразумевал разные вариации на тему слабого пола, к которому в течение года я относился с некоторой прохладцей.

Насчёт прохладцы поясню во избежание недопонимания и неправильных выводов. Без женщин, безусловно, жить нельзя, а с ними, как оказалось, невозможно. Почему-то они все, как одна, утверждали, что я им что-то должен. Каким-то непостижимым образом в кратчайшие

сроки они умудрялись конвертировать нежные чувства в практические обязательства, превращая меня из восторженного влюблённого в грустного невольника. Суровая действительность научила расставаться с такими охотницами решительно и чувством глубокого удовлетворения. Однако сердцу не прикажешь и инстинкты не отключишь, и я снова и снова попадался на любовный крючок, каждый раз испытывая горькое разочарование в достоинствах современных женщин. Опытный дядька, пытаясь меня обнадежить, сказал, что это пройдёт, и я обязательно встречу свою половинку. Кто бы говорил, только не этот закоренелый кобелирующий холостяк. К тому же жизненный опыт подсказывает, что половинки чаще встречаются в компоте, чем в семейной жизни. В общем, женщины любили меня, а я их, но существовать мы предпочитали порознь.

Вот и сейчас вожделенный отпуск уже распахнул свои объятия, а ситуация возьми да выйди за привычные рамки. Даже детям известно, что дурная голова, ногам и всем остальным частям тела покоя не даёт, вот и в мою голову втемяшилась старая книга со странным рисунком. Это блеклое и непонятное изображение манило и тревожило, хотя каким-то седьмым чувством я ощущал ледяное дыхание рока и не мог избавиться от предчувствия перемен. Не знаю, как бы вы на моём месте, а мне так и не удалось удачно совместить эти самые предчувствия, намеченные отпускные удовольствия и желание раскрыть тайну рисунка.

В первый же отпускной день в ответ на прямые вопросы моей знакомой Светки, решительно настроенной на интенсивное использование моего свободного времени, я промямлил что-то невнятное, стараясь избавить её от своих сомнений. Она долго морщила лоб, пытаясь понять, то чего я сам ещё не понимал, и, в конце концов, рассудила чисто по-женски, предположив, что я закрутил роман на стороне. Мило улыбнувшись, Светка элегантно разбила полдюжины моих тарелок и отправила меня в пеший поход по известному адресу, оставив в одиночестве наедине со своими мыслями и верным джипом Паджеро по кличке Прожорик, из окна которого сиротливо торчали удочки, а в багажнике тихо лежал сдутый двуспальный матрас.

Мудрый дядька, увидев моё более чем скверное настроение, наскоро попрощался и укатил за город якобы по неотложным делам. А я, проведя остаток дня дома наедине с бутылкой коньяка, окончательно запутался в мыслях, завалился спать пораньше и на удивление быстро заснул. В ту ночь мне опять привиделся яркий и запоминающийся сон.

...На фоне голубого неба парила девушка удивительной красоты, в окружении непоколебимых судей, от которых исходила уверенность и добрая сила. Вокруг разливался безмятежный покой, пространство наполняли приятная музыка и всполохи зелёного и золотистого цвета. Постепенно я растворился в благодати, и заснул во сне...

По многолетней привычке я пробудился в шесть. Валяясь в постели, я долго нежился, вспоминая удивительный сон. Горечь вчерашнего скандала исчезла, и теперь он казался таким ничтожным, что утратил всякий смысл и значение. Скажу честно, по натуре я деятельный лентяй и добросовестный пофигист. Я принципиально не заколачиваю деньги для удовлетворения разных модных страстишек, не гоняюсь за иллюзиями, не отращаю престиж и не забочусь о карьерном росте. Всем этим бессмысленным занятиям я предпочитаю жизнь вольную и всегда делаю то, что считаю нужным и интересным. И на этот раз я решил не отступать от своих привычек.

С удовольствием уничтожив завтрак, я не спеша закурил, затем достал из шкафа старую книгу и уселся за секретер. Пошарив в верхнем ящике, я достал лупу в потемневшей латунной оправе и тщательно скопировал рисунок. Полюбовавшись работой, я свернул лист вчетверо и вложил в бумажник. Сомнения остались позади, и, ещё до конца не осознавая происходящее, я уже определил цель своего путешествия. Безусловно, я знал историю моей страны, и всегда считал Куликово поле местом русской славы. Раскрыв в интернете карту, я выяснил, что до того

легендарного места примерно 300 верст. Куликово поле находится в верхней излучине Дона, где в него впадают несколько небольших речек, что меня очень обрадовало. По крайней мере, новым удочкам там найдётся применение. Обзор со спутника показал около реки несколько подходящих мест.

Немного подумав, я забрался на стремянку, достал с верхней полки двухтомник «Мифы народов мира» и открыл первую книгу на букве «А». «Антум»... «Анубис»... «Анукет»... «Аннунаки – в шумеро-аккадской мифологии родственные земные, подземные и небесные боги первого поколения. В шумерских текстах времён образования единого пантеона (3 династия Ура, 21 век до н. э.) постоянным местом их обитания называется священный город Ниппур. Функции Аннунаков не ясны, но главная из них – определять людские судьбы. Аннунаки – боги-повелители...». М-да. Значит, мне предлагается спасти древних шумерских богов и между делом Землю от чего-то сохранить. Поздравляю, Антоха, до сумасшедшего дома рукой подать. И будут там у тебя в корешках Наполеон с Александром Македонским.

Вернувшись в комнату, я уселся в кресло, откинулся на спинку и, как положено всем нормальным шизофреникам, провёл с самим собой короткий диалог.

«Стоит ли начинать этот путь?».

«Если бы у тебя сохранилась хоть капля здравого смысла, то ответ был бы однозначный: не стоит».

«А поскольку этой капли нет, то надо ехать».

«Но в одиночку ехать опасно!».

«Не смейся. В наше время опасно заходить даже в общественный туалет».

«И всё-таки подумай, может лучше поехать к морю?».

«Ну, конечно, более паршивого варианта ты не мог предложить. Именно там можно потратить последние остатки здоровья и сил. А я ужасно соскучился по стрекотанию кузнечиков, трелям жаворонков, запахам луга и сена».

«Допустим. А женщины? Собрался в глубинку, забудь о романтике».

«Ну и ну! Кто о чём, а голодный – о жратве. Тебе что, вчерашнего скандала мало? А если мало, то запомни, что в нашей стране красивые женщины есть везде. Всё, хватит болтать. Одним голосом против одного я решаю ехать на Дон».

Глава 2

Забросив в машину туго набитый рюкзак, я зарулил на заправку, потом к ближайшему торговому центру. В огромном магазине я уже двигался в сторону кассы с набитой всякой всячиной тележкой, когда в затылок кольнуло ощущение угрозы, и внутри будто застучал метроном.

Подчиняясь предчувствию, я быстро огляделся, и наткнулся взглядом на высокого бледного, как смерть, человека с длинными снежно белыми волосами, стянутыми сзади в хвост и совершенно бесцветными глазами с маленькими точками вместо зрачков. Засунув руки в карманы коричневого плаща, он делал вид, что внимательно разглядывает бакалею.

Я остановился, повернулся к стеллажу, пытаюсь проанализировать ситуацию. Но ничего путного в голову не приходило. Решив ещё раз осторожно осмотреться, я взял с полки какую-то банку и, как бы разглядывая этикетку, незаметно бросил взгляд в зал. Подозрительный тип стоял на том же месте, как пришитый. И тогда я начал тянуть время, будто бы изучая разные консервы. Бледномордый по-прежнему упрямо отирался неподалёку. Ну-ну. Чтобы закрепить подозрения, я по сложной траектории перебрался в другой край зала. Станный типус опять пристроился в пределах видимости.

Он явно не желал привлекать внимания, но на фоне загорелых физиономий снующего по магазину, одетого по-летнему народа его бледная образа откровенно выделялась из толпы, подобно страусу в курятнике. Интересно, какого хрена ему от меня нужно? Я незаметно скользнул взглядом по залу. Стоп. Что-то зацепило моё внимание справа. Сместившись чуть назад и вбок к контейнерам с товаром, я разглядел двойника подозрительного «блондина», такого же долговязого, с бесцветными водянистыми глазами и костлявым лицом, также одетого в длинную коричневую одежду. Тот другой вертел в руках пакет молока, делая вид, что интересуется составом белков, жиров и углеводов, и исподлобья украдкой поглядывал в мою сторону. На мгновение пахнуло угрозой, а потом во мне проснулась боевая злость. Будь, что будет. Р-р-разберёмся!

Расплатившись в кассе, я покатил тележку к выходу, прокручивая в голове непонятную ситуёвину. Интуиция меня никогда не подводила, и именно сейчас она продолжала непрерывно бормотать: «внимание, опасность». А, ну-ка, заткнись, сам вижу, дай подумать. Так, включаем соображалку. Допустим, имеется некая непонятная угроза. И что дальше? Вернуться и обратиться в полицию? С чем? Да, вы, скажут, батенька, с головой не дружите. Мания преследования у вас. Ну, предположим, я вернусь. И что это принципиально изменит? Если я кому-то перешёл дорожку, то для него не важно, там я или тут. И потом, когда это я пугался угроз? Значит, поездка не отменяется, а проблемы буду решать по мере их поступления.

Выкатывая из дверей тележку с покупками, я обернулся и, не заметив ничего подозрительного, ругнул самого себя за разыгравшееся воображение. Переложив продукты в заранее приготовленные коробки, я устроился на сиденье «Прожорика» и усмехнулся, вспомнив экзотические физиономии двух подозрительных личностей. Привидится же такое. А всё эта маньячная интуиция: «опасность, опасность». Тьфу, ты! Поистине, пуганая ворона сама себя в зеркале боится.

Перед тем, как выбраться со стоянки, я, как обычно, окинул взглядом парковку. И... не зря. Оба незнакомца поспешно и неловко втискивали свои долговязые фигуры в серую «Тойоту», стоящую в том же ряду через десяток машин. Дьявольщина! Опять они. Так что, дорогая интуиция, прощения прошу, был неправ.

Я тронулся с места и, оглябая ряды стоящих автомобилей, в зеркало заднего вида увидел, как серая машина выползла из-за поворота и направилась следом. Ладно, давай поиграем в кошки-мышки. Я немного покрутился в окрестностях магазина и пару раз радикально нарушил

ПДД, переехав через высокие бордюры и пороги поперёк, пока не убедился, что оторвался от хвоста.

На удивление свободная МКАД позволила быстро добраться до нужного поворота. Промелькнувший указатель «Кашира, Воронеж» означал, что окружная дорога побегит дальше, а нам с Прожориком пора сворачивать на магистраль М4 «Дон».

Ровное движение и широкое шоссе не предвещали неприятностей. Слева мелькали легковые иномарки, справа тащились грузовики, спереди и сзади – попутные машины. Я закурил, на секунду отвлёкся и чуть не вляпался в неприятности.

Ни с того, ни с сего, из правого ряда вдруг выполз огромный трейлер, доверху гружённый стальной арматурой. Перекрыв две полосы движения, он резко сбросил скорость. Матюги застряли у меня в глотке, когда в зеркале заднего вида появилась быстро приближающаяся тупая морда КамАЗа. Руки и ноги всё сделали сами без моего участия, а сам я и сообразить толком ничего не успел. Правая нога втопила газ, а руки крутанули руль вправо. В самый последний момент «Прожорик» рискованно прошмыгнул перед носом замешкавшейся фуры под грохот сминаемого позади металла.

Да, что же сегодня за день то такой! Всё. С меня хватит. Надо дух перевести. Увидев неподалёку перед придорожными магазинчиками небольшой пятак, я проехал вперёд и остановился. Позади на месте аварии уже сгрудились десятки машин. Я повернулся и мельком заметил впереди корму отъезжающего серого кроссовера. Я быстро дёрнул глазами обратно, но подозрительной машины и след простыл. Та-а-к! Вот, Антоха, ты уже и завибрировал. Что, так и будешь теперь на все серые машины озираться?

Заглушив мотор, я выбрался наружу, закурил и задумался. Ситуация явно выходила за рамки обычной. С одной стороны, вроде бы придраться не к чему. Ну, подумаешь, привиделся чудной сон, кто-то устроил разгром в квартире, не понравились два типа в магазине, чуть не раздавили два грузовика. На первый взгляд, эти события никак не связаны, но я печёночкой чувствовал, что за ними маячит едва заметная тень чужой воли. Я курил, подавляя раздражение, и пытался нащупать во всём происходящем хоть какой-то смысл. И, если рассматривать самый паршивый и самый необъяснимый вариант, то, вероятно, случайно я соприкоснулся с чем-то, о чём не должен был знать, что для кого-то это является важным обстоятельством, и этот кто-то пытается ситуацию обнулить.

Выкурив сигарету, я сел в машину, пристегнулся и уже собрался тронуться, когда заметил двух подошедших брэнетов. Спросить что-то хотят? Пожалуй, нет. Один из них привалился плечом к стойке кузова, засунув руки в карманы брюк, и из-под распахнувшейся куртки показался край кобуры с торчащей из неё тёмной рукояткой. Другой грохнул коленом по двери, указал пальцем на меня и потыкал им себе под ноги. Горячая волна ярости ударила мне в голову. За такие вещи обычно выравнивают хаму лицо. Я выбрался из машины, резко отшвырнув дверцей черноголового. Другой процедил сквозь зубы:

- Шибко борзой, да?
- Я вас слушаю.
- Нэ понял, да? Зачём стоишь? Иды в магазин пакупай, или паражай.
- А-а-а, теперь понял. Я заночую тут. Место понравилось.
- Тебэ болно будэт. Машина сламаэца. Руки-ноги сламаэца.

Я перехватил удар снизу, и, выплёскивая злость, врезал негодю по бицепсам, отчего его руки сразу повисли. Не желая устраивать показательное выступление, я провёл внешне неброскую, но очень эффективную серию: удар с выплеском под ключицу, и два коротких в мечевидный отросток грудины и в ухо. Три секунды и обездвиженное тело, закатив глаза, рухнуло на асфальт. Второй брэнет замер, словно парализованный. Уставившись на лежащего соплеменника, он так и не успел вытащить руки из карманов. Я рывком сдёрнул его куртку вниз, раз-

вернул, вдарил ногой под колено и добавил костяшками пальцев в нервный узел у основания шеи. Второй готов. Пора ехать, а то придётся воспитывать весь здешний передвижной аул.

Без промедления я покинул негостеприимную стоянку. Переполняющая меня ярость мешала сосредоточиться, но постепенно я успокоился и начал задавать себе вопросы. Какого лешего, эти два басмача ни с того, ни с сего докололись до остановившегося на отдых человека? Рядом магазинчик, у которого тормозят сотни машин. Чем лично я им не приглянулся? И тут перед глазами промелькнула картинка поспешно отъезжающей серой машины. Ах, ты, ёрш твой не карась! Всё-таки – «белоглазые». Каким-то способом эти уроды проскочили вперёд, чтобы прессануть меня по пути. Но тогда выходит, что они знают мой маршрут. Откуда, если я и сам ещё ничего толком не знаю?! Ерунда какая-то! И, в конце то концов, кто они такие, иху мамбу в перекрёсток! Ладно, проехали. Но, если хоть ещё раз сунутся, буду решительно брать их за жабры, иначе ничем хорошим для меня эти прятки не закончатся.

Шоссе становилось всё свободнее. Я внимательно всматривался вдаль, но подозрительный серый внедорожник как в воду канул.

Между тем ровная лента асфальта продолжала тянуться мимо полей и перелесков и, казалось, дороге не будет конца. Проскочив новый мост через Оку, я свернул на Воронеж. Яркая зелень, небесная синь и тёплый ветерок навевали приятное благодушие. Однако долго наслаждаться видом не довелось.

Не успел я проехать и пару десятков вёрст, как погода начала быстро портиться. Помутневший небосклон налился багрянцем и сморщился от стремительно приближающейся свинцовой тучи. Надвигалась гроза, причём необычная. Клубящаяся тьма на фоне ненормально красного неба полыхала вспышками молний и громыхала мощными раскатами. До сих пор я не видел ничего подобного. Впереди трассу пересекала какая-то небольшая речка, и я старался внимательно следить за пошедшей под уклон дорогой. Но надвигающаяся стихия гипнотически притягивала взгляд, поднимая из глубин подсознания сжимающий сердце первобытный страх. Вслед за обесцветившей землю темнотой налетел резкий порыв ветра и швырнул первые тяжёлые капли. Я поспешил врубить передний привод и щётки на максимальную скорость. Спустя миг шквальные порывы наполнились плотными зарядами дождя, и начался невероятный ливень. Лобовое стекло сплошь залила вода, и, не желая рисковать, я решил остановиться.

Пытаясь разглядеть обочину, я таращился во все глаза, и тут вместе с оглушительным ударом буквально в нескольких метрах впереди воздух разорвал огненный столб молнии. Моментально ослепнув и оглохнув, я не помню, как остановился. От неожиданности я начал трясти головой и тереть глаза. Вспышка и удар поразили зрение и слух. Как я ни старался, мне виделся только белый отпечаток молнии и слышался противный звон, словно рядом жужжала тысяча комаров. Сообразив, что суетиться бесполезно, я на ощупь нажал кнопку аварийной остановки, закрыл глаза и начал терпеливо ждать. Постепенно звон в ушах стих, а отпечаток вспышки в глазах стал менять цвета от синего до коричневого. Когда зрение восстановилось, я увидел, что машина замерла на самом краешке обочины над крутым откосом. Только что я опять проскользнул по самой кромке. И тогда я разозлился не на шутку. Хрен тебе! Кто бы ты ни был. Теперь-то я точно пойду до конца! Крикнув это в открытое окно, я рассмеялся и успокоился.

Как это часто бывает летом, гроза скоро закончилась. Из-за тёмно-сизой кромки уходящей тучи выглянуло солнце, и мир опять засиял всеми красками жизни. Я пощёлкал кнопками приёмника, нашёл спокойную музыку, тронулся с места и погрузился в воспоминания.

Я рос обычным мальчишкой образца 1980 года, о чём свидетельствовала метрика. Потеряв родителей ещё в младенчестве, я остался на руках у дядьки Николая, которого уважаю и люблю, не смотря на его грубоватую иронию, безалаберность и анархизм. Он заменил мне и мать, и отца, и деда с бабушкой. По неизвестным мне причинам в доме не имелось ни семейных фотографий, ни старых бумаг, проливающих свет на мою родословную. Во всех моих докумен-

тах, где обычно указываются данные родителей, стоял прочерк, а там, где поставить прочерк было невозможно, стояли скупые данные моего дядьки: Латов Николай Иванович, служащий. И всё. И ни запятой больше.

Дядя Коля представлялся мне сплошной загадкой и ходячим недоразумением. Мной уже давно оставлены попытки выяснить, что же он не умеет и чего не знает. Кажется, он умеет всё и знает обо всём. Откуда его обширные познания непонятно. Видимо из неизвестного прошлого. Однако расспрашивать его, чем он занимался до моего появления абсолютно бесполезно.

Глядя на высокого, поджарого и мускулистого мужика с гладкой кожей, я не раз пытался выяснить, сколько же ему лет. В ответ дядька, хитро ухмыляясь, каждый раз говорил, что ему слегка за сорок. Прошло два десятка лет, и он опять нагло врёт, утверждая, что теперь ему почти пятьдесят. Пусть рассказывает это школьникам, а я, как врач, могу утверждать, что биологически ему не больше 40, он силен, как бык, и вынослив, как верблюд. Но как-то за рюмкой чая однажды он проболтался, что мой неизвестный отец был намного круче его.

Сколько себя помню, я всегда носил небольшой серебряный крестик. Видимо, крестили меня родители, а может и дядька, что тоже характеризует его с определённой стороны, ведь сам-то он креста не носит. Крестик стал неотъемлемой частью меня и без него я чувствовал себя слегка голым. Но при этом в церковь меня никто никогда не водил, сам же я не знал, как это нужно делать, а, когда вырос не ходил по привычке. Поэтому согласно церковным канонам меня вряд ли можно считать православным христианином, хотя в душе я признаю только эту традицию.

Из детства у меня остались воспоминания о походах на байдарках и на лошадях, сотни прочитанных книг и яркие сны. Сказать по правде, я так и не научился учиться. Школьная программа укладывалась в голову как-то сама собой, и корпеть над учебниками мне не требовалось. Конечно, это расхолаживало, но зато мне удалось прочитать огромное количество интересных и нужных книг.

Дворовый футбол, мальчишеские игры и неизбежные драки были неотъемлемой частью моей насыщенной событиями юности. Дядька молча ухмылялся, глядя на синяки и ссадины, но однажды, заклеивая пластырем очередные раны, он заявил, что пора бы мне научиться постоять за себя. Вскоре я понял, что сказал он это всерьёз, и последующие семь лет каждый вторник, четверг и субботу дядя Коля лично занимался со мной отработкой самых экзотических приёмов борьбы. После этого его высокий авторитет и вовсе взлетел до небес. Я сразу понял пользу этих занятий и самостоятельно ежедневно выполнял его непростые задания. На улице сверстники меня не боялись, но задираться перестали. Несколько раз мне довелось применить дядькину науку на практике, после чего даже взрослые мужики нашего двора стали уважительно пожимать мне руку.

Однажды зимой, на своё шестнадцатилетие я сам себе сделал подарок и приволок домой безжизненный старый мотоцикл, выменянный у соседа на собрание сочинений Конана Дойла. Дядька нахмурился, поворчал, но, скатав ковёр, расстелил посреди комнаты брезент, на который взгромоздилдохлый аппарат и приглашающим жестом указал мне на него. Он не поленился целый день, молча, простоять у меня за спиной, глядя, как я терзаю машину. А потом ещё пару недель он терпеливо объяснял мне потрясающие тайны работающего на бензине железа. Весной на зависть всем дворовым мальчишкам, я рассекал пространство на самолично отремонтированном драндулете. Короче, всё, что я умею делать руками и головой я обязан своему замечательному дядьке.

Моя молодость пришлась на эпоху перемен, о которой мудрые китайцы давным-давно сказали, что не дай бог жить в такие времена. По большому счёту хитрые азиаты оказались правы. Изрядно помотавшись, и набив необходимую порцию шишек, я всё-таки нашёл свой путь. Однако уверенности мне это не добавило, поскольку над страной уже занималась мутная заря капитализма.

Слава богу, эпидемия потребительства лично меня не коснулась, ведь к бараклу и деньгам я всегда относился спокойно, считая высшей ценностью личную свободу. Но, как выяснилось, и её оставлять без присмотра было опасно. То изящная женская ручка норовила положить её под каблучок, то к ней протягивал волосатую лапу какой-нибудь начальник. Оба варианта не оставляли свободе никаких шансов, поскольку в первом случае припиленная модельной туфелькой она переставала трепыхаться и засыхала, а во втором сожранная прямо на твоих глазах превращалась сами знаете во что. Но самое поразительное, что и те, и другие любители чужой свободы, нагло смаргивая ложь, всегда уверенно утверждали, что использовали её намного правильнее и лучше тебя самого.

Короче говоря, пришлось приспосабливаться дышать в насквозь пропитанной стяжательством и равнодушием атмосфере новой российской действительности, и заодно учиться показывать зубы. А своенравный и непокорный характер, помноженный на обострённое чувство справедливости, и вовсе сделал меня крайне неудобным объектом для всяких предприимчивых проходимцев и руководящих мошенников.

Меньше всего мне хочется вспоминать четыре семейных года. Она хороший и умный человек и, наверно, в нашей общей драме виноват только я. Расставание было болезненным, но не мучительным, и я навсегда сохранил к ней уважение. Всё вылечила любимая работа. В круговерти будней постепенно перегорели проблемы и печали, и началась жизнь вольная и интересная.

За этими воспоминаниями я незаметно добрался до Богородицка, но когда пришло время свернуть с магистрали, начались проблемы. Купленная в магазине дешёвая дорожная карта оказалась весьма неточной и приблизительной, а навигатор почему-то показывал какой-то запутанный маршрут, кое-как совпадающий с дорогами до Епифани, а потом линия пути и дороги расходились и не совмещались.

Добравшись до Епифани, я забросив бесполезные карту и навигатор на заднее сиденье. Миновав город, я притормозил на развилке и, подчиняясь какому-то внутреннему импульсу, свернул направо.

Зная по горькому опыту состояние дорог в глубинке, я удивился новому ровному асфальту, дорожной разметке и широким, отсыпанным щебёнкой и песком обочинам. Холмистая местность определила и волнистый профиль дороги, то ныряющей вниз, то карабкающейся на вершину. Прожорик бодро бежал вперёд, но я всё чаще поглядывал на стрелку уровня топлива. Пока терпимо, но нужно подзаправиться. Бог его знает, что там впереди. И словно по заказу из-за поворота появился указатель, согласно которому ближайшая заправка находилась в 5 километрах.

Я катил по вольным просторам, наслаждался свободной дорогой и замечательным видом. Далеко в стороне виднелись редкие деревни, вокруг пестрели бескрайние луга, а в окно залетал густой и пряный воздух черноземья.

Но благодушное настроение улетучилось в ту же секунду, когда, перевалив бугор, я увидел впереди бортовой ЗИЛ тёмно-зелёного цвета. Машина ревела на низкой передаче, её мотало от обочины к обочине, и облака пыли, вылетали из-под колёс то справа, то слева.

Притормозив, я пристроился метрах в пятидесяти сзади, дожидаясь, когда пьяная «шайтан арба» либо остановится, либо во что-нибудь упрётся. Но я не мог предположить, что это может произойти так скоро. И, когда на противоположной обочине показалась женщина с двумя детьми, я понял, что грузовик может упереться как раз в них. Непонятно чем и как думал тот, кто сидел за рулём ЗИЛа, но по закону подлости машину понесло в направлении беспечных пешеходов. В последний момент я заметил, что женщина оглянулась, и через пяток секунд пыль скрыла обочину. Грузовик с рёвом покатыл дальше, а я невольно сморщился, чтобы не видеть жуткое зрелище. Но, когда порыв ветра отнёс пыль, оказалось, что обочина пуста, а

в высокой траве под откосом виднеются яркие пятна детской одежды. Я резко затормозил и бросился через дорогу.

– Все живы? – крикнул я, прыгая вниз.

– У-у-у, – потихоньку подвывала девчонка.

– А-а-а! – широко раскрыв глаза, вопил мальчишка.

– Да, вроде целы, – тихо сказала женщина, поднимая на меня испуганные глаза, – я, кажется, успела.

С одного взгляда я понял, что они действительно целы. Быстро осмотрел девочку. Порядок. Приподнял плачущего мальчишку. Тоже порядок. Подсел к женщине. Так. Внешний вид. Глаза. Руки. Ноги. Без явных повреждений.

– Вы меня видите? Ничего не болит? Крови нет?

– Всё нормально. Спасибо. Вы езжайте. Мы тут сами, – сказала она, крепко прижимая детей, – у меня мобильник, я позвоню, за нами приедут. Не волнуйтесь.

Я бросился к машине, желая догнать мерзавца. Словно сопереживая, Прожорик сорвался с места и помчался вперёд, падая и взлетая на дорожной волне. Перевалив очередную вершину, я увидел на спуске знакомый тёмно-зелёный борт, стоящий напротив автозаправки. Подкатив к ЗИЛку, я выскочил из машины, рванул дверцу грузовика, и на меня буквально выпал крупный мужик в приличной одежде, но пьяный до изумления. В глубине кабины слабо ворочался ещё один. Резиновый коврик под ногами пассажира густо покрывали окурки, рассыпанные чипсы, пустые и полные бутылки водки и пива.

– Ты что делаешь, гад?!

– А-а-а... Кто... Н-на-х...

– Ах, ты, тварь!

Я схватил его за шиворот и поволол к зданию заправки в надежде вызвать патруль и пристроить негодяя на заслуженный отдых. Но не успел я сделать и пяти шагов, как из громко распахнувшейся двери, вывалился очень не худой полицейский в расстёгнутой до пупа форменной рубашке. Затем выскочил ещё один, на рубашке которого, будто сломанное крыло, торчал оторванный погон. А следом за ними вышел раздетый по пояс мужчина с волосатым торсом. Я открыл рот, чтобы объяснить копам суть вопроса, но тут же закрыл, увидев, что оба блюстителя ненамного трезвее типа, которого я тащил за шиворот.

– Ты-ы... это... кого схватил... а-а?

– Еду по... – начал я, но тут увидел чёрный зрачок пистолетного дула. Взорванный пузатый коп, покачиваясь и размахивая левой рукой, в вытянутой правой держал пистолет со взведённым ударником и снятым предохранителем. Его напарник пристроился сбоку, усердно шаря рукой где-то сзади на уровне пояса. Третий, «волосатый» медленно приближался последним.

– Т-т-ы, рожа, на кого, и-к, лапы пложил. Убью! И-к. Мого братана-а-абижать? Замочую! И-к.

Мутные глаза и крупно вздрагивающая от икоты рука с зажатым пистолетом заставили сразу поверить. Убьёт. В это время второй коп всё-таки изловчился, вытянул наручники и начал вертеть их перед своим носом. Третий топтался неподалёку и внимательно поглядывал на меня, разминая кисти рук.

Лихорадочно оценивая обстановку, я отвлёкся буквально на секунду, и это едва не стоило мне жизни. Пузатый коп окончательно потерял контроль над собой. Его отравленные водкой мозги перестали взаимодействовать с руками, и палец надавил на спусковой крючок. Б-ба-х! Я резко отклонился влево, отшвыривая пьяного водителя вправо. Три последующих выстрела слились в короткую очередь.

Подгадав момент, я крепко стиснул вооружённую руку. Секунды хватило, чтобы вывернуть пистолет. Ещё секунда, и обойма со стуком брякнулась об асфальт. Секунда. Оттянул

затвор, выбрасывая патрон из патронника. Секунда. И пустой пистолет полетел в бак с отработанным маслом.

Обезоруженный блюстител взревел, как кастрированный бык, выпучил воспалённые от беспробудного пьянства зенки и бросился на меня, вытянув руки со скрюченными пальцами. Не смог застрелить, так наверно решил задушить. Скользнув чуть в сторону, я прихватил его руку, провернул, резко сгибая кисть, и на встречном движении сильно впечатал правый кулак в «солнышко». Разинув рот, он начал складываться, и вдогонку ребром ладони я наотмашь врезал ему в основание согнувшейся шеи. Блюститель с коротким хрюком рухнул, как мешок с повидлом.

Второй коп, спяну ничего не соображая, сдвинув брови и вытянув губы, не оставлял попытки схватить меня свободной рукой. Наверно, очень хотел задержать. Успокоили его сильный удар в печень, два в подмышку и в основание носа. Тихо кхекая при каждом выдохе, он улёгся рядом с пузатым.

Конечно, пьяные полицейские – сила грозная, но я обратил внимание на более трезвого «волосатого», который, подняв руки на уровне груди, скользящим шагом по широкой дуге медленно приближался к месту схватки. Всё понятно. Каратэк. И тут он атаковал.

Традиционный боковой удар ногой в прыжке. (Эх, дядя, не надо так много пить и есть). Низкое приземление. Подкат. Подскок. В полном повороте хлёсткий удар левым кулаком наотмашь в лицо и немедленно прямой правый костяшками пальцев в горло. Неплохо. Но удары «волосатого» ушли в пустоту. Он опаздывал и мазал. Я превосходил его в скорости. Но в целом ситуация мне крайне не нравилась, поскольку нужно было как можно быстрее заканчивать эту возню и валить отсюда подальше. Когда «волосатый» очередной раз промахнулся, провалился и потерял равновесие, я просел в глубокий шпагат, спружинил ногами и сильно кулаком врезал ему по висюлькам. Схватившись за промежность, он согнулся в три погибели, и тогда, вскочив на колено, я добил его резким ударом в ухо. Готово.

Не смотря на суматоху схватки, я чётко контролировал время, и мой внутренний хронометр сообщил, что от момента выстрелов прошло полторы минуты.

Бросив взгляд по сторонам, я заметил в окне автозаправки испуганную женщину, держащую в руках телефонную трубку. Похоже, времени у меня совсем нет и, не дожидаясь кавалерии с мигалками, я решил срочно уносить ноги и во все лопатки рванул к машине.

Подскочив к Прожорику, я ещё раз огляделся и сразу засёк два интересных объекта. На вершине подъёма дороги метрах в ста сзади стоял знакомый серый внедорожник. Я уже хотел рвануть к той машине, исполненный огромным желанием взять «белоглазых» за хобот. Но тут моё внимание отвлек второй объект.

Через оба стекла моей машины, за мной с любопытством наблюдал старичок с торчащей во все стороны седой рыжеватой бородой и такими же взъерошенными усами. В три прыжка я обежал машину спереди, взглянул на деда и вместо задорного взгляда широко раскрытых глаз увидел бровки домиком и доверчивые глаза со старческой слезой. Отступив в сторону, сгорбившись, тихо покашливая и шмыгая носом, он торопливо заговорил, тиская в жилистых руках серый потёртый картуз.

– Уважаемый, выручи старика.

– О чём вы, дедушка.

– Возьми в попутчики, мне вборзе надоть. Да, ведь и ехать нам, походу, в одну сторону.

А?

– Откуда вы знаете?

– Дык, ведь нос твоей машины смотрит туды, куды мне и надобно. Возьми.

– Но я должен вернуться, у меня там... – я обернулся и увидел, что мои преследователи исчезли. Ничего не понимая, я прищурился, протёр глаза, но серая машина будто растворилась в воздухе.

- Уважаемый, стоит ли возвращаться туда, где никого нет?
- Добро. Поторопись, дедуля. Я очень спешу.

Дедок шустро запрыгнул на соседнее сиденье, поёрзал, устраиваясь поудобнее, сложил на коленках ладошки и, задорно задрав бороду, озорно посмотрел на меня. Выруливая на дорогу, я кинул взгляд в зеркало заднего вида и увидел, как из здания автозаправки выбежала женщина и бросилась на колени перед неподвижно лежащим «волосатым». Послушная машина сорвалась с места и понеслась по пустой дороге. Спуск. Подъём. Спуск. Подъём.

Тревожные мысли некоторое время бешено циркулировали в голове, однако с каждой минутой звучали всё тише, а вскоре и вовсе исчезли. Более того, возникло ощущение внутреннего покоя, словно меня прикрыла чья-то большая надёжная рука. Странное чувство. Я сосредоточился и понял, что источником доброй энергии был мой попутчик. Скосив на него глаза, я не успел задать свои вопросы, поскольку дед заговорил первым:

- Слава богу, уgomонилси.
- Но я...
- Ведаю, побоище тебя тяготит. И ещё кой-чево. Так вить?
- Допустим.

– За тех бардадымов не полошись. Бражник в грузовике, то брательник местного урядника... э-э... участкового, тово, што с пистолем. Оба ени жохи и галманы. А и другой хуже подлого ярыги. Третий бугай не лучше. Поделом. По Сеньке и шапка. А вот те валеты, что приметил я в серой машине, не в пример шибко опасны, и мнится, кой-то тебя скрадывают. Однако ежели ени те, о ком кумекаю, то ходу им сюды нету.

Я присмотрелся к деду и подивился глубине его глаз с хитрым прищуром. А ведь не прост дедок. Ох, не прост. Речь его чудна и заковыриста, будто из позапрошлого века, но я его понял.

- Спросить хочу, дедушка.
- Валяй, вопрошай.

– Поле ищу Куликово. Подскажи. Что-то я заплутал.

– А, чё блукать. Здеся вся земля – та славная елань. А на ТО САМОЕ ПОЛЕ своя стезя идёт. Однако мнится, иное тебе надобно.

- Как сказать... – я задумался. «А ведь действительно, что я на самом деле ищу?».
- Часом, не церковку ли на круче?

Я затормозил и внимательно взглянул на деда, сидевшего прямо и торжественно. Он усмехнулся и продолжил:

– Кличут Пахомом меня. Уродился я тута. Давненько живу, да, и ведаю гораздо. Так ответствуешь, аль нет?

– Церковку ищу. Только не знаю зачем.

– Добро. Я тута сойду. А тебе, сынок, внай укажу. Надысь пуля бак повредила, и गरेва в ём почесть ужо нет, достанет бог даст на версту. Чуть дале есть съезд одесную и малая роща. Там оставь мобилу свою, борошень и пёхом к речке ступай. У раскрытой кирпичной избы ошую... э-э... налево свернёшь. Дорога не торная та, но иной не имаем. Минуешь багно и речку увеждишь. То Дон. Тебе на тот край через брод. Семёна сыщи в Лошаках. Брательник ён мой. Гуторь от меня. Прощевай.

Кинув взгляд на приборы, я понял, что бак действительно пуст. Проклятье! Как всё неправильно и бессмысленно! Пока я соображал, что к чему, дедок выскользнул в дверцу и споро пошёл наискосок через луг.

– Э-э, дедушка Пахом...

Но старый картуз уже мелькал среди молодой берёзовой поросли и высокой травы, а вскоре и вовсе исчез из вида. Деда и след простыл. Ну и ну. Давненько со мной ничего такого не приключалось.

Однако рассусоливать времени не оставалось. Я поспешно скатился на плохо укатанную грунтовку, и едва углубился в посадку, как мотор зачихал и заглох. Всё, приехали. Пожалуйте на выход с вещами. Я обошёл машину сзади, осмотрел правый бок, поковырял пальцем в пулевых пробоинах, вздохнул и начал собирать пожитки. Оглядев с сожалением удочки, матрас и коробку с продуктами, я вытянул рюкзак, переделся в камуфлированные штаны и куртку, надел брезентовую шляпу-афганку и переобулся в прочные башмаки-берцы. Затем я сложил в рюкзак нужную одежду, выбрал кое-что из еды и закрыл Прожорика.

«Не скучай тут без меня», – я похлопал его по тёплому боку, и, не оглядываясь, зашагал по заросшей колее.

Глава 3

Примерно через полверсты грунтовка перевалила через бугор и направилась в сторону видневшихся в отдалении заросших кустарником и крапивой развалин. Ага! Вот и первый ориентир. Кажется, именно об этом разрушенном доме и говорил дед Пахом.

Я бодро шёл под горку и с интересом разглядывал окрестности. Однако чем ближе я подходил к кирпичным руинам, тем больше меня охватывала непонятная тревога. А, приблизившись к освещённым закатным солнцем выщербленным стенам, я вдруг ощутил чужое недоброе присутствие. Осторожно оглядевшись и прислушавшись, я не нашёл ничего, кроме тишины и струящегося вечернего марева, поднимающегося словно занавес в иную реальность.

Стоя на развилке дорог, я невольно поёжился, вдруг осознав, что реально оказался на распутье. За спиной остался привычный мир начала двадцать первого века, а впереди – разошедшаяся надвое дорога в неизвестность. Направо более-менее сносная грунтовка терялась меж двух рощиц, и оттуда доносился отдалённый собачий лай. Налево едва заметная, заросшая травой колея ныряла в обрамлённую камышом и ракитником затянутую ряской лощину. Похоже, именно это самое место дед Пахом обозвал багном.

Пока я соображал, куда двинуть дальше, солнце устало сползло за чёрную гребёнку деревьев, загло багряный закат, и на утомлённую землю из тени начали выползать сумерки. За тёмно-зелёной жижей лощины поднимались перепутанные заросли, в которых исчезала заросшая колея. Дед предлагал мне свернуть именно на левую дорогу.

«Дорога не торная та...», передразнил я деда Пахома. Ничего себе дорога! А что тогда называется болотом? Я поскрёб слегка отросшую щетину, и махнул рукой. Эх-ма! Пропадать, так с музыкой! Раздевшись до трусов, я взвалил на одно плечо рюкзак, на другое – перетянутую ремнём одежду и шагнул то ли в густую воду, то ли в жидкую землю.

Шагать с грузом по грязи занятие само по себе неприятное, но помимо этого я не мог избавиться от ощущения противодействия. Мне показалось, что опора под ногами стала исчезать! А ведь, судя по размерам лужи, она не должна быть такой вязкой и глубокой. Ноги всё глубже тонули в непролазной жиже. Движение давалось невероятно трудно, руки удерживали груз, и балансировать приходилось только туловищем. С матюгами выдирая ноги из трясины, я пару раз едва не свалился вперёд. А где-то в середине бучала и вовсе началось что-то невообразимое. Со всех сторон раздался зловещий шёпот, тени сгустились и уплотнились, и в сумрачной дымке впереди померещились грозные бездонные глаза. И тогда, разозлившись по-настоящему, я издал рычащий звук и рванул из цепких объятий болота. Шагать стало намного легче, и через минуту я выбрался на другую сторону коварной лощины, досадливо булькнувшей вслед крупными пузырями. Свалившись без сил в траву, я начал жадно хватать воздух широко раскрытым ртом.

Отдышавшись, я поднялся, оглядел довольно большую, но внешне ничем не примечательную лощину и от недоумения пожал плечами. Затем я пристроил на спине поклажу и побежал по едва видимой в сумерках заброшенной колее, слегка путаясь в мягкой траве. Из множества самых разных желаний тогда я хотел лишь одного, как можно раньше добраться до чистой воды.

Уже в серой темноте впереди блеснула широкая водная поверхность. Под невысоким подмытым водой обрывчиком протянулся ровный, как стол, песчаный берег. Сбросив груз на песок, я оглядел грязные ноги и живот, поёжился, поднял глаза на реку, выискивая место для купания, и замер поражённый феерической красотой.

Разгораясь всё ярче и ярче, из кисейной дымки выбрался широкий полумесяц, окрасивший мир разными оттенками бирюзового цвета. По водной глади побежали искры световой дорожки, обрамлённой лёгким розовым туманом. Казалось, что от одуряющего запаха ночных

цветов тёплый воздух загустел и потёк над рекой. Из туманного пуха выступили неясные очертания другого берега, потерявшего свой край в мерцающей выси. Я шагнул в тёплую воду, которая, словно ласковая зверушка, начала шевелить песок и играть с пальцами. Взвизгнув от охватившего меня восторга, я бросился в реку, которая медленно понесла меня, подталкивая своими струями на стремнину.

Опасаясь, что течение унесёт слишком далеко, я попытался вернуться к берегу, но не тут-то было. Река явно не желала отпускать, затаскивая всё дальше и дальше. Дьявольщина! Только этого не хватало. Я изо всех сил молотил ногами и делал мощные гребки, но вихрящееся течение в водокрутах стало затягивать вниз. Ну, нет! Утопление категорически не входило в мои планы. И тогда внутри произошёл незаметный взрыв, переполнивший меня энергией борьбы. Как ни странно, река успокоилась и отпустила. Вскоре я выбрался на берег и растянулся на мягком песке. Уф-ф. Что-то многовато приключений для одних суток.

Вернувшись берегом назад, я оделся потеплее, и, даже не перекусив с дороги, завалился спать, бросив на сухой песок охапку веток и травы, и, подложив под голову рюкзак. Мне кажется, что я никогда не спал так глубоко и безмятежно.

Утро разбудило меня туманной сыростью, бодрящей прохладой и голодом. Я наскоро ополоснулся на мелководье, и, вытираясь полотенцем, наконец-то разглядел место, куда вчера вывела меня непроезжая дорога.

Река устало несла желтоватую воду, поверхность которой на стремнине рябила завихрениями. Ночью Дон чудился мне шире, а днём оказался совсем небольшой рекой. Кручи на том берегу на самом деле поднимались метров на 10 – 15. Кое-где берег резко обрывался к воде, обнажая слоистые пласты мела и известняка, выступающие широкими светлыми лентами над пологими осыпями и обрамлённые густым кустарником.

Слегка перекусив, я закинул рюкзак на спину и принялся искать вчерашнюю дорогу. Заросшая колея нашлась неподалёку, но не успел я сделать и полсотни шагов, как она окончательно потерялась в прибрежной растительности. Продираясь сквозь высокую траву, частокोल побегов ивы и нависшие ветки ветлы, я ворчал и проклинал непролазные заросли. Моё терпение было уже на пределе, когда впереди показался просвет.

Открывшаяся панорама речной излучины вызвала у меня вполне понятное волнение. На другой стороне круча соскальзывала в широкий и глубокий овраг, промытый впадающим в реку ручьём. За ним берег поднимался, и вдали на самой высотке виднелась макушка полуразрушенной звонницы без купола. Неужто, рисунок в старой книге изображал именно это место? Я напряжённо вглядывался в размытый утренней дымкой контур церковки и только сейчас до меня начало доходить, что всё события последних дней начинают сходиться в одну точку и приобретают конкретный смысл.

В этом месте река мелела и вдвое расширялась, о чём свидетельствовал шумный каменистый перекат. Приглядевшись, я с удивлением обнаружил упирающуюся в воду старую колею, напротив которой торчали два ряда гнилых обломков свай. Ага. Видимо это остатки моста, и, вероятно, рядом с ними и находится переправа.

Недолго думая, я скинул одежду и полез в воду на разведку. Действительно, напротив дороги имелся приличный брод с плотным каменистым дном. Я вернулся, взгромоздил поклажу и шагнул в реку. Сильное течение сразу же набросилось на меня, пытаясь столкнуть с переката. Я сжал зубы и, с трудом удерживая равновесие, медленно двинулся через реку. Мне повезло что, глубина на всём протяжении не превышала метра, к тому же рядом торчали остатки моста, которые помогли мне удержаться на стремнине. Свободно вздохнул я только, выбравшись на другой берег. Проследив взглядом оплывшую колею, я поправил поклажу и пошлёпал по заброшенной дороге, которая, потихоньку извиваясь, ползла по пологому склону вверх. Выбравшись на ровное место, я оделся и осмотрелся.

Утреннее солнце подняло лёгкий ветерок, разогнавший туман и открывший с высокого берега зелёный простор поймы на той стороне с далёкими голубыми холмами на горизонте. А над всем этим великолепием висело огромное лазоревое небо, кое-где испещрённое белыми завитушками облаков. Замечательная картина завораживала, но взгляд всё время возвращался к заброшенной церковке, возможно, хранящей ответы на мои вопросы. Глубоко вздохнув, я засунул в карман сложенную шляпу, взвалил на спину рюкзак и зашагал по едва заметной дороге.

По моим прикидкам до церквушки было рукой подать, но мне опять не повезло, когда дорога упёрлась в протяжённый овраг с ручьём, над которым висел полуразрушенный мост, вернее его остатки. Судя по состоянию замшелых брёвен, на них уже лет десять не ступала нога человека. Опоры обветшали, а накат и вовсе отсутствовал. К моей радости, обе сдвоенные продольные лаги оказались дубовыми, и, не смотря на старость, сохранили прочность. Всмотревшись в глубину оврага, я увидел там россыпь брёвен, уже основательно вросших в плотную зелень. Затем я прикинул длину бывшего моста. Полтора десятка метров. Можно рискнуть. Господи прonesи!

Шагнув на ветхую конструкцию, я подумал, что если она не выдержит, то меня всего изломанного вряд ли быстро найдут. Если найдут вообще. Я медленно заскользил по бревнам, и... через пару шагов столкнулся с нарастающим сопротивлением! Воздух начал сжиматься словно пружина, и, чтобы двигаться дальше, я был вынужден сильно наклониться вперёд. Более того, где-то посредине меня будто кто-то начал толкать то в спину, то в бок, то в ноги. Я ничего не понимал. Тихий летний денёк куда-то подевался, а в ушах загудел ветер и в глазах померк свет. Боже мой! Да, что же здесь творится? Я мысленно встряхнул себя за шиворот, заставляя включить мозговые извилины. Прежде всего, надо успокоиться. Я точно знал, что подо мной обыкновенные дубовые брёвна, а в нескольких метрах противоположный край оврага. Шаг... Ещё шаг... Как трудно удерживать равновесие... Бросок. Я в изнеможении повалился на траву и минут пять приходил в себя. Ничего себе, мостик! Да, Антоха, тебя тут явно не ждут.

Не желая уточнять, что преодолел, я повернулся к оврагу спиной и зашагал по ровному, чуть склоняющемуся к реке лугу. Вокруг распахнулся зелёный простор, наполненный звуками птичьей суеты, стрекотанием кузнечиков, шелестом трав и запахом полевых цветов. Я шагал по земле и радовался, но взгляд по-прежнему притягивался к дальнему краю лугового ковра, где за стеной тёмно-зелёной растительности виднелась обезглавленная звонница.

Добравшись до перепутанных зарослей, старая дорога вклинилась в них, разделив надвое. С обеих сторон среди кустов возвышались дуплястые вётлы, рядом с которыми под замшелыми дырявыми или обвалившимися крышами торчали из бурьяна мёртвые дома с пустыми глазницами окон. Я брёл по заброшенной деревне, и взгляд там и тут натывался на окружённые крапивными куртинами чёрные пятна старых пожарищ, над которыми нависали обожжённые скелеты вековых деревьев.

Проходя мимо одичавших палисадников и засохших садов, я не мог избавиться от гнетущего чувства кладбищенского запустения. Но в душе вспыхнула искра надежды, когда у дальней околицы я разглядел стайку рыжих кур, несколько серых гусakov, а чуть дальше – привязанных к колышку белых коз. Через сотню метров из-за кустов сирени показались два старых, но явно обитаемых дома, сложенных из толстых тёмных брёвен. Отсюда развалины церкви хорошо просматривались кроме самого низа, утонувшего в кустах ольхи и шиповника. Над сплетением веток возвышались выщербленные кирпичные стены.

Внимательно рассматривая церковку, я не сразу заметил, что сам стал объектом пристального внимания. Почувствовав пронзительный взгляд, я обернулся и увидел сидящего на завалинке старичка, одетого в серую под цвет стен одежду. Положив обе руки и подбородок на рукоятку чёрного корявого посоха, он буравил меня глазами из-под козырька старого картуза. Столкнувшись со мной взглядом, он распрямил спину и гордо задрал бороду. Тут я понял,

что добрался до деревни Лошаки и, что этот дедок – Семён, брат моего давешнего попутчика Пахома.

– Здравствуйте, дедушка Семён, меня зовут Антоном.

– ?

– Я от вашего брата Пахома принёс поклон.

– Здорово, коль не шутишь. Благодарствую, конечно. Да, токмо видались мы с ним ужотко.

Теперь пришёл черёд удивляться мне.

– С кем? С дедом Пахомом? Мы ж с ним расстались поздно вечером на той стороне.

– С ним, сердешным. Прибёг полночь, наговорил невесть чего. Да, ты седай рядком, охолони. Кури ежели хошь.

Я присел на дощатую завалинку. Закурил. Привалился к тёплым брёвнам и почувствовал, как по всему телу медленно разлилась истома. Я вытянул ноги, закрыл глаза и, ощутив волну приятного умиротворения, замер, боясь спугнуть состояние тихой радости. Рядом кашлянул дед Семён:

– Кхе-кхе. Взаправду гуторил Пахом, приняла тебя земля, – пробормотал он скрипучим голосом, по-прежнему опираясь на корявую палку из тёмного старого дерева и глядя прямо перед собой.

– О чём это вы, дедушка?

– О тебе, паря. О тебе. Чую в тебе силу и правду, токмо шибко глубоко они захованы.

– Дедушка Семён, ваш брат обещал, что вы поможете мне кое в чём.

– Отчего ж не подсобить, доброму человеку, коль он нуждается. Да, ты не сумлевайся, вопрошай. Мол, что тут за место чудное? Кто вы сами такие будете? Отчего отшельниками бытуете? Что про меня ведаете?

– Я не...

– Место сие внай непростое. Тут многие тыщи лет народ наш жил. Предки предков и пращуры. И наша весь... по-нынешнему село, по-разному называлась, в позапрошлом веке прозвали её Лошаки, а до того по-иному. Спросишь, што опричного тут? Земля, как земля. А истина в том, што глубоко в тутошних недрах встретились четыре стороны света: север да юг, запад да восток. А потому силы тут много, и не все могут её стерпеть. Вишь, а тебе по ндраву пришлось. А, што касася нас с Пахомом, то мы последние из жителей тутошних, и нам выпала доля вдокон край сей хранить. Людей встречать-привечать, аль спроваживать подобру-поздорову. А тепереча вопрошай о главном.

Я потёр подбородок и всё рассказал.

– Виденье мне было, и рисунок я в книжке старой нашёл. Срисовал, но ничего не понял... По правде сказать, после того покой потерял. Там про поле Куликово написано и про иную судьбу. Подумал, сел в машину, да и поехал. Деда Пахома по дороге встретил, он сюда направил. Рисунок при мне. Там церковка, и всякие странные знаки.

Дед Семён внимательно слушал, кивал, чертил на земле кончиком посоха, кряхтел и снова кивал.

– Как добрался? Не препятствовал ли кто, не забижал?

– Честно сказать, трудновато ехал. Будто за ноги кто-то хватал. Всю дорогу от самой Москвы за мной тащились два белоглазых типа в коричневой одежде, и думается мне, что все проблемы как-то с ними связаны.

– Што, што! Значит, не заблазнилось Пахому. Давненько мы о них не слыхивали. Вновь объявились, ироды, – дед стукнул палкой по земле, что-то проворчал под нос и покачал головой.

– А, после старых развалин у развилки вообще творилось непонятное, то в болоте завяз, то в реке чуть не утонул, то мост едва меня не сбросил. В голове всё перепуталось. Что здесь за место, дедушка?

– Место сие само себя стережёт и пушает не всякого. Грязное багно, речная бырь, асотный мост, то всё блазн, но чужаков лихо отваживает. – Он легко поднялся, взошёл на крыльцо, в дверях обернулся и кивнул мне на медную ендову, висящую на столбике. – Сполоснись-ка с пути, да в избу заходи. Поснедаем, а опосля и потолкуем.

Я хотел вежливо отказаться, но передумал и не стал перечить старику. Умывшись, я вытерся чистым рушником, висевшим на сухом сучке, подхватил рюкзак и шагнул на крыльцо. Пройдя через сени, я толкнул толстую дощатую дверь, и, наклонившись, чтобы не врезаться головой в притолоку, вошёл в горницу. Некоторое время я соображал, что в доме не так, и вскоре понял: нет характерного затхлого печного запаха, что присутствует в каждой деревенской избе. В большой светлой комнате легко дышалось, пахло свежим деревом, травами и хлебом. Поблёскивал выкрашенный светлой охрой пол, и сияла белизной стоящая справа русская печь со сводчатым подом, загнетками и лежанкой. Под потолком со стороны входа к ней были пристроены палаты, под которыми виднелась аккуратная поленница, источающая густой берёзовый дух. В глубине ниши под палатами у стенки стояли ларь и бочка-бодня с крышкой. Слева в красном углу по обычаю висели три иконы в тёмных киотах, украшенных вышитым рушником. Длинный стол покрывала бежевая скатерть. В том же красном углу пристроились к стенам две широкие лавки. С другой стороны стола стояли три деревянных табурета. В дальнем правом углу за скромной занавеской виднелась старинная кровать, накрытая светлым покрывалом.

Привычно занявший место хозяина дед Семён широким жестом пригласил меня за стол. Придвинув табурет, я присел и по достоинству оценил сервировку. В глиняной мисе горкой лежала бутеня (творог с топлёным молоком), рядом в такой же посудине дымились крупные куски рыбы. Плоская деревянная тарелка с зелёным луком, укропом и редиской соседствовала с солонкой и большой чашкой, наполненной золотистым мёдом. В плетёной хлебнице лежал крупно нарезанный душистый хлеб, а в высокой обливной махотке белело холодное молоко. Дед ел мало, молча, не спеша, а я, вскормленный на малосъедобной городской пище, впервые за много лет с удовольствием уплетал простую здоровую еду. Поблагодарив хозяина за угощение, я вышел из дома и машинально потянулся за куревом, но сунул пачку обратно в карман, поймав себя на ощущении, что курить совсем не хочу. Чуть погодя вышел дед Семён и присел рядом.

– Ещё раз спасибо дедушка Семён за обед, никогда не ел ничего вкуснее.

Он хмыкнул в бороду:

– Пустое. Здрав буде, – он опёрся двумя руками на свою палку-корягу и спросил, – погуляешь аль погутарим?

– Немного пройду, огляжусь, подумаю.

– Добро. Постелю тебе на кровати, я-то привык на печке. А к церковке ноне не ходи. Без толку. Тока руки да ноги обдерёшь. – Он легко поднялся и прошёл во двор.

Выйдя из дома, я, не спеша, отправился за околицу. Сразу за домом тропинка раздвоилась. Одна убежала вниз к реке, другая протянулась вдоль кручи и спряталась в невысокой траве. Отойдя с четверть версты, я оглянулся, чтобы рассмотреть церковь с другой стороны. Она так же сиротливо возвышалась среди непролазных зарослей, из которых кое-где одиноко торчали ржавые кресты заброшенного погоста. Походив вокруг да около, я вернулся на тропинку и направился вдоль крутого берега, с любопытством разглядывая окрестности.

Слева над затянутой лёгкой дымкой поймой, раскинулось голубое небо, испещрённое лёгкими штрихами облаков. Справа на освещённой солнцем напольной стороне волновались цветущие луга, просечённые морщинами оврагов и упирающиеся вдаль в тёмную гребёнку леса. Вокруг жужжала, щебетала и стрекотала живая природа, а когда я услышал долгожданную трель жаворонка, то, не раздумывая, завалился на спину в мягкую траву. Вдыхая наполненный живыми запахами воздух, я грыз травинку и, прищурившись от блаженства и избытка

света, смотрел в бесконечную лазурь, в которой на восходящих потоках медленно кружила пара сапанов.

Незаметно я задремал, а, когда пробудился, солнце уже коснулось закатных облаков. Душа моя отдохнула, но на самом краю сознания сохранилось ощущение кануна чего-то важного.

В лучах уходящего солнца тропинка отчётливо выделялась на фоне потемневшей от глубоких теней травы, я шёл вдоль обрыва к деревне и смотрел, как внизу медленно несёт свои воды помрачневший от наступившего вечера Дон. Солнечный диск утонул в серой мути горизонта, из тени выбрались сумерки, и вместе с ними реку накрыла дымка тумана.

Постучавшись в дверь, я услышал ответ деда и зашёл в горницу. Несмотря на лето, в печке весело потрескивал огонь, вылизывая берёзовые поленья и отбрасывая на пол и стену причудливые блики. Три толстые свечи в медном подсвечнике мягко освещали стол, за которым с очками на носу сидел дед Семён и читал книгу.

– Садись, перекуси, – не поднимая головы, сказал он.

– Спасибо, у меня есть кой-какие харчи.

– То всё небрашно и вредно. А, впрочем, как хошь.

Немного подумав, я отложил свои припасы, за десять минут смолотил козий сыр, хлеб с маслом, мёд и запил всё это ароматным чаем.

– Куда убрать со стола?

– Оставь. Я сам. – Дед сделал на бумаге ногтём пометку, заложил страницы сухим дубовым листом и закрыл книгу. Затем он снял очки, потёр пальцами глаза и попросил показать копию рисунка.

Пока я доставал сложенный вчетверо лист, на столе появился ещё один трёхсвечник. Дед разгладил рисунок, снова нацепил очки, присмотрелся, взял из стакана остро отточенный карандаш и вопросительно взглянул на меня. Я кивнул головой, и тогда он осторожно добавил к рисунку несколько линий и знаков. Квадрат с тремя знаками он обвёл квадратом побольше, от его углов наружу провёл двойные линии, а к сторонам пририсовал небольшие полукружья. Затем в самом центре всей композиции изобразил кружок с точкой.

– Вот, доля тайны, хранимой нами без малого пять десятков лет. Как думаешь, отчего я сие гутарю?

– Понятия не имею.

– А, оттого, что настало время тайну раскрыть. Прибыл ты, значить, тебе и слушать, и делать. А, что делать, соображай сам. Похоже, парень ты умный, а потому должен всё свершить как надобно. Запомни. Землю сию сами боги подняли из дикости две сотни тыщ лет назад. – Он покосился на икону и перекрестился. – Сами трудились они, созидавая земли лепоту, и страна та Туле называлась. В те времена от полуночного до полуденного моря вертограды цвели и пажити тут колосились. Но однажды за власть грозно заспорили боги, и возникла вражда. Бунт вспылал, юнаки восстали, не желая тяжко горбатиться на старшину, и стали войной угрожать. Вместе сошлись тогда старшие боги и порешили создать человека, дабы работал он вместо юных богов. Сказано-сделано. Первые люди не умножались, и делали их аки машины, и жили подолгу они. Однако ж вражда всё одно не стихала, и теперича люди стали истоком её, ибо един из родов их имел, а иной вовсе нет. И вакульно ухитил тех работяг брат-соперник бога-творца. Время прошло, и опечалился вор, ибо мало людей ему стало. Блазнил он брата, считая его простофилей. Бог же творец умно решил отомстить подлому брату и вновь сотворил человека. Щеула бысть в том, что новые люди могли умножаться и жить по себе без богов. Разумными стали те люди и самовольно проникли во многие тайны, за что и изгнали их вон из града богов. Тысячи лет миновали, люди умножились, но одичали и разбрелись по земле. И в наших краях бытовали они. Многие аки дикие звери шатались в лесах и чащобах, а иным боги орудия дали и к работе полезной пристроили.

Время текло, и страна процветала, но тому уж сто тысяч лет, как пришла беда с полуночи. Ледяные горы высотой в версту землю накрыли и всё изничтожили. И тогда боги покинули гиблую землю. Прошли они сквозь чудесные врата, что возвели в опричных местах сходов сил. Тыщи зим миновали. Трижды ледник наступал, изуродовал образ земли и извакостил весь этот край. Всё изменилось, старые кручи сравнялись, и новые тут поднялись, старые реки иссохли, а новые землю здесь рассекли. Многие чудесные врата исчезли в руинах или под землю ушли, негодными стали, и распалась их связь. Земля же обидла и родить перестала. Но не все тогда беды минули, и 12 тысяч лет как тому потоп начался небывалый. Всё, что создали боги, втуне пропало, а сами они лишь чудом спаслись в доме небесном своём. Долго на небе хоронились боги, а вернулись и не узнали Земли. Канул мир их благой и сотворённая земли лепота. И людей осталось лишь чуть, все, кто укрыться успел в высоких горах, в пещерах, варах или баржах особых. А среди богов вновь вспылала вражда за остатки земли. И тогда страшные войны богов впервые узрела Земля. А между тем люди умножились в землях пустынных и вновь объявились, и тогда боги, будто поленья, стали бросать в пламя войны племена, сделав оружием боя людей. Злоба и зависть души людские изгаздали, в народах посеяв вражду. Однако ж надежда и ныне теплится, ибо остались врата и иные чудесные вещи, силу свою сохранившие. Испокон место сие стережём, однако ж путь нам закрыт, а ключ неизвестен. Но точно же ведомо то, что избранник придёт и исполнит щуров завет. А если сказать по-научному, то портал пространственно-временной телепортации может активировать человек, имеющий определённый спектр биополя, зависящий от наследственного кода ДНК, использующий для этого специальные устройства-ключи.

На фоне размеренного сказания последняя фраза прозвучала, как выстрел в тишине. Господи, да откуда он про телепортацию и наследственный код ДНК нахватался? Но дед Семён, как ни в чём не бывало, продолжал, перейдя на современную речь:

– Мы с Пахомом не раз пробовали активировать портал, но не смогли. Попробуй ты. Ведь именно об этом намекал твой «призрак».

А, что касается твоих неприятностей, то это только цветочки, ягодки придётся собирать позже. Борьба божественных кланов причудлива, и порой даже сами исполнители не догадываются, что являются орудиями чужой воли. Привыкай. По всему видать, что в мире начинается новый виток большой борьбы за власть. Недаром же опять появились белоглазые злодеи. Однако не майся. Сейчас отдыхай, а все вопросы утром, – сказал, как отрубил, дед и, кряхтя, полез на печку, где долго ворочался, вздыхал и что-то бормотал.

Забравшись в прохладную постель, я попытался хоть как-то осмыслить услышанное, но усталость взяла своё, и я незаметно уснул...

...Я точно знал, что сплю, но меня окружила настолько осязаемая реальность, что я хлопнул себя ладонью по щеке и сморщился от боли, поскольку руку покрывала кольчужная перчатка. Другую руку оттягивал длинный прямой меч.

Я стоял в одиночестве на стене цитадели в иссечённых доспехах и с непокрытой головой. Слегка помятый и забрызганный кровью шлем лежал у ноги. Окровавленное подножие твердьни сплошь устилали трупы врагов, над которыми уже кружились стервятники. Сзади в крепостные стены тяжело билось студёное море, скручивая воду в бешеные водовороты и высоко взметая солёные брызги. Сморщившись от порывов холодного ветра, я всматривался вдаль, замутнённую красноватой дымкой тумана.

Вдруг пространство содрогнулось от жуткого звука, заглушившего тяжёлый ритм прибоя. На фоне едва пробивающегося через красную муть солнечного света, в полнеба поднялась белая фигура ангела. Расправив крылья, он призывно трубил, собирая защитников земли на последний бой. Но кроме меня в живых никого не осталось. И тогда от невероятной силы

звука разверзлась земля, и из разломов поднялись миллионы мертвецов. Трубный рёв, казалось, потряс саму суть вещества и начал сжимать и раскачивать материю.

Проследив за движением видимых волн сжатого пространства, я слезающими от ветра глазами взгляделся в горизонт, и ужас сковал душу. От самой кромки приближалась волна абсолютного мрака. Глядя на накатывающуюся лавину полного распада, я сразу понял, что даже с помощью армии мертвецов не в силах сдержать напор губительной тьмы.

Сбежав по каменной лестнице во внутренний двор, я вложил меч в ножны, вытащил из скобы горящий факел и поспешил шагнуть в подземелье. Не успев пройти и трёх витков по узкому винтовому ходу, я услышал смертельный стон земли. Раздался невообразимый гул и грохот. Со свода посыпались камни. Я опрометью бросился по ступеням вниз, рискуя сломать шею. Засыпанные щебнем ступеньки уходили всё глубже и глубже, и, в конце концов, я оказался в заросшей сталактитами пещере, в дальней стене которой зиял темной сводчатый проход. Пробираясь через гроздьё каменных сосулек и частокол сталагмитов, я добрался до входа в катакомбу. Плутать в сыром полумраке пришлось недолго, и ход вывел меня в замкнутое пространство. Выложенные огромными каменными блоками стены гигантского колодца уходили вверх и терялись в чёрной вышине.

На ровном полу в центре возвышался большой аспидно-чёрный блестящий куб, и я точно знал, что именно в нём кроется спасение, и, что надо торопиться, ведь убийственная волна мрака шла за мной по пятам.

Я забрался на верхнюю грань куба и мысленно попросил у него помощи. Тотчас меня охватил поток света, словно под ногами вспыхнул прожектор. Мощный луч ударил снизу вверх и растаял в бескрайнем космосе. Зенит озарила яркая вспышка и по лучу вернулась ко мне. Я купался в звёздном огне и сам стал частью его. Пришло глубокое понимание сути многих вещей и законов природы. Однако через мгновение свет исчез и меня опять окружил полумрак. Но теперь я уже точно знал, как выбраться из смертельной ловушки.

Спрыгнув с куба, я подбежал к стене, навалился на один из камней, и он сдвинулся в сторону. Я оказался в туннеле, левую стену которого сплошь покрывала сверкающая зеркальным отливом зелёная чешуя, а правую – красная глина с проросшими внутрь корнями. О его протяжённости можно было только догадываться, поскольку ход терялся в сизом тумане. Я бросился бежать, но сгустившаяся впереди тень заставила перейти на шаг. Вблизи эта большая странная фигура оказалась осёдланным гнедым жеребцом. Он нетерпеливо бил копытом, фыркал и косил фиолетовым глазом. Недолго думая, я запрыгнул в седло и натянул поводья.

Конь вынес меня на поверхность у подножия холма. Взору открылась живописная долина, очерченная по горизонту синими пиками гор. Справа с заросших зеленью скал ниспадали расцвеченные яркими радугами водопады, слева простиралась водная гладь, а передо мной среди цветущих лугов и фруктовых садов поднимались аккуратные разноцветные домики под черепичными крышами. Лицо ласкал ветерок, и над этим прекрасным миром поднималось огромное солнце, которое мягко согревало землю тёплыми лучами...

Глава 4

Заскочивший в окошко солнечный лучик настойчиво пытался пробраться сквозь закрытые веки. Я повернул голову и приоткрыл глаза. Тишину дома перечеркивал яркий свет, в котором лениво плавали пылинки. Я бодро поднялся, наскоро заправил постель и побежал на реку.

Вернувшись через час с мокрой головой и отличным настроением, я застал дома обоих дедов, чинно сидевших за столом. Глядя на их одинаковую одежду: светлые холщовые рубахи, серые штаны и начищенные до блеска чёрные яловые сапоги, я не мог сдержать улыбку от их поразительного сходства. Однако при этом Пахом был поозорнее и пошустрее, а Семён – посолиднее и порассудительнее.

– Доброе утро.

– Здрав буде, молодец.

– Седай, Антон, почаёвничаем.

Я набросился на еду и не сразу заметил, что деды почти не едят и бросают на меня короткие взгляды. Я не донёс пирожок до рта, и с недоумением посмотрел на хозяев. Дед Пахом спохватился и начал суетливо наливать в кружку чай, а дед Семён отвернулся к окну и принялся что-то там рассматривать.

– Что случилось? Наверно мне пора и честь знать?

– Не смущайся. Снедай во здраво.

Я поспешно закончил завтрак, поблагодарил дедов и встал из-за стола. Дед Пахом тут же вскочил и, взяв меня под руку, увлёк наружу. Усевшись на завалинке, мы завели ничего не значащий разговор о погоде, и вдруг дед неожиданно спросил:

– Слышь, Антон, а что ты ведаешь о своих прадедах?

– Ничего не знаю.

– А, о дедах?

– Нет.

– А, о батьке?

– Н-нет. Я сирота, дядька Николай меня вырастил. Да, что случилось то?

– Погоди малёк.

С другой стороны, ко мне подсел дед Семён и, как всегда, опёрся о палку двумя руками.

– Чо молчишь, давай, гутерь, – заёрзал дед Пахом.

– Раскудахтался. Успеца. Вопрос сурьёзный, – проворчал дед Семён, переходя на правильную городскую речь, – скажи-ка, Антон, как погибли твои родители?

– Толком не знаю. Со слов дяди Коли, мне тогда исполнился всего год. Он говорил, что произошла страшная авария.

– А, батюшку твоего как звали?

– Владимиром.

– Видишь ли, Антон Владимирович, по всему выходит, что очень странный ты человек. Странный, в смысле – не обычный, – проскрипел дед Семён. – Мы с Пахомом всю ночь тебя охраняли и заодно изучали. Не спрашивай как, не поймёшь. Спектр твоего биополя ни на что не похож, мозг твой абсолютно непроницаем, а его энергетика чрезвычайно высока. Помнишь ли позавчерашних злодеев на серой машине?

– Ещё бы не помнить. Жаль скрылись. Очень большой вопрос у меня к ним.

– Ты многого не знаешь. Это не простые люди, вернее не совсем люди, ещё правильнее – совсем не люди. Они приходят из невообразимо далёкого прошлого, появляясь неизвестно откуда. И они всегда спутники беды. Большой беды. Но на нашей земле им места нет. По неизвестной причине энергетический спектр в этой местности им резко противопоказан. Белогла-

зые супостаты смертельно опасны и, добиваясь своего, никогда не останавливаются ни перед чем и ни перед кем. А тебя они почему-то испугались. Вместо того чтобы сделать задуманное, они побоялись даже приблизиться. – Дед Семён надолго замолчал, потом вздохнул и продолжил: – Если тебе это что-то скажет, твой спектр биополя копия ихнего, но с обратным знаком. По всем приметам ты сродни носителям древнего зла, а, по сути, их полная и абсолютная противоположность. Послушай, Антон, и только не сердись. Мы с Пахомом считаем, что ты либо не от мира сего, либо не от времени сего. А, кто, не знаем. Не обессудь.

– Ладно, не от мира, так не от мира. Главное, что я сам чувствую себя нормальным человеком. Об этом, что ль разговор?

– Не только, – дед Семён положил на колени свою кривую палку, снял картуз, поскрёб макушку и нахмурился. – Мы с Пахомом считаем, что именно тебе предстоит пройти через портал, а что там тебя ждёт, неизвестно. Дело в том, что хранители то мы хреновые, не чета прежним. Дед наш немного из древней науки успел нам передать, расстреляли его ещё до Войны.

– О чём это вы?

Деды разом встали на ноги, расправили узкие плечи, и дед Семён торжественно продолжил.

– Мы должны подготовить тебя и передать то немного, что знаем, чтобы выжить ты смог. Однако Пахом толковал, что ты кое-что можешь и бьёшься по правилам. Откуда уменье, коль не секрет?

– Дядька Николай меня обучал.

– Х-м, дядька, говоришь. А кто он таков? Чем занимается? С чьей он стороны, матери или батьки?

– Не знаю. Пытал его пару раз, но чуть по шее не получил. Темнит, однозначно. Но говорит, что мой отец, его брат был намного круче его.

– Добро. Так согласен ли поучиться бою у нас?

– О чём разговор! – Я встал и дурашливо поклонился в пояс, – вельми прошу поучить бестолкового.

– Антон, не валяй дурака. Как гаер, право. Коль согласен, то за нами ступай, – добродушно проворчал дед Пахом.

Деды повернулись и, не спеша, направились в сторону церковки. Пройдя с полсотни шагов, они остановились на ровной лужайке, заросшей мелким спорышем.

– Подступи, Антошка, встань супротив, – промурлыкал дед Пахом, переминаясь с ноги на ногу. – А, теперича вломи со всей дури, да, жалеть не моги.

Я пожал плечами и без подготовки резко ткнул кулаком деда в грудь. Но моя рука провалилась в пустоту, а он слегка провернулся, отклонив корпус. Поднырнул. Распрямился. Припечатал левый кулак мне в ухо. И, заканчивая волнообразное движение, вернулся в исходную позицию. Я сначала слегка обалдел от неожиданной реакции внешне тщедушного деда, от змеиной плавности и изящной текучести его движения и от звона в ухе, а потом меня охватил боевой азарт. Я сделал ложный выпад и одновременно хлестнул правой рукой соперника в голову. Опять промазал и тут же получил два ощутимых тычка в грудь, а затем точечный удар в нервный узел на правом бедре. Нога предательски ослабла, подломилась, и помимо воли я завалился на бок. Поблёскивая глазами из-под кустистых бровей и широко улыбаясь сквозь усы и бороду, дед Пахом, как всегда ехидно, проговорил.

– Ну, и вдосталь с тебя энтой блябли.

– Дедушка Пахом, этого не может быть, но ты меня уделал, – ошеломлённо проговорил я, потирая онемевшую ногу, – покажи, как ты это сделал.

Дед, наслаждаясь триумфом, продолжал улыбаться и гордо топорщить бороду. Затем он помог мне подняться, потеревил бороду, кашлянул, посерьёзней и переменил стиль речи:

– Главное – понять смысл боя. Не открою секрета, если скажу, что побеждать нужно ещё до схватки силой ума и силой духа. Конечно, и техника важна, но нужно понимать, что поражение малой точки иногда приносит куда больший толк, чем удар дубиной. Знай, что одним точным ударом можно загнать противника в паралич, глубокий сон или смерть. Я научу тебя бою предков, который в наше время почему-то называют «бузой», древней и оплаченной тысячами жизней науке побеждать. Опосля обеда и начнём. – Он хитро прищурился и опять заговорил на своей архаичной тарабарщине: – Эге-е, рассупонься, гаваронок, деробить боле не стану. Токмо мне старому барандохе вяхирей не накидай.

– Ну, дедушка Пахом, ты даёшь! – выдохнул я и перевёл дух.

– Я-то, што, вот Семён щас тебя изумит.

Я обернулся. Дед Семён стоял поодаль и с улыбкой наблюдал за нашей вознёй. В его руках я заметил две метровые дубовые палки.

– Антон, подь сюды.

Я подвигал ногой. Порядок. Покрутил головой. Нормально. И направился к деду Семёну, уже на ходу ловя брошенную в меня палку.

– Кулачки и мордобой – то для жизни и порядка. А для смерти и против смерти нужна сталь. Не знаю, какие опасности тебя поджидают, а потому обучу оружию прашуров. Пригодится, аль нет, то не ведомо, а шанс ты должен иметь. Наука Пахома здесь тоже сгодится, суть ведь едина, но навык нужен особый. Представь, что не палка то, а клинок. Нападай!

– Да, я понятия не имею, как это делается.

– Чепуха, всё ты знаешь. Память предков знает. Да, и сдаётся мне, ты сам ещё не понимаешь, что можешь. Давай!

Я поднял палку на уровне груди и нанёс колющий удар с подсечкой слева. Дед легко блокировал. Затем его палка неуловимым движением обогнула мою, проскользнула вперёд и упёрлась в область сердца. Я разозлился, отскочил и начал бить сверху и сбоку. Дед улыбался, а его палка всё время оказывалась на пути моей, проскальзывала вдоль и, в конце концов, всегда касалась то моего горла, то лба, то сердца. Дед ловко крутился, то нанося удар с поворота, то из-за спины, то снизу. Через четверть часа я опустил своё «оружие» и, скорчив гримасу, развёл руки. Дед Семён покачал головой и строго сказал.

– Запомни. Оружие должно быть при тебе, а не наоборот. Оно продолжение твоей руки. Заранее его почувствуй, пойми его суть. И не требуй от него большего. Конечно, для победы в клинковом бою нужны навыки и хладнокровие, но не спеши бросаться в драку. Сначала постарайся разгадать противника и найти его слабость. Нет непобедимых бойцов, и у каждого своя ахиллесова пята. Перед боем и в бою никогда не злись и не гневайся. Верь себе и уважай врага. Любой бой – это жизнь, или смерть, ни больше, ни меньше, и не надо этого усложнять. Встряв в сражение, не сомневайся, уже поздно сомневаться. Смотри противнику прямо в глаза, там можно увидеть почти всё. Сразу почувствуй рисунок боя, как музыку, и не старайся осмыслить его ход. Сознание в этот миг – твой враг, освободи разум, добейся озарения, куража и действуй. Собери энергию в солнечном сплетении, а затем перебрось её через руку на кончик клинка. А теперь смотри и запоминай или, вернее... вспоминай. Хват... Стойка... Позиция... Блок... Выпад... Удар... Проход... Уклонение... Ещё... Ещё... Ещё...

Спустя два часа дед Семён смиростивился, отпустив меня, в край умотанного бешеными нагрузками. Страхивая пот с бровей, он отложил «оружие» и кивнул Пахому, оповещая об окончании занятий. Мокрый, как мышь, я остановился, свесив обессилевшие трясущиеся руки. Горло страшно пересохло, и я с минуту выкашливал воздух, чтобы снять противное напряжение. Подскочивший дед Пахом протянул мне льняное полотенце и затараторил.

– Не межуйся, Антошка, крепше вникай, руками поболее работай, чтоб запомнили ени. Скажешь, не поспеешь. Ошибаисси. Ты заглавно вникай, а в ином нам доверяй, – он заговор-

щицки подмигнул и зашептал на ухо, – способ имеем науку тебе втолковать. Завтрева сам узе-тишь.

Я кивал головой, делая вид, что внимательно слушаю, но измученный организм желал только одного – воды и покоя. От обеда я отказался, лишь выхлебал у колодца прямо из ведра пару литров воды. Затем скинул одежду, вылил на себя остаток влаги, вытерся рушником, забрался голышом на сеновал и упал на спину. Все мышцы возмущённо гудели и ныли. Незаметно я задремал и очнулся оттого, что меня кто-то тянул за ногу.

– Антон, подымайся. Ты, чего засветло задрых? Слезай и ступай поснедай. Иначе не выдюжишь.

Я приподнялся, кивнул деду Пахому и удивился тому, что почувствовал себя почти отдохнувшим. Спустился вниз, натянул одежду и вошёл в дом.

– Снедай во здраво.

Усевшись за стол, я мигом проглотил жареного судака, пшённую запеканку, зелёный лук, козий сыр и кисло-сладкий ягодный морс. Дед Семён поднялся из-за стола, за ним встали и мы с дедом Пахомом.

– Через час жду на токовище, – прохрипел дед Семён.

Выйдя после обеда на улицу, я опять почувствовал, что совсем не хочу курить. М-да. Может и впрямь удасться бросить эту отраву.

Через час я стоял посреди лужайки, названной дедом Семёном токовищем. И снова оба деда по очереди гоняли меня до седьмого пота. На закате я чуть живой притащил своё туловище к дому. У колодца напился и вылил на себя ведро воды. Вытерся насухо. В доме я рухнул на кровать, сразу провалившись в глубокий сон.

Рано утром я проснулся оттого, что выспался и чувствовал себя необычно бодро и легко. С воплем «ура-а» я бросился по крутой тропинке вниз, плюхнулся в тёплую донскую воду, и, наслаждаясь борьбой, с полчаса плыл против течения. На одном дыхании я забежал на кручу и радостно ввалился в горницу.

Оба деда, как всегда, сидели рядышком за столом, но имели, прямо скажем, фиговый вид. Они осунулись и разом постарели. У деда Семёна под глазами обозначились тёмные круги. Я сильно встревожился, решительно подошёл к столу и проверил их пульс. Частый, неровный. Преодолевая слабое сопротивление, я выслушал их сердца. Тоны приглушены. Деда переглянулись, и устало улыбнулись, а в их глазах я увидел подозрительный блеск.

– Короче, так. Сегодня никаких тренировок и нагрузок. Полный покой и принимать лекарства, что сейчас дам. Вы, что деда, совсем хотите себя угробить? В вашем-то возрасте так напрягаться. Меня вчера загоняли до полусмерти. Думал, утром вовсе не встану, а...

И тут до меня дошло, что их дрянное состояние совсем неспроста. Я резко повернулся и внимательно присмотрелся к дедам, которые смущённо улыбались и покряхтывали.

– Значит это всё ваши фокусы! Я, значит, дрыхнул без задних ног, а вы накачивали меня своей энергией. Я не...

– Молчать! – хрипло прикрикнул дед Семён и стукнул ладонью по столу.

– Антоша, ты ведь напрасно ругаисси, – промямлил дед Пахом.

– Вот, что, Антон. Дело предстоит не шуточное и, скорее всего, опасное. Мы, может быть, к этому моменту всю жизнь готовились. И не только мы, а и все наши предки-хранители, сотни поколений. Пойми и осознай, что ты уйдёшь в абсолютную неизвестность, и хода обратного нет. Ведь ты уже посвящён пути.

– Не понял. Что значит, посвящён?

– А, то значит, что путь избранного Высшим Творцом – тяжёлое, порой невыносимое испытание тела, души и духа. Все последующие этапы совершенствования называются посвящениями и преодолеваются силой воли трудно и мучительно на грани возможного. Первое посвящение – это осознание разума, отделяет разумных и честных людей от разных скотов

и негодяев. Второе – избрание неба, определяет человеку особую миссию. Третье – защита истины, рождает борца за высшие цели. Четвёртое – просветление души, наделяет человека силой мысли и осознанием сути бытия. Пятое – снисхождение духа, приобщает смертного человека к высшим силам. Шестое – творец земной, наделяет человека способностью созидать что угодно на земле силой своей мысли. Седьмое – творец небесный, возникновение высшей созидательной личности, не нуждающейся в телесной оболочке. Позапрошлой ночью ты прошёл второе посвящение.

– Как это?

– Вспомни-ка сон, чёрный блестящий куб, луч света в небо и внезапное озарение, понимание многих тайн вселенной. Твой сон – это иная реальность, в которую тебе чуть приоткрыли дверь.

– Но откуда..? Не может быть!

– Может, может. Кстати, во время посвящения ты получил извне гигантский объём информации, которая пока закрыта от твоего сознания. Ты ещё слаб и не можешь использовать её по своей воле. Лишь изредка в моменты опасности или душевного волнения, эти знания, будут прорываться вспышками, неожиданно наделяя тебя нужными навыками. И одна из ближайших твоих целей, найти ключ к этой кладовой памяти. Вот так-то, Антон Владимирович, Избранный Небом. Готов ли ты к тяготам и страданиям во имя истины и справедливости? Ещё не поздно отказаться. Подумай.

Пытаясь унять бешено забившееся сердце, я глубоко вздохнул и враз охрипшим голосом ответил:

– Готов.

Дед Пахом, покашливая, положил руку на плечо брата и негромко сказал.

– Ты, Семён, парня не стращай. Ему теперича и дела на ум не пойдут. Ты, Антошка, ступай на токовище, делом займись, а следом и мы подтянемся.

Слова деда Семёна ошеломили меня. И вправду, от этих старичков-боровичков можно ожидать чего угодно. Окинув их взглядом, я бросил уже приготовленные сердечные препараты в аптечку и в глубокой задумчивости вышел из дому, чуть не приложившись головой к низкой дверной притолоке. Глотнув воды прямо из ведра, я встряхнулся и направился на вчерашнюю тренировочную площадку.

Оглядев «токовище», утопанное до состояния асфальта, я хмыкнул и почесал подбородок. Эх, я вчера потруился. Встав в свободной стойке, я закрыл глаза, настраиваясь на бой, и вдруг ясно осознал, что отлично помню все освоенные навыки, будто занимался этим несколько лет. Вот это, да! Ай, да, деды! Ну, и кудесники!

В быстром темпе и почти без перерыва я повторил все приёмы, понимая, что делаю их безупречно. Поразительно! Более того, по ходу я вносил поправки, сообразуясь с каким-то внутренним смыслом и непонятно откуда взявшимся умением. Вспомнив слова деда Семёна, я сообразил, что это «заработали» знания, полученные при втором посвящении. Так вот, оказывается, что это такое!

В исследовательском азарте я решил ещё раз обратиться к источнику высоких знаний. И, конечно, сделал это самым идиотским способом. Исполненный самоуверенности, я уселся на землю в центре площадки, закрыл глаза и расслабился. Затем я мысленно открыл все энергетические центры, представил яркий луч в бесконечность и по нему потянулся вверх. Через мгновение на меня, словно удар дубиной, обрушился поток информации, и я без чувств завалился на землю.

Очнулся я оттого, что чьи-то сильные пальцы ощутимо давили мне между бровей, под носом и в подзатылочной ямке. Преодолевая головокружение, я открыл глаза и увидел озабоченные лица дедов.

– Ну, ты и охламон! Кто ж так делает! Равно, как в темноте плясать на кромке обрыва. Как голова? Нас видишь? – сердито проскрипел дед Семён.

– Всё в порядке.

К собственному удивлению я быстро пришёл в себя, и, стряхивая остатки перегрузки, поднялся с большим желанием продолжить занятия.

– Я готов.

Деда переглянулись, хмыкнули, улыбнулись в усы и разошлись по разные стороны площадки. От их утренней немочи не осталось и следа. Молодцы, да, и только. И снова я поразился их необыкновенным способностям.

Первым за меня взялся дед Пахом и продемонстрировал древний способ борьбы в окружении, иногда называемый «пляс». Около получаса я пытался его достать всеми известными способами, а он кривлялся и, казалось весь болтался, как марионетка на нитках. Но я отлично видел, что он не сделал ни одного лишнего движения. Разъяснив, что к чему, дед Пахом попутно ответил на мои многочисленные вопросы и уточнения. Затем он показал энергетический удар на расстоянии и объяснил хитрую суть этого приёма, строго-настрого предупредив, что таким способом в ярости можно покалечить любого человека. Дед Пахом отпустил меня на полчаса, «сбегать за угол», и затем за меня взялся дед Семён.

Пряча руки за спиной, он кивком головы пригласил меня подойти. Когда я приблизился, то увидел, что дед протягивает мне длинные чёрные ножны с настоящим клинком. Я осторожно взялся за рукоять и с мягким шипением вытянул удивительной красоты и изящной гармонии длинный, чуть меньше полутора метров, меч с зеркально отполированным клинком. На сверкающей поверхности лезвия чётко выделялся сложный узор, но не двух цветов, как на классическом дамаске, а трёх: тёмно-серого, светло-голубого и зеленовато-золотистого. Гарда из жёлтого металла имела причудливую форму, в виде стилизованных крыльев. Довольно большая, массивная рукоять из какого-то белого материала изображала чешуйчатое тело змеи. Навершие представляло собой змеиную голову, кусающую птичью лапу. Я залюбовался оружием и очнулся от скрипучего голоса деда Семёна:

– Осторожно. Не касайся острия, останешься без руки. Больно остёр. Точить вовсе не треба. Принимай подарок от нас с Пахомом. Теперь он твой.

– Благодарствую! Но откуда он. Это ж сокровище немыслимое!

– Откуда, откуда. Оттуда. От дедов и от их дедов и прадедов. А сейчас его убери, не для учёбы он, а для боя или ещё для чего. Тебе виднее. Наш дед говорил, душа в нём живёт. Поймёте друг дружку, он поможет в суровую минуту, не подведёт. А имя ему сам дай. Послушай и назови.

Я вгляделся в узор клинка и мысленно потянулся к мечу. Вокруг разлилась тишина. В голове зазвучала тихая мелодия и торопливый шёпот, который пытался что-то мне объяснить, и в непонятных словах я уловил лишь сочувствие, призыв и... имя.

– Это она... Баалат... Её зовут Баалат, – я сам удивился тому, что сказал, а дед Семён просиял.

– Теперь я спокоен. Меч признал тебя. Владей.

До обеда дед Семён обучил меня приёму боя в окружении «на восемь сторон света» и несколькими очень коварным ударами сверху и снизу под защиту противника.

Обед я проглотил в мгновение ока и голодными глазами смотрел на дедов, но они наотрез запретили мне нажираться до отвала. После часового отдыха деда опять погнали меня на вечерние занятия.

Я угрюмо шёл впереди, вполголоса называя их мучителями и извергами, но, как говорится: взялся за гуж, не говори, что не дюж. Подумав об этом, я в голос рассмеялся, осознав двойной смысл поговорки. С одной стороны, гуж – это ремень, стягивающий внизу хомут,

который надо с силой стянуть на шее лошади, оперевшись ногой. С другой стороны, гуж – задница, отсюда слово «гузка» и жаргонное словечко «гузно».

На «токовище» я вышел помахивая палкой, но опешил, когда дед Семён поднял с земли длинную рогатину.

К вечеру от усталости я едва держался на ногах, ругаясь про себя разными неприличными словами. Я тихо сквернословил себе под нос, отводя душу, но понимал, что задний ход давать поздно, и точно знал, что завтра опять буду до изнеможения делать то же самое. У колодца я совершил маленький подвиг, заставив себя ополоснуться водой. Дома выцедил литр молока и завалился на кровать, натянув на себя лёгкое одеяло.

Ощутив утром бодрость и свежесть, я догадался, что деды опять щедро поделились со мной жизненной силой. Я смотрел на этих странных стариков и уже не мог представить время, когда их не знал. Прошло то всего несколько дней, а почему-то я уже искренне воспринимал их, как родных.

Жалея дедов, старался увилить от чрезмерных перегрузок, но хитрецы всё замечали и пресекали на корню все мои поползновения. И, чтобы оправдать их доверие, я пахал, как ломовая лошадь.

Спустя три дня я заметил, что ощутимо раздался в плечах и руках. Хорошо, что моя одежда имела запас, и теперь сидела на мне, как влитая. К вечеру я запредельно уставал, но, как ни странно, утомление воспринималось спокойно, как некая данность.

Пятая ночь в доме деда Семёна ничем бы не отличалась от предыдущих, если бы не странный сон. Волнующий и тревожный.

...Я брёл в тумане по затянутому ряской бескрайнему болоту. Уставшее тело требовало отдыха, но внутренний голос настойчиво гнал меня вон. Вскоре открылся заросший камышом берег и исток ручья. Помогая руками, я рванул к берегу и сразу понял, что выбраться будет непросто.

С одной стороны ручья завывала голодная волчья стая, а на другой стороне лязгала зубами свора злых рыжих собак. Осторожно поглядывая на них, я двинулся посередине потока. Собаки и волки бросались на меня, пытаясь дотянуться и ухватить. Отбросив мимолётное желание вернуться в болото, я продолжил шагать по ручью по пояс в воде.

Волки и собаки отстали, а впереди из тумана выступила неприступная стена с двумя огромными баинями. Ручей струился в их сторону. Оба берега густо покрывали колючие заросли, а в прогалинах между ними виднелись кучи выкопанной земли. Возле некоторых ям стояли открытые сундуки, в которых что-то блестело.

Но моё внимание сосредоточилось на баинях, и я продолжал упорно брести по течению. Однако постепенно меня одолело немалое сомнение и недоумение. Чем ближе я подходил, тем меньше становилось расстояние между баинями, и когда я дотронулся до замишлого серого камня, передо мной зияла лишь щель шириной в три ладони. Всё тупик! Дальше идти невозможно, но и возвращаться назад я не желал. И тогда ярость и решимость охватили меня. В отчаянном порыве я бросился вперёд, и... продрался между баинями, оставив позади забрызганные моей кровью с клочьями моей одежды камни.

Я дрожал от восторга, разглядывая прекрасную долину, по которой ручей бежал дальше и впадал в широкую реку.

На берегу на коленях стояла прекрасная девушка и вылиwała из кувшина воду в реку...

Глава 5

Утро седьмого дня встретило меня солнцем, обильной росой и отличным настроением. Ничего не предвещало неожиданностей, однако вскоре события стали развиваться с головокружительной быстротой.

Вернувшись с реки, я замер в дверях, увидев дедов, чинно сидящих за столом в шёлковых красных рубахах. Они торжественно и строго смотрели на меня, из чего я сделал вывод, что они приготовили мне очередной сюрприз. Потоптавшись на пороге, я повесил полотенце на крючок и подошёл. Первым заговорил дед Семён:

– Антон, боле учить тебя нечему. Не обессудь, что дали мало, но отдали всё. Нынче особенный день. Тебе предстоит испытание, если хочешь – экзамен, третье посвящение. Прежде, чем уйти за кромку, нужно собрать себя воедино и стать защитником истины. Предстоит суровое состязание воли и инстинктов. Сегодня должен родиться Воин.

– Я готов.

– Знай, что четыре стихии тебя испытают: Земля, Огонь, Вода и Металл. Постигнешь их суть, и силой они тебя одарят. Сегодня ты Воином станешь, либо... погибнешь. Согласен, аль нет?

– Я же сказал и слов не меняю.

Дед Пахом прокашлялся, просморкался, долго заправлял штаны в сапоги и поправлял пояс, затем, не глядя на меня, глухо проговорил.

– Оденься потеплее, да, меч не забудь.

Не смотря на жару, старики накинули на плечи ватники, а я прихватил толстый свитер, который всегда беру в дальние поездки. Через четверть часа мы выступили. Впереди шагал дед Семён, за ним я, и последним выступал дед Пахом. А направились мы к той самой таинственной церковке со стороны заднего луга. Подойдя вплотную к зарослям, дед Семён обернулся и сказал:

– В прежние времена эти руины назывались храмом Николы Угодника, рядом, как водится, погост. Перед войной церковь разорили и забросили. Но чудом сохранился старинный фундамент, в котором сокрыт вход в подземелье. Страшные катаклизмы, нашествия и войны разоряли и уродовали нашу землю, но хранители упорно берегли и возрождали её. В незапамятные времена здесь на месте древнейшего святилища времён каменного века волхвы возвели капище Рода. И позже во все века здесь разные храмы стояли. Их разоряли то ары-кочевники, то арии Сельма, то киммерийцы Змея проклятого, то скифы именем Табити, богини жестокой своей. Готы, гунны, авары, хазары оставляли здесь пепелище. Но предки неизменно храм возрождали. Как ты наверно уже догадался, именно здесь место портала ушедших богов. Сами чудесные врата находятся глубоко под землёй в толще известняка, а ведущий к ним ход берёт начало в церковном подвале.

Дед Семён раздвинул кустарник и стал пробираться сквозь перепутанные колючие заросли. Я вздохнул и полез за ним. Тфу ж, твою дивизию в перекрёсток! Закрывая лицо исколотыми руками, я уже начал про себя сквернословить, когда за густым сплетением старого шиповника показалась замшелая каменная кладка и над ней выщербленная кирпичная стена с обсыпавшимися пятнами штукатурки.

Из-за кустарника послышалось хриплое ворчание деда Семёна. За толщей веток обнаружилась небольшая расчищенная площадка с низкой, но глубокой полукруглой нишей в основании фундамента. В глубине проёма едва различались ржавые створки, вросшие снизу в землю, покрытую травой и сопревшими слежавшимися листьями. Дед кивнул мне на дверцу и протянул неизвестно откуда взявшуюся лопату. Я быстро освободил дверь от земли и мусора и уступил место деду Семёну. Немного повозившись со старым кованым запором, он с нату-
ж-

ным скрипом отворил дверцы. Из темноты пахнуло гнилью и затхлым воздухом подземелья. Сзади просунулся дед Пахом и протянул нам факелы с набалдашниками из густо пропитанной смолой и воском пакли, набитой в большие жестяные банки. Оглянувшись, я увидел, что у него за плечами мешок со связкой подобных факелов. Не желая лезть в чужой монастырь со своим уставом, я пожал плечами, убирая в карман фонарик, и чиркнул зажигалкой.

Разгоревшиеся факелы давали немного света, и глаза не сразу привыкли к полумраку. Я то и дело спотыкался о густо покрывающий пол кирпичный мусор, зато деды вели себя, как рыбы в воде. Они уверенно двинулись вдоль стены, и через несколько шагов свернули налево. В полумраке мы остановились напротив заваленного разным хламом неглубокого проёма. Раскидав кучу досок, какой-то рвани, трухлявой жести и битого кирпича, мы освободили заложённый досками узкий проход, грубо проломленный в старинной кирпичной кладке. Сразу же за проломом обнаружилась небольшая площадка, от которой вниз вела выщербленная каменная лестница.

Пока я соображал, что к чему, дед Семён начал спускаться. Вслед за ним ускользнули отсветы факела, и гулкую тишину нарушили удаляющиеся шаги. Сзади топтался дед Пахом, и моя тень от его факела нетерпеливо заметалась по стенам и ступеням. Я передёрнул плечами, вспомнив свой вещий сон, и осторожно ступил на усыпанную мелкой каменной крошкой и пылью лестницу, слыша за спиной одобрителное сопенье деда Пахома.

Лестница плавно закручивалась влево и через полторы сотни ступеней закончилась небольшим квадратным тамбуром, в стене которого темнела дверь с крупными ржавыми клёпками. Дед Семён долго возился с запором, и дверь, слегка пискнув, отворилась внутрь, открыв взору вырубленную в известняке сводчатую катакомбу с ровными стенами и полом со следами ржавчины от протечек воды. Плавно загибаясь налево, примерно через сотню метров ход вывел нас к третьей позеленевшей от времени высокой, метра в четыре двери, сделанной из меди или бронзы. Дед Семён с кряхтением надавил плечом на тяжеленную створку, которая, тихо вздохнув, медленно отворилась внутрь. Дед немного задержался в проёме и вместе с факелом исчез в непроницаемой темноте. Я шагнул за ним, а шедший последним дед Пахом медленно и беззвучно закрыл дверь.

В неверном свете я не сразу разглядел просторный зал со сводчатым потолком и выложенным ровными плитами полом. В каждой из четырёх стен на уровне пола темнели высокие полукруглые ниши, а в центре зала тускло поблёскивал чернотой огромный куб высотой метров шесть. К нему примыкали полуразрушенные грубые каменные лестницы.

Пока я с открытым ртом глазел на куб из моего сна, деды вставили четыре горящих факела в скобы, после чего мерцающий свет чутко разогнал темноту по углам.

– Раздевайся, Антон Владимирович. Скидывай всю одежку до нитки, – дыша паром, проговорил дед Семён.

Сложив одежду на ступеньки, я встал голяком рядом с дедом Пахомом, и, поёживаясь от холода, всем нутром чувствуя, что вот-вот попаду в большую переделку. Тем временем дед Семён, забрался на верхнюю грань куба, и, подняв вверх свой корявый посох, медленно, но громко произнёс:

– Именем Неба и Земли, во имя Истины и Справедливости, прошу мировые Стихии принять Избранного Небом, ставшего на путь испытания.

Затем стоящий рядом дед Пахом легонько втокнул меня в первую нишу. Сначала ничего не произошло, и я уже хотел выбираться из каменного мешка, как в следующий миг утратил опору под ногами. Пол потерял твёрдость, и словно трясина начал меня засасывать. Я взмахнул руками в надежде зацепиться за стены, но не достал! Вопль застрял у меня в глотке, когда надо мной сомкнулась поверхность. Холодная земля сдавила, не позволяя кричать, шевелиться и дышать. Меня охватила паника и жуткий страх, а секундой позже я увидел ухмыляющуюся смерть. Перед глазами мгновенно побежала вся моя прожитая и непрожитая жизнь. Меня

потрясла и возмутила вопиющая несправедливость, и, если бы мог, я заорал бы в костлявое лицо: «Мне нечего стыдиться или о чём-то жалеть. Я грешник, но прожил не зря, и счастлив, что многие вспомнят обо мне и помянут добрым словом». В голове начался перезвон, и я уже приготовился к жестокому мигу, когда с удивлением понял, что продолжаю свободно дышать и, что земля не такая уж холодная, а скорее мягкая и приятная. Доброта и покой разлились по всему телу, умиротворяя меня и уравнивая. Раздался негромкий тягучий звук гонга, я очнулся и обнаружил себя стоящим в той же нише лицом к стене.

Я нашёл в себе силы обернуться и сделать несколько шагов вон из коварного углубления. Однако передохнуть мне не довелось. Дед Пахом потянул меня за руку и потащил к следующей нише. В голове клубился туман. Я шёл, как сомнамбула, ничего не соображая, и ещё не оправившись от собственных похорон и воскресения.

Увидев вторую нишу, я слабо упёрся, и деду пришлось втолкнуть меня в каменный карман. Я уже открыл рот, чтобы попросить его больше так не делать, когда меня со всех сторон охватило пламя. Волосы встали дыбом, затрещали и вспыхнули, кожа пошла пузырями и обуглилась. Страшная боль скрючила тело. Я заорал во всю мочь и полной грудью хватанул огонь, который опалил меня изнутри и сжёг бронхи. Я потёк словно кусок воска, и перед последней секундой жизни завопил выплёвывая из горла кровавую пену и сажу: «Великий Боже, Творец всего сущего! За что мне всё это! Я не убивал и не велел убивать. Я не отнимал чужого хлеба. Я не обездолил ни одного человека. Я всю жизнь помогал и спасал». И вдруг боль отступила, и пламя стало ласково щекотать бока. Второй раз низким басом загудел гонг.

В состоянии безумной прострации меня вытянули из ниши огня, поволокли дальше и засунули в третью нишу, в которой на меня обрушился нескончаемый поток воды. Потеряв последние силы в пенном водовороте, я попытался схватить последний глоток воздуха. Но вокруг колыхался лишь мрачная пучина, и моё растерзанное тело растворилось, обнажив голую душу. И опять безглазая смерть вынырнула из тёмно-зелёной водяной толщи и, покачивая огромной косой, встала напротив. Я смотрел на костлявую гостью, искренне удивляясь, что же она хочет у меня отхватить своим инструментом, коль я уже и так распался на молекулы. И тогда я рассмеялся смерти в лицо. Как можно бояться краткого мига умирания, когда позади целая жизнь, а впереди вечность. Удивлённая смерть покрутила безносой башкой, и, подхватив чёрный саван и косу, растворилась в толще посветлевшей тёплой воды, которая, смущённо извинившись за беспокойство, обняла моё тело и нежно погладила по животу и голове. Третий раз я услышал затухающую вибрацию гонга.

С прокушенными до крови губами и побелевшими от кошмара глазами, в плачевном состоянии я оказался в четвёртой нише и сразу же почувствовал на руках и ногах тяжёлые оковы. В звенящей темноте где-то впереди раздался шелест рассекаемого сталью воздуха. Двигаться невозможно, а увернуться нельзя. Близкий свист летящего клинка, и сильнейшая боль пронзила левую руку. Я почувствовал, что из раны, развалившей руку от плеча до локтя, хлестанула кровь. После секунды тишины, наполненной ударами моего сердца и скрежетом зубов, опять послышался свист быстрой стали, и струя крови ударила из просечённой ноги. И тогда во мне проснулась холодная ярость. Собрав все силы, я разорвал оковы и бросился грудью на невидимого врага. И, когда жестокий клинок, вылетев из темноты, коснулся моей груди, между ним и отчаянно бьющимся сердцем оказался только маленький серебряный крестик, ставший непреодолимым препятствием для смертельного острия. Затем с весёлым шелестом на окровавленный металл упал мой меч Баалат и разрубил его пополам. Тут же у меня заложило уши от ультразвука, который, понижаясь, перешёл в свист, потом – визг, затем в торжествующий вой, опустился до низкого рёва, и потерялся в вибрациях инфразвука. В четвёртый раз загудел гонг, и громкий и властный голос произнёс: «Достоен!».

И тут я окончательно выпал из времени, а затем увидел продолжение прошлого сна.

...Я стоял на берегу широкой реки. Всё вокруг: текущую воду, струящийся воздух, шевелящуюся траву наполняла всепроникающая сила. Я буквально купался в пространстве торжествующей жизни, переполнившей всё моё существо.

Стоящая на одном колене девушка по-прежнему лила воду из кувшина в реку, и этому потоку не было конца. Я удивился такой странности, но когда она посмотрела на меня и улыбнулась, мимолётное сомнение исчезло и уступило место восторгу. Меня буквально сразили её красота, изящество и грация. Это была идеальная женщина. От избытка чувств я крепко зажмурился.

Открыв глаза, я бросил взгляд вдаль и увидел, что густой туман за рекой озаряют разноцветные всполохи. Оттуда раздавался едва слышимый шум, а ветер доносил сернистый запах.

Я знал, что мой путь лежит именно туда в тревожную даль, но между ней и мной текла река. В поисках переправы я взгляделся в течение и понял, что меж берегов струится вовсе не вода, а время, несущее в своей толще бесконечное число событий и мириады людских душ.

Прелестная девушка, проследив направление моего взгляда, нахмурилась, пожала плечами, а потом улыбнулась и продолжила своё вечное занятие...

Я вынырнул из раскачивающейся темноты оттого, что разглядел в центре мрака светлое пятно, с каждой секундой разгорающееся всё сильнее. Продираясь в сторону света, я сначала почувствовал под собой землю, а затем услышал тихий разговор. И хотя моё измученное тело представляло собой сплошной слиток свинца, я понял, что мне уже больше не грозит очередное расчленение. Спустя мгновение ко мне вернулись чувства и способность соображать.

Разлепив глаза, я понял, что лежу на траве, и полуденное солнце палит мне лицо. Не чувствуя рук и ног, я не мог поправить свалившиеся на лоб мокрые волосы, а всех моих возможностей хватило лишь на то, чтобы чуть повернуть голову и скосить глаза в сторону собеседников.

Разговаривали оба деда, рядом с которыми стояла и внимательно их слушала стройная молодая девушка, одетая в лёгкое светло-голубое платье, подол которого шевелил тёплый ветерок, открывая стройные загорелые ноги изумительной формы.

Мой взгляд непроизвольно скользнул вверх. Всё остальное у неё в полной мере соответствовало ногам, а светлые, густые слегка выющиеся волосы прикрывали длинную шею и волной спускались между лопаток.

С каждой секундой ко мне возвращались силы. Я уже почти пришёл в себя и, приподнявшись на локоть, осмотрелся. Мою одежду составляли только джинсы, а к мокрому телу прилипли травинки и кирпичная крошка.

Собеседники вдруг замолкли и разом повернулись ко мне. Выражения лиц дедов в полной мере отражали их мысли и переживания. Но, сказать по правде, тогда я видел только одно лицо, которое меня настолько потрясло, что я опять опустил на землю. Это была девушка из моего сна!

Первым заговорил дед Пахом, усы и борода которого задорно встопорщились в широкой улыбке:

– Ну, паря, ты и жох. Не поспел воскреснуть, как вборзе девичьи ножки углядывать. Видать, дюжий ты елоха, Антошка, в сладких делах. Хи-хи-хи. Котяра. Хи-хи-хи.

– Дедушка Пахом, замолчи сейчас же, – воскликнула девушка, – вечно ты, что-нибудь непристойное ляпнешь. Легче сквозь землю провалиться со стыда! – Она смотрела на меня огромными синими глазами, заливаясь лёгким румянцем, и одновременно растягивая губки в бесподобной улыбке.

– Да, ён и всамделе токо што оттедова, с подземли. Почитай с тово свету. Ха-ха-ха. Ну, уморила.

Дед Семён решительно двумя руками отстранил брата и девушку, подошёл ко мне, опустился на одно колено и пронзительно взгляделся в мои глаза. Что он там увидел, не знаю, но его взгляд потеплел и повлажнел.

– Добро. Кажись, цел и здоров. И даже более того. С возвращением, Антон. Воин.

Я, действительно, уже полностью пришёл в себя и чувствовал необычный прилив сил. Не желая выглядеть идиотом, валяясь у ног прекрасной девушки, я вскочил на ноги, но как-то не рассчитал, и подъём получился с высоким подскоком. Приземлившись, я ударил ногами в землю, и мне показалось, что вроде подо мной что-то грохнуло. Ё-моё! Я замер и удивлённо посмотрел на дедов. Те были торжественно спокойны, а девушка с интересом разглядывала меня через голову деда Пахома.

Дед Семён поскрёб бороду и сказал:

– Привыкай к новому обмену веществ, к новой энергетике и новой мощности организма. Теперь ты стал намного сильнее.

– Лишь бы стал умнее, – тихо проворчал в усы дед Пахом.

– Ладно, разберёмся, – я пошевелил плечами и туда-сюда покрутил корпусом. Непривычно мощное тело слушалось меня словно боевая машина. Я пригладил пятернёй копну перепутавшихся волос, обулся, отряхнулся и натянул лежащую рядом смятую рубашку.

Приводя себя в порядок, я поглядывал на девушку и на дедов. В голове попеременно крутились два вопроса: кто она такая и, как деды смогли вытащить меня из-под земли. Я спросил о втором, но дед Пахом замахал руками, а дед Семён буркнул: «Потом». Тогда, взяв под локотки, я развернул их к девушке, и, широко раскрыв глаза и дурашливо растягивая слова, проговорил:

– Ой, деды, спасайте снова! Скажите кто эта красавица? Умоляю, поспешите, а то помру от любопытства. А вы виноваты будете.

Дед Семён улыбнулся, а дед Пахом аккуратно освободился, подошёл к смущённой девушке, взял её за руку и подвёл ко мне.

– Вот, дорогой Антон свет Владимирович, жалуй внучку нашу любимую Лену-Елену. Родители евойные в Москве проживают, где и ена науки постигает в каком-то юнивере. Короче – студюозус. У нас гостевает почесть десять дён. Ономясь ещё до тебя припорхнула, стрекоза.

Я обалдел. Оказывается, всё время, пока я жил у дедов, рядом находилась молодая и поразительно красивая девушка, а я, ни ухом, ни рылом. Да, ещё и голяком тут ходил. Стыд и позор тебе, Антон, совсем ты нюх потерял!

Дед Пахом продолжал:

– Не ломай головушку. Ленка живёт в соседнем доме, ён тоже наш родовой.

Ага. Так вот, оказывается, откуда чистота и порядок в горнице, ягодный морс и румяные пирожки.

– Здравствуйте, Антон Владимирович. Я не виновата, что не представилась раньше. Деды не велели. Сказали, так надо, поскольку могу помешать, – она протянула руку и доверчиво посмотрела мне в глаза, – отдыхаю на родине предков. Я будущий историк. В университете каникулы, и я решила отправиться сюда. Места здешние мне по душе, и я обычно у дедов отдыхаю от городского хаоса.

– Здравствуйте. Но для начала, просто, Антон. Владимирович отменяется. И обязательно, на «ты». Не такой уж я и старый. А мы здесь с дедами...

– Я в курсе, – сказала она с лёгкой улыбкой, – Всю неделю я потихоньку наблюдала за вами... за тобой. (Представляю, чего она насмотрелась). И поразились вашей... твоей силе и воле. А сегодня, когда деды вас... тебя вытащили из подземелья, я страшно испугалась, увидев безжизненное тело. Но они всё объяснили. Вы... ты молодец. Поздравляю.

Я откровенно любовался красотой этой умной и стройной девушки, с мечтательным выражением лица и потихоньку глупел. Но, кажется, надо что-то ответить:

– Честно говоря, я не очень представляю, с чем меня все поздравляют. Я абсолютный профан в делах, которыми занимаются старики, и, скажу честно, до сих пор меня не покидает чувство, что всё происходящее со мной сон или бред. Будто какой-то фильм смотрю. Вот сейчас выключат проектор, и останется только пустой белый экран.

Елена улыбнулась, привычным движением руки поправила растрёпанные ветром волосы, вздохнула и просто сказала:

– Пойдёмте домой. Я вас покормлю. И потом надо обязательно отдохнуть, а то деды совсем... тебя замучили. – Она оглянулась на стоящих поодаль и о чём-то спорящих дедов и позвала: – Дедушка Семё-ён, дедушка Пахо-ом. Обедать. Другой раз звать не буду.

Она быстро пошла вперёд, а я, глядя ей вслед, дождался дедов и под их конвоем направился к дому. Возле колодца деды помогли мне смыть следы подземного приключения. Я переоделся в чистое и шагнул на крыльцо. Но, войдя в горницу, я опять попал впросак. Как обычно, я толкнул плечом дверь, и... она сорвалась с петель, с грохотом отлетев внутрь.

– Тихо, ты, бугай. Ну, прям, волот какой-то. Напрочь дом разнесёшь, – проворчал дед Пахом, протолкнул меня внутрь горницы, а сам вместе с дедом Семёном вернул дверь на место. Я замер посреди комнаты, боясь пошевелиться, как бы ещё чего не сломать. Дед Пахом продолжил возиться с дверью, а дед Семён подошёл ко мне и сказал.

– Антон, ты не смущайся, привыкнешь и научишься владеть собой. Давай прямо сейчас кое-что подправим. Слушай внимательно. Мысленно сосредоточься, огляди себя изнутри, найди изменения, соразмерь свои новые возможности и усилием воли сделай поправки. – Он поставил табурет посреди горницы и продолжил: – Присядь, закрой глаза, открой внутренний взор и действуй.

Я сосредоточился на внутреннем пространстве и сразу «увидел», что три нижних энергетических центра увеличились стократно. Между ними пульсировали мощные потоки энергии, а вверх и на периферию веером уходили лишь тоненькие коллатерали. Вот оно что! Ага, понятно. Так, распределим нагрузку по вертикали, сбалансируем центральный контур и перенаправим энергию к органам. Теперь хорошо. Я открыл глаза и увидел довольную физиономию деда Семёна.

– Молодец. Сразу сообразил. Только учти, если обернуть процесс, можно вызвать значительное увеличение мышечной мощности. Но это пока опасно, поскольку кости и связки ещё не приспособились к новому состоянию. Перестроятся через сутки. А если сейчас их сильно нагрузить, то мышцы их попросту разорвут и порвутся сами.

Пока дед Семён занимался со мной, а дед Пахом приколачивал дверь, Елена, что-то тихонько напевая, споро накрывала стол. Глядя на них, я разомлел до невозможности от приятного ощущения покоя. На подоконнике в большом глиняном кувшине стояла охапка свежих полевых цветов и лукошко ягод, а в доме витал какой-то новый приятный запах. Я жмурился и взволнованно крутил головой. Но моё благодушное настроение, как всегда невольно, нарушил дед Пахом, закончивший ремонт двери, подсевший рядом и зашептавший мне на ухо:

– К этому тож притерписси. Не дивись, што теперича иной раз будешь зетить, то, что досель не узетивал, слышать, что не слыхивал, чують, что не чуюл.

Когда мимо прошла Елена, я догадался, что именно она источник чудесного букета запахов, состоящего тонкого французского парфюма, полевых цветов, ягод, хлеба и ещё чего-то особенного. А озорной дед Пахом между тем продолжал нащёптывать мне на ухо:

– А, право, Антошка, Ленка тебе по ндраву пришлась. Аль, нет? Молчишь. Стало быть, по ндраву. Да, не тушуйся. Ена девка ладная. Древнего роду. Умница. И понимаеть суть слов «хочу», «могу» и «должна».

– Я не...

– Замолчь. Я не требую вено и не тяну под венец. Запомни. Воин силён не только плечами и головой. Силу возвышает любовь к женщине, али к родичам, али к родине, али к всевышнему. Ты умный должен соображать, магнит не может иметь один полюс, и, как его ни ломай, завсегда будут два. Вот и в жизни муж – один из полюсов, а жена – завсегда иной, и друг без дружки невозможно. Как кудряво выражается Семён, сила завсегда струится меж плюсом и минусом. Победителей без любви не бывает. Разумей сие. А Ленка тут ни при чём. Дело в принципе. Вижу, душа твоя подранена и остужена недобрыми жёнами. Сие плохо и может в пути шибко повредить. Однако не тужи, жизнь всё управит.

Пока мы шептались с дедом Пахомом, Елена начала разливать по мискам ароматный борщ. И тут у меня в голове что-то перемкнуло. Сказать, что я почувствовал зверский голод – ничего не сказать. Я был готов сожрать еду вместе с ложкой и миской. Еле скрывая нетерпенье, я набросился на угощение и в несколько приёмов уничтожил целый чугунок борща, каравай хлеба, жареную курицу и гору гречневой каши с маслом. Я понимал, что выгляжу со стороны безобразно, но ничего не мог поделать. Сидящие рядышком деды, склонив головы, потихоньку скребли миски ложками, с сочувствием поглядывая на меня. Елена сидела на другом краю стола, потягивала чай с вареньем и тоже грустно смотрела на аттракцион невиданной прожорливости. Но самым ужасное, что, уничтожив всё съестное, я, жутко смущаясь от своей неумеренности, поблагодарил хозяев и поспешно вышел из-за стола таким же голодным!

Во дворе на лёгком ветерке меня вдруг передёрнуло от озноба. Со мной явно что-то происходило, и по телу прокатывались волны сильной дрожи. Не на шутку встревоженный неприятными симптомами я не находил никаких логичных объяснений своему состоянию. От необъяснимой злости на самого себя мне вдруг остро захотелось побыть одному. Сойдя с крыльца, я быстрым шагом направился к реке, сел на краю кручи и стиснул зубы, едва сдерживая сильнейший озноб.

– Кхе-кхе, – раздалось сзади осторожное покашливание. Я обернулся. Рядом стоял дед Семён. Он смотрел вдаль на зелёный простор, как всегда опираясь двумя руками на свой посох-корягу. Не поворачивая головы, он негромко произнёс:

– Напрасно расстраиваешься. Сейчас в тебе начались внутренние перемены на генном уровне. Сначала резко увеличилась активность нервной системы, вызвав изменение сердечно-сосудистого обеспечения. Следом ускорился обмен веществ, и температура тела повысилась минимум до 39 градусов. Организм глубоко перестраивается, пока не уравновесится на качественно более высоком уровне. Это очень ответственный момент. Сейчас тебе нужна дополнительная масса, а потому ешь столько, сколько организм требует. Это неудобство ненадолго. Максимум на пару дней. А мы с братом сделаем всё возможное и даже невозможное, чтобы помочь тебе. Поверь.

– Верю, – я успокоился, не переставая при этом стучать зубами.

– Хорошо. Посиди. Подыши. Или пойдёшь, искупнись, – он махнул рукой в сторону реки, повернулся и зашагал к дому.

А почему бы и нет. Я по тропинке сбежал к реке, разделся догола и бросился в течение. Озноб сразу прошёл. Вода словно обняла меня. Я не шевелился, лёжа на поверхности, и река тихо качала меня в своих струях. Я физически ощущал поддержку и помощь воды. Более того, я чувствовал, как через кожу она глубоко проникла внутрь и, слившись с моей собственной влагой, энергично вмешалась в меняющиеся функции. Ощущая во всём организме от макушки до пяток вибрацию и щекотку, я едва сдержался от смеха. Примерно через полчаса выйдя из реки совершенно обновлённым, я уселся на вросшее в песок большое серое бревно, попытался осмыслить своё новое состояние.

Чтобы просохнуть и немного согреться, я развёл костерок из сухого плавника, лежащего кучей неподалёку. Как большинству людей, мне всегда нравился живой огонь, но сегодня, он, действительно, оказался живым. Я осторожно протянул руки к пламени, а оно вдруг прильнуло

к ним. Тихонько, будто играя, огонь коснулся пальцев, затем шаловливо проскользнул вверх по рукам. Не опалив ни одного волоска и, покрыв кожу светящимся слоем, он зашекотал шею и плечи и, наконец, растёкся по всему телу. Я потрясённо смотрел на свои светящиеся руки и ноги, чувствуя всем телом, как энергия огня наполняет меня теплом и силой. Заворожённый зрелищем, я не сразу сообразил, что исчезло мучительное чувство голода. А, поняв это, я догадался, что мой изменённый организм теперь умеет усваивать энергию прямо из огня в чистом виде.

Вдоволь наигравшись со своими новыми способностями, вполне удовлетворённый я вернулся домой на закате. На завалинке у крыльца рядом сидели оба деда и Елена и о чём-то оживлённо говорили. Собеседники разом обернулись, метнули в меня три взгляда, и каждый разглядел то, что хотел. Затем они дружно пригласили меня присоединиться к прерванной беседе.

– Седай, Антон.

– Любопытно твоё мнение.

– У нас тут диспут о мистике и науке.

Я обвёл взглядом этих добрых и милых людей и откровенно ответил:

– Боюсь, что по этому поводу я пока своего мнения не имею, поскольку сегодня из меня сделали такой салат, что я уже толком не вижу реальных отличий между магией и религией, наукой и мистикой. Дедушка Семён, не хмурься, я не в смысле обиды или упрёка. Просто, я сам стал ходячим парадоксом, и пока не могу с этим разобраться. Дайте время.

– Ты не прав, Антон. Возможно, ты единственный нормальный человек на земле. По большому счёту, все мы ежедневно меняемся, но, к сожалению, не в лучшую сторону. Человек со временем изнашивается, набирается пороков и, в конце концов, ухудшается физически и духовно. С тобой произошло обратное, и по воле высших сил ты получил возможность стать гармоничным.

– Хватит вам, деды, тоску нагонять, – вмешалась Елена, – лучше я вам спою.

Лёгкое эхо от задушевной песни взбудоражило закатный вечер. Зачарованный чистым девичьим голосом, я растворился в звуке. Многолетний ледок в моей душе начал стремительно таять, и щемящая благодать растеклась в груди. Я замер, боясь спугнуть состояние. Песня закончилась, но я продолжал сидеть неподвижно с закрытыми глазами.

– Што? Худо тебе? – дед Пахом затряс меня за плечо.

– Хорошо, очень хорошо. Спасибо, Леночка, ты мне очень помогла, – я неожиданно для самого себя взял её руку и нежно поцеловал. Случайно встретившись с ней взглядом, я почувствовал тёплую ответную волну. От избытка впечатлений и событий у меня слегка закружилась голова, и я понял, если не отдохну, то свалюсь. Подавляя в себе слабость, я вяло проговорил:

– Пойду-ка я на сеновал. Что-то устал.

– На асети возьми обе ватолы, стели посередке, там сухая осока, сам намедни косил, – прокричал дед Пахом и махнул рукой в сторону сарая.

– Спокойной ночи.

Я взял пару грубых одеял и полез по шаткой лестнице на сеновал. Бросив взгляд сверху, я увидел, что деды разошлись, а Елена, слегка склонив голову, неподвижно сидит на скамейке.

В эту ночь я спал глубоко, словно провалившись в чернильницу, а проснулся оттого, что меня трясли и тащили за ногу.

– Э-эй. Вставай, лежебока. Ужо полдень, брашнить пора. Не вакульничай, ведь очнулся, поди. Да, вставай же, раскудрит тя через коромысло! – дед Пахом не на шутку рассердился и, громко ворча и ругаясь, спустился с лестницы.

Я с хрустом потянулся и с воплем «Спасайся, кто может!» сиганул вниз. Бродящие по двору куры с истошным кудактаньем брызнули в разные стороны, домашний кот, громко мявкнув, серой молнией метнулся в сарай, а дед Пахом подпрыгнул на месте.

– Тыфу, ты, нечистая сила! Рази можно так страшать старика?

Я подхватил деда под мышки и от избытка чувств и силы подбросил его высоко над головой. Он заверещал, а я осторожно поймал его и бережно поставил на ноги. Но почему-то всё равно дед Пахом ушёл очень сердитым, громко ругаясь и размахивая руками.

– Башила! Вибжа стоеросовая! Жишка бебенная! Дадон воблый!

После всех процедур и купания я хорошенько простирнул в реке изгвазданную за эти дни одежду, затем направился к дому. Развесив во дворе мокрые шмотки, я поднялся на крыльцо, и, наклонив голову, зашёл в горницу.

В безлюдном доме я сел за накрытый стол, огляделся, пожал плечами и уничтожил всю еду до последней крошки. Заглянув с сожалением в пустые чугунки и миски, я вышел во двор. Всё было, как всегда, но слишком уж тихо. Словно всё повымерло, даже куры куда-то подевались. Я не на шутку встревожился и уже начал прикидывать, куда в первую очередь отправиться на поиски пропавшего «населения», когда со стороны луга услышал знакомую песенку.

Елена шла по тропинке с полным лукошком ягод и с цветочным венком на голове. Коварное солнце незаметно насквозь просвечивало её ситцевое платьице, оттеняя соблазнительные ножки прелестницы. А наклеенный на нос зелёный лист придавал ей неподражаемое обаяние. Неожиданно увидев меня, она прервала пение, остановилась и тревожно завертела головой.

– Что случилось, Антон?

– Это я хотел спросить. Где народ? Куда все запропали?

– Деды, что ли? Так у них сегодня хозяйственный день. Отправились за пенсией, за покупками и по разным прочим делам.

Я облегчённо вздохнул и проворчал:

– Тоже мне, аборигены. Не могли, что ли, заранее сказать?

– Спать, вы изволите долго, сударь. Да, деда Пахома горазды обижать. Да, в реке сидите полдня.

– Каюсь. Сдаюсь. Осознал. Кругом виноват. Не велите казнить. Велите пригласить на чай.

– Велю. Извольте, – не моргнув глазом, ответила она.

Я церемонно подставил локоть, а она, гордо подняв голову, взяла меня под руку, но не выдержала, прыснула в кулачок и со смехом побежала к дому. Нахально подглядывая, как она умывается у медной ендовы, я протянул ей полотенце, мы рассмеялись и вбежали в горницу.

Плотноядно облизываясь, я сел к пустому столу и принялся откровенно вертеть в руках ложку. Елена, посмеиваясь, извлекла откуда-то из недр печки большое блюдо с пирогами. Я с досадой хмыкнул, ну, надо же, как хитро припрятала. Потом она принесла с ледника молоко. Весело болтая, мы перекусили. Я опять слопал всю еду, и, дожёвывая последний пирожок, увидел мимолётную улыбку и немного грустный и понимающий взгляд девушки. Помогая Елене убирать посуду, я несколько раз специально дотрагивался до её руки, и каждый раз по всему телу пробегала тёплая волна, оставляющая ощущение лёгкого опьянения. Приведя стол в порядок, мы вышли из дома и потихоньку двинулись в сторону околицы.

– От дедов я кое-что знаю о твоих приключениях. Не буду обманывать, всё происходящее не очень-то вяжется с моими представлениями о действительности. Но факт вещь упрямая. Вы... то есть ты – Избранный и впереди у тебя путь. От бабушки я часто слышала рассказ об Избранном, о его борьбе с силами зла и опасном путешествии за кромку, но думала, что это красивая сказка, а вчера деды подробно рассказали о месте сил и о твоём посвящении. Я всю ночь думала об этом и до сих пор не могу прийти в себя. Деды сказали, что вы собираетесь активировать портал, и у меня огромная просьба. Как будущий историк, я хочу увидеть всё собственными глазами. Вы... ты не против, если я буду рядом. В смысле... то есть... я не...

– Я согласен во всех смыслах. Мне с тобой легко и спокойно, и, кажется, наша встреча не случайна. Странное ощущение, будто я нашёл, то, что когда-то потерял.

– Наверно я поступаю глупо, но скажу, что чувствую. Знаешь, Антон, я тоже не могу избавиться от мысли, что знаю тебя всю жизнь и даже до неё. Все мои предки отсюда родом, но давно обосновались в Москве. Что касается меня, то я люблю путешествия и спортивные танцы, много читаю, много мечтаю. Замужем не была. Хотя в этом смысле проблем нет.

– Ну, а я...

– Я кое-что слышала, дед рассказывал...

Оживлённо болтая, мы вышли на крутой берег Дона, и, потеряв счёт времени, так увлеклись разговором, что вернулись домой только под вечер.

Судя по голосам, доносящимся из избы, деды хлопотали по хозяйству. Мы не стали их отвлекать, уселись на завалинку и продолжили шептаться. Немного погодя с крыльца спустился дед Пахом и, демонстративно глядя в другую сторону, ворчливо позвал:

– Досталь ужо балакать. Ступайте в избы.

– Да рано ещё.

– Вот так завсегда, никакого почтения к старческим сединам. Тока и знают, что хулюганничать, да деда Пахома стращать да мучить.

– Дедушка Пахом, ну, прости паршивца.

– Ладно, уж. Пошли, юнаки, Семён кличь.

За освещённым свечами столом сидел дед Семён в своих неизменных очках и разглядывал бумаги.

– Присаживайтесь, пора делом заняться.

Я уселся справа от деда Семёна, дед Пахом напротив, а Елена, встав на табурет на колени и навалившись на столешницу, пристроилась слева.

Оказавшись за столом, я вдруг испытал жуткий приступ голода, скрутившего в комок внутренности. Я невольно сморщился, а секундой позже догадался, что сама по себе обстановка включила пищевые рефлексy. Тем более что после прогулки на воздухе мне и без того очень хотелось есть. Чтобы уменьшить спазмы, я прижался животом к краю стола, придвинувшись ближе к деду Семёну. Он поправил бумаги, поднял голову и хотел что-то сказать, но замер, с испугом глядя на меня. Примерно такое же выражение лица появилось у деда Пахома, а Елена распрямилась на табурете и, закрыв рот обеими руками, смотрела на меня широко распахнутыми глазами.

Не понимая причину переполоха, я недоумённо завертел головой, пока не сообразил, что происходит. Видимо подсознательное желание утолить голод мой изменённый организм воспринял как команду и пополнил энергию новым способом. И, когда я слишком близко придвинулся к подсвечнику, огонь от свечей незаметно растёкся по моему плечу и далее по всему телу. Оказывается, я сидел за столом, весь облитый тонким слоем пламени, а народ в это время сходил с ума от страха. Пока я соображал, что к чему, все три свечи за какие-то секунды выгорели до основания, свечение прекратилось, и мои друзья перевели дыхание.

Я пожал плечами, смущённо улыбнулся и, как бы извиняясь, развёл руки в стороны, но при этом почувствовал исходящую от друзей волну отчуждения. Пряча глаза, дед Пахом суетливо поменял свечи. Елена искоса посматривала на меня. Дед Семён сурово молчал, уткнувшись в стол, и хмурился, а потом отодвинул подсвечник подальше и охрипшим голосом произнёс:

– Ты...так больше не делай... Я настаиваю...

– Дедушка Семён, ты зря сердишься. Я ведь тут не причём. Это реакция организма на голод. Я, действительно, нестерпимо хотел есть. Теперь не хочу.

Дед Семён, широко раскрыв глаза, слегка приподнялся и хлопнул себя рукой по лбу. Затем тихо ругнулся. Ещё раз хлопнул. И опять громко обругал себя:

– Как же я, старый дурень, забыл про твоё состояние? Тебя ж много кормить надобно. Срочно несите на стол...

Я успокоил разволновавшегося старика:

– Не нужно. Уже всё в порядке. Энергии трёх больших свечей вполне достаточно.

Лучше бы я этого не говорил. Елена сочувственно посмотрела на меня, как на умалишённого или на пищевого извращенца. Я опустил глаза, покраснел и придвинулся к бумагам деда Семёна. А он строго оглядел всех, погрозил пальцем Елене и уже спокойно произнёс:

– Всё. Проехали. Смотрите сюда.

На столе лежали две схемы. Одна моя, другая неизвестная. Дед Семён взял вторую и сказал:

– Это план подземных ходов. Первая катакомба ведёт к залу Четырёх Стихий. Вот тут и тут боковые ответвления оканчиваются тупиками. Со слов нашего деда мы знаем, что ключи находятся где-то рядом с порталом. Но где? Мы не ведаем. Нужно искать.

Я внимательно пригляделся к схеме. Что-то она мне напоминала, и я стал размышлять вслух:

– Смотрите, все ходы, расположенные вокруг центрального зала, явно загибаются направо. Это почти законченная свастика – древнейший знак солнца.

– Похоже, – проскрипел дед Семён, – только это человеческая символика, а небесные боги свастикой означали нашу спиральную галактику.

Я его рассеянно выслушал, поскрёб подбородок и, улавливая мимолётную мысль, продолжал задумчиво рассуждать:

– Галактика... Космос... Допустим... Катакомбы подходят к трём углам зала: вход и два тупика. Но в свастике четыре луча, и на схеме от наружного квадрата тоже отходят четыре линии. Значит должен быть четвёртый ход. Как известно, чаще всего выход в любом деле бывает напротив входа... В данном случае – в четвёртом углу. Ключи, вероятно, там.

– А ведь, верно! Ну, ты башка, Антошка! – дед Пахом даже вскочил, затем опять забрался на табурет и радостно произнёс: – Давай, давай, кумекай дальше!

Я перевёл дух, поднапряг извилины, выстраивая логическую цепочку, и в голове возникла и стала укрепляться определённая мысль:

– Очевидно, что хода в том углу нет, но должен быть. Значит, он спрятан и закрыт. Как его открыть? Рядом ниши Воды и Металла. Значит, для открытия хода потребуются вода и металл.

Тут уж облегчённо вздохнул и дед Семён.

– Браво! Антон, ты поистине Избранный. Уверен, что теперь нам удастся активировать портал. Отправляемся завтра на восходе солнца. Всем одеться потеплее. Антон, не забудь взять меч и всё, что считаешь необходимым для дальнего странствия. Встречаемся на рассвете в пять.

Деды склонились над схемой и о чём-то зашептались. Елена, улыбнувшись, тихонько погладила меня по руке, подарила улыбку и убежала к себе. Скрывая чувства и осторожничая, мы так и не успели выяснить отношения. Возможно, что теперь не выясним никогда. Я отлично понимал, что двумя ногами влез в чрезвычайно опасную авантюру, которая неизвестно чем закончится, и не желал рисковать судьбой Елены.

Раскрыв рюкзак, я вытащил хорошо обношенный кожаный офицерский ремень и присоединил его к своей экипировке, состоящей из камуфляжных штанов и куртки, прочных десантных башмаков и брезентовой шляпы-афганки. Удобные шлейки на ремне и портупея как нельзя лучше подходили для ношения меча. Но, прикрепив ножны с боку, я понял, что этот вариант не проходит. Длинный меч волочился по полу и путался под ногами. Подумав, я тремя прочными ремешками прикрепил ножны наискось к ремню и портупее, раз и навсегда определив мечу место у меня за спиной.

Затем я отложил новую тельняшку, флягу для воды, складной нож из твёрдой шведской стали, фонарик с сильными светодиодами, походный компас на шнурке, запечатанную пачку из

десяти одноразовых зажигалок, портативную армейскую аптечку. Затем я достал герметичный пластиковый пенал с фотокамерой «Сони» и двумя запасными аккумуляторами, заряженными «до пробки». Немного подумав, я отказался от сигарет и фляжки со спиртом.

Приготовившись к предстоящему походу, я отправился на сеновал, прихватив обмотанные ремнём ножны, не рискуя накануне важного события оставить чудесное оружие без присмотра.

На мягком и душистом сене я долго ворочался, таращился в звёздное небо и не заметил, как задремал и увидел сон, вернее, его продолжение.

...Выйдя сухим из реки времени, я взгляделся в раскинувшееся от края до края пространство. Впереди за небольшой луговиной поднималось нагромождение скал, среди которых громоздилась высокая башня. К воротам гигантского сооружения вела мощёная дорога, извивающаяся между острых глыб и обломков. Мостовая привела меня к подножию высоченной громадины, сложенной из серых тёсаных глыб. Через распахнутые настежь огромные ворота виднелся такой же открытый створ выхода с другой стороны. То есть дорога проходила через башню насквозь и вела к виднеющемуся вдали пологому холму, озаряемому частыми вспышками.

На первый взгляд в башне не отмечалось ни малейшего движения. Но эта неподвижность оказалась обманчивой. Немного постояв перед воротами, я понял, что внутри всё-таки что-то происходит, и прислушался. Откуда-то сверху доносились разные звуки: приглушённое рычание, стоны, истерический смех, бурные аплодисменты и приветственные крики. Весьма заинтригованный, я уже собрался шагнуть внутрь башни, но тут над головой полыхнул разряд молнии, раздался громовой грохот, и сверху к подножию упал человек в блестящих одеждах. С его головы соскочила и покатила золотая корона...

Я пробудился в начале пятого, когда чуть забрезжил рассвет. Не спеша собравшись, я поправил крепление меча и прицепил на ремень флягу с водой. Разложив имущество по карманам, я попрыгал на месте, убедившись, что снаряжение прилажено удобно.

Недолгие рассветные сумерки сменились ясным утром, полным птичьего гомона и росной свежести. Ровно в пять я стоял на тренировочной площадке, куда следом подтянулись деды и Елена. Деды критически осмотрели мои упакованные в походное снаряжение 197 сантиметров роста и центнер веса и одобрительно кивнули головами. Пошептавшись с дедами, Елена протянула мне квадратный кулон на прочном кожаном гайтане.

– Прими, Воин, оберег, – сказала она и поклонилась. Я думал, что она шутит, но нет, всё серьёзно.

– Бери, бери, – сказал дед Семён, – и не удивляйся, она сама только что узнала, что тоже хранильница. В нашем роду из поколения в поколение, от бабки к внучке передавался этот амулет. До сих пор она думала, что это старинное украшение, и вряд ли про него что-нибудь путное скажет. Но передала, значит, исполнила долг. Бери, в нём есть смысл.

Я поднёс к глазам и внимательно рассмотрел массивный квадратик из жёлтого металла, в трёх углах которого виднелись знакомые символы: глаз, рука и жезл с лучами, а в четвёртом углу – сквозное отверстие для шнурка. Немного повертев вещь, я надел её на шею рядом с крестиком и компасом, улыбнулся и слегка поклонился Елене. Она сделала то же самое. Надо отдариться, а то нехорошо. Я достал из кармана плитку шоколада и протянул ей. Она засмеялась, притянула меня за плечи и чмокнула в щёку.

Рядом смущённо топтался дед Пахом, и, когда девушка отошла, протянул мне на ладони потёртый кожаный кошелек с кнопкой, в котором оказались моток прочной лески с рыболовной снастью:

– Возьми гоманок и от меня. Много места не займёт, а в дальней дороге авось сгодится.

Я хотел возразить, но, посмотрев в глаза старика, кивнул головой и сунул кошелек в нагрудный карман. Часы показывали пять пятнадцать. На востоке поднималось яркое летнее солнце.

– С богом. Пошли, – хрипло сказал дед Семён, первым направился в сторону старой церкви, и вся наша кампания потянулась следом.

Продравшись через заросли, мы отыскиали в фундаменте ржавую дверцу, проникли внутрь и, освещая путь факелами, спустились в холодное подземелье. Через полчаса мы уже стояли в зале Четырёх Стихий.

Деды зажгли и закрепили в скобах факелы, кое-как осветившие обширное внутреннее пространство. Пока они занимались освещением, я направился в четвёртый, глухой угол зала. Вскоре ко мне присоединились все остальные, но ощупав и обнюхав каждый сантиметр поверхности, мы так не нашли и намёка на замаскированный проход. Перед нами возвышались ровные шероховатые стены, выложенные из больших плотно подогнанных каменных блоков разного размера.

После короткого совещания мы решили обследовать соседние ниши Воды и Металла, разделились на пары и тщательно осмотрели пол и стены. Безрезультатно. Деды терзали бороды и удручённо вздыхали, а Елена их тихонько успокаивала. Ситуация явно зашла в тупик.

И тогда меня будто что-то под руку толкнуло, и в голове промелькнула мысль. Я опустился на колени и ощупал поверхность пола в нише Воды. Вскоре моя догадка подтвердилась, в центре каменной плиты обнаружилось мелкое круглое углубление диаметром сантиметров тридцать. Я обвёл нишу взглядом. Ниша Воды. Вода!! Я вытянул из чехла фляжку, отвинтил крышку и начал медленно лить воду в найденное углубление. Рядом за моим плечом возбуждённо засопели деды. Вода заполнила углубление, затем тоненькой струйкой потекла по незаметному желобку через угол в соседнюю нишу Металла и исчезла у левой стенки.

Деды склонили факелы, а Елена всё время лезла под руку, пока я расчищал то место, где исчезла струйка воды. Вскоре от пыли и каменной крошки освободилось овальное отверстие, находящееся с краю напольной плиты.

В голове всё ещё лихорадочно крутились мысли, а интуиция уже подсказала решение. Я вытянул меч и осторожно вставил в отверстие. Клинок точно втиснулся в каменное ложе, как в ножны, и я медленно погрузил его в камень. Меч со скрипом продвинулся внутрь на четверть длины и во что-то упёрся. Я поднял голову и встретился глазами с горящим взглядом деда Семёна. Он кивнул головой, и я надавил на рукоять. Под напором меч немного углубился, и снизу послышался негромкий щелчок. В ту же секунду в углу зала раздался шорох, посыпалась пыль и два прямоугольных каменных блока медленно погрузились в пол, открыв тёмный проход, высотой чуть более метра. Я вытянул из камня меч, сполоснул водой из фляги и вложил в ножны. За моей спиной оживлённо загомонили деды, и восторженно захлопала в ладошки Елена.

– Уф-ф, – облегчённо вздохнул дед Пахом.

– Кажись, вышло, – прохрипел дед Семён.

– Ой, как там темно и страшно, – пропищала Елена.

Я вытянул из связки новый факел, запалил, отодвинул стариков и девушку и первым полез в открывшееся отверстие. За проходом начинался высокий сводчатый ход, вырубленный в сплошном известняке. Так же, как и три других, он медленно заворачивался по часовой стрелке.

Через сотню метров катакомба вывела нас в большой грот. Из подземного мрака мерцающий свет факелов высветил лежащую на полу идеально круглую базальтовую плиту диаметром метра полтора. Осторожно приблизившись к тёмному диску, я увидел на запылённой поверхности высеченное изображение: два квадрата, один в другом. Но здесь в полукругах внешнего квадрата стояли точки, а по периметру виднелись какие-то письмена.

Опять загадки, чтоб их! Я присел на камень, переводя дух. Подняв глаза, я увидел напротив дедов и Елену, с тревогой смотрящих на меня. Я криво улыбнулся:

– Всё в порядке.

Я поднялся и почувствовал, как камень едва заметно качнулся. В голове тут же промелькнула мысль, быстро превратившаяся в догадку. Я поднял энергетику на максимум и изо всех сил навалился на плиту, так что затрещали мышцы. В ушах от напряжения уже начали звенеть колокола, когда чёрный диск сдвинулся с места и сполз в сторону, открыв нашим взорам большое треугольное углубление, аккуратно вырезанное в такой же круглой плите, вмурованной в пол.

В свете факелов углубление поблёскивало гладкими поверхностями, а в его углах лежали три предмета изумительной красоты: широкий пластинчатый браслет, полукруглое нагрудное украшение-пектораль с изображением глаза и скипетр в виде булавы. Заворожённые зрелищем, мы едва дышали, глядя на находку и замерев в оцепенении. Выполненные в одном стиле артефакты блестели и переливались в мерцающем свете, и я точно знал, что ничего подобного мировая культура и история не знала.

Матовую тёмную поверхность чудесных предметов сплошь покрывали блестящие накладки из жёлто-зелёного, бело-голубого и серого металлов, соединившиеся в сложный орнамент. Подчиняясь догадке, я вытащил из ножен Баалат и увидел то же сочетание металлов и тот же неповторимый стиль. Великолепные артефакты выделялись на фоне чёрного камня, а мерцающий свет пробегал по ним загадочными отблесками. От понимания причастности к чему-то величественному всех нас охватила лихорадка возбуждения.

– Эт-то они, к-ключи, – стуча зубами, прохрипел дед Семён.

– От-т портал-ла, – заикаясь, проговорил дед Пахом.

– Какая красота, – прошептала Елена.

В сильном волнении я осторожно вынул необыкновенные предметы из углубления и передал своим спутникам. Ключи оказались довольно тяжёлыми, и мои друзья, опасаясь их уронить, замерли, тесно прижав их к себе. Поднатужившись, я с трудом задвинул каменный диск на место, а затем деды и Елена осторожно положили предметы на поверхность плиты.

Загадочные вещицы лежали на пыльном камне, и я не знал, с какого бока к ним подступиться. «Как же вы работаете? Где у вас кнопка? Что мне, вообще с вами делать?». Мысли роились в моей голове. Вопросы перепутывались с догадками и переплетались с ругательствами. Я по очереди вертел артефакты в руках, ковырял завитушки и надавливал разные выступы, не обращая внимания на охи, возмущённое кряхтенье и опасливые реплики стариков. В отличие от них, я не очень удивился, когда одна из накладок на браслете отодвинулась в сторону, открыв треугольное углубление. Треугольное. Тре-угольное. Угол!! Сегодня поистине был мой день. Сердце отчаянно забилося, когда я почувствовал, что нащупал алгоритм активации ключей.

Не секунды не сомневаясь, я сунул руку за пазуху, вынул амулет Елены, разглядел на нём уголок с изображением руки и вставил этим концом в углубление браслета. Раздался мелодичный щелчок и браслет начал медленно раскрываться, а на каждой из его 12 пластин появились красные светящиеся знаки. Через пару минут я отыскал углубление в узоре пекторали. В эту скважину я вставил уголок амулета с символом глаза, после чего кольцо пекторали раскрылось, на её поверхности внизу появился полукруглый ряд светящихся синих знаков, а в центре – изображение глаза, озарённое голубоватым светом. На скипетре скважина нашлась на ободке рукоятки. После того, как я вставил в неё уголок с соответствующим символом, артефакт вдвое удлинился, шаровидное оголовье скипетра провернулось и раскрылось в виде шестилепесткового лотоса. Внутри него засветились зелёным три шара, расположенные вокруг трёхгранного, испускающего жёлтый свет острия.

– Боже мой. Боже мой. – Без конца повторяла Елена.

– Ох, ты! Ух, ты! – раздавалось со стороны дедов.

Все три активированные артефакта лежали на камне и слабо светились. Я искренне радовался и испытывал необыкновенный прилив сил и азарта.

– Можно их потрогать? – попросила Елена.

– Наверно можно, – сказал я, оглядываясь на дедов. Но те сами едва не выпрыгивали из одежды от нетерпения. Легенда о чудесных ключах так давно передавалась от пращуров к потомкам, что не прикоснуться к ним было выше их сил. Они вертели артефакты, рассматривали, гладили и даже пытались нюхать, напоминая мне известную басню Крылова «Мартышка и очки».

– А, как ими пользоваться? А это не опасно? – тараторила Елена.

– Так... Странно... Ага... Не понятно... может так... – доносилось со стороны дедов.

Через четверть часа они наигрались. Дед Семён кинул взгляд по сторонам и строго сказал:

– Всё! Уходим. Нужно сменить факелы, не то пропадём в темноте.

Я ухмыльнулся, прикоснувшись к лежащему в кармане фонарику, но спорить с дедом не стал и осторожно собрал артефакты. Соблюдая все меры предосторожности, мы вернулись в главный зал, в котором факелы тоже прогорели и, треща, гасли один за другим. Деды бросились восстанавливать освещение, а я очень осторожно разложил чудесные ключи на ступенях лестницы. Затем все собрались, продолжая разглядывать слабо мерцающие огоньками артефакты.

И тут мне почудилось какое-то движение. Я протёр глаза, но артефакты, действительно, начали менять форму. Полукружье браслета начало медленно закрываться. В отчаянном порыве я сунул левую руку внутрь и через пару секунд он защёлкнулся на запястье. Следом пришла в движение и стала смыкаться пектораль. Проклиная себя за авантюризм, я торопливо приложил её к своей шее, и она, защёлкнувшись сзади, удобно легла на грудь. Последним пришёл в движение скипетр, у которого начали соединяться лепестки «лотоса». Я схватил жезл за рукоять, и чуть не выронил, поскольку из шаровидного оголовья рукояти выскочили две чешуйчатые скобы и защёлкнулись на моём запястье. Лепестки скипетра плотно соединились, опять превратившись в шар, а рукоятка укоротилась, превратив жезл в подобие булавы.

Более нелепого зрелища трудно себе представить: обвешанный артефактами мужик в камуфляже, выпучив глаза от недоумения, пытается содрать с себя то, ради чего некоторые индивидуумы могли бы развязать войну. Наверняка со стороны я выглядел очень потешно, и даже перепуганная происшествием Елена и то насмешливо фыркнула. Деды принялись яростно терзать свои бороды и издавать нечленораздельные звуки типа:

– Н-да-а... Эх-ма... Ну и ну...

Все попытки стянуть артефакты ни к чему не привели, и тогда дед Семён остановил всех жестом, взял меня за руку и спокойно сказал:

– Антон, прекрати дёргаться, как попавшийся с поличным воришка. Ты же Избранный Небом, Воин и защитник Истины. Значит, тебе ими владеть. А посему сосредоточься и вникни в суть вещей, сиречь, этих ключей, как давеча слушал свой меч.

Я закрыл глаза и попытался оценить ситуацию, так сказать, взглядом изнутри. Сказать, что я поразился «увиденным» – ничего не сказать. А «увидел» я вот что.

Моя изменённая энергосистема перекачивала буквально реки энергии, но широко открытые каналы не испытывали перегрузок, поскольку к ним подключились артефакты и стабилизировали потоки. Визуально индикаторы ключей пульсировали в такт с ударами моего сердца, из чего я сделал вывод, что артефакты настроились на мой организм. На мгновение меня охватила лёгкая паника, и показалось, что я могу стать рабом этих странных устройств. Но даже на это мимолётное опасение артефакты немедленно отреагировали, отчего возникло ощущение полной безопасности. Так, так. А не попробовать ли мне самому управлять ключами! Я мысленно отдал команду скипетру освободить мою руку. И тут же со щелчком обе чешуйчатые

дуги втянулись в рукоять. Другая команда вернула их на место. Ясно. Никакой я не пленник, а фактически хозяин этих странных вещей.

Добро! Будем знакомиться дальше. Я мысленно потянулся к пекторали, и она (!) сообщила, что является универсальным транслингером (переводчиком-комментатором)! Дальше... Так... Понял... Поразительно!.. Спасибо за разъяснение. О! Конечно, пообщаемся.

Затем я обратился к браслету. Что-о-о! Он представился универсальным трансформатором энергий. То есть он может преобразовать самое губительное внешнее излучение, полностью обезопасив организм, а при необходимости использовать преобразованную энергию для внутренних нужд. Например, с этим артефактом я могу жить даже в жерле вулкана, в котором он будет блокировать чудовищную энергию расплавленной магмы! Во, как! Невероятно!

Я поднял на уровень глаз укоротившийся скипетр и начал третий диалог. Сам себя он назвал эффектором-биорезонатором. То есть он мог устранить повреждения в любом живом организме, а при обороте процесса мог повредить любой организм, даже находящийся за непробиваемой защитой. И лекарство, и оружие в одном флаконе! Невозможно! Что?.. Извините... Безусловно, верю... Всего хорошего.

Кажется, с ключами я нашёл общий язык.

Я очнулся и обнаружил, что прошло около получаса. И пока дед Семён с Еленой терпеливо дожидались моего возвращения из внутреннего мира, дед Пахом успел притащить целую охапку факелов и восстановил освещение.

Коротко объяснив назначение артефактов, я выдержал шквал вопросов, советов и гипотез, и улыбнулся в ответ, поскольку уже точно знал, как включить портал. Я поднял руку, и гомон стих.

– Ситуация прояснилась. Но для того, чтобы запустить механизм переноса, нужно привлечь силы четырёх Стихий, и проводниками их будете вы. Каждый из вас займёт одну из ниш, сосредоточившись на портале, а я, обозначенный на схеме кругом с точкой, вместе с артефактами встану на поверхность куба. И вот ещё что... Лен, сохрани оберёг... до моего возвращения, – я снял с шеи квадратик амулета и протянул девушке.

Выслушав меня, деда дружно закивали головами, а Елена взяла драгоценную вещицу, поджала губы и отвернулась. Я указал деду Пахому на нишу Земли, дед Семён занял нишу Огня, а Елена тихо встала в нише Воды. В нише Металла я прислонил к стенке свой меч Баалат.

Вступив на чёрную поверхность портала, я поправил одежду, подтянул ремешок шляпы и сосредоточился. Пришла пора жечь мосты, и, преодолевая страх, я развёл руки в стороны, мысленно потянулся к ключам и отдал приказ открыть все каналы энергии и включить портал. Браслет на левой руке вспыхнул красным пульсирующим светом, и по нему побежали какие-то знаки. Пектораль ярко озарилась сине-голубым свечением и тоже заиграла переливами знаков и символов. Скипетр выдвинулся на всю длину, раскрыл лепестки, которые начали вращаться и слились в сплошную поверхность, расцвеченную вспышками зелёного и жёлтого света. Я мысленно протянул каналы энергии к кубу. Ниши Стихий осветились изнутри, и стоящие в них фигуры стали походить на тёмные статуи.

Я невольно вздрогнул и напрягся, когда портал пришёл в движение. Все четыре ребра куба наполовину поднялись вверх, после чего он превратился в ровный восьмигранник. Поверхность медленно опустилась, заключив меня внутри огромного чёрного стакана. Затем четыре поднявшиеся колонны сдвинулись с места, начали с ускорением описывать круги, пока не слились в сплошную гудящую стену. Портал окутался белым сиянием. Уши заложил ровный гул, и все очертания потекли и размазались.

Но мгновением позже вид прояснился, и я ощутил себя вмурованным в некую прозрачную среду, будто муравей в смолу. Я висел в бесконечно протяжённой пустоте среди ярких звёзд и не мог шевельнуться. Стало по-настоящему жутко. Напряжение всех сил ничего не

дало. В ответ на просьбу о помощи браслет сообщил, что энергия космического вакуума ему недоступна. Тогда в полном отчаянии я обратился к четырём Стихиям.

И случилось чудо! Ко мне потекли четыре могучие реки энергии, охватили со всех сторон и закружили в бешеном водовороте. Звёзды пришли в движение и начали смещаться, а затем и вовсе смазались в светящиеся полосы и круги. Накатил приступ дурноты и тут же отпустил. Звёзды снова засияли, но я не узнавал созвездий. Мгновением позже весь вид поглотило свечение, которое исчезло вместе с гулом вращающихся частей портала. Движение замедлилось, портал остановился и в обратном порядке сложился в куб.

Я обнаружил себя стоящим на идеально отполированной, чёрной поверхности. Моя бедная голова шумела и, казалось, что её содержимое продолжает вращаться, словно вода в воронке.

Через минуту я начал приходить в себя и, пошевелился, убедившись, что всё моё при мне. Я уже открыл рот, чтобы расспросить всё знающего деда Семёна, но, оглядевшись, увидел, что ниши стихий пусты. Этого ещё не хватало! Я начал озираться по сторонам, и тут до меня дошло, что нахожусь совсем в другом месте.

Вдоль ровных, сияющих белизной стен уносились вверх мощные колонны, поддерживающие круглый свод. В многочисленные щелевидные окна, расположенные под куполом струился яркий дневной свет. Я вертел головой и упрямо морщил лоб, не желая признаваться, что произошёл перенос. Однако я мог сколько угодно злиться, но было совершенно ясно, что, шагнув в неизвестность, я остался один на один со своей судьбой.

Глава 6

Так начался мой путь в бесконечность.

Осознав себя, как себя, первым делом я оценил своё состояние. Руки-ноги целы, зрение в порядке, слух... не знаю. В ушах, словно стая мошкары, звенела тишина. Я сморщился, прислушиваясь, и хлопнул в ладоши. Резкий звук взлетел к куполу и тотчас обрушился вниз, собравшись в фокус. Под черепом колыхнулась волна шума, который я наивно попытался заглушить, закрыв уши ладонями.

Более-менее очухавшись, я посмотрел под ноги. В отличие от того запылённого куба этот сиял ослепительной полировкой, и я, как в зеркале, увидел своё отражение во всей красе кверху тормашками. Возникла неприятная иллюзия отсутствия опоры под ногами, отчего накатил легкий приступ тошноты и головокружения. Я вскинул голову, пару раз глубоко втянул воздух пока не пришёл в себя.

Зеркальная плоскость казалась очень скользкой, и, чтобы не навернуться, я осторожно шмыгнул ногой. Полиуретановая подошва башмаков более-менее цепко держала поверхность. Но, не желая рисковать, на всякий случай я мелкими шагами прошмыгал к краю, вступил на лестницу и облегчённо вздохнул, только спустившись на пол и присев на нижнюю ступеньку.

Когда шум в голове совсем утих, на его место вернулись мысли. Это означало, что мозговые извилины опять заплелись в обычный узор. Первым заговорило эгоистичное и несдержанное сознание, выплеснувшее волну глухого раздражения. «Ну, что придурок, поздравляю тебя с очередной глупостью. Привык совать нос, туда, куда собака свой х... хвост не совала. Теперь хлебай полным ртом и ни в чём себе не отказывай. Поистине, ветер в голове попутным не бывает». Следом в диалог вступило мудрое подсознание, которое уравнило разум и завершило процесс мыслительного восстановления, включив логику и самооценку. И тогда гнев сменился изумлением.

Уверяю вас, вид зала не мог не поразить. Впрочем, этому помещению больше подходило другое название – дворец. Я во все глаза разглядывал сдержанную роскошь убранства, и с каждой секундой всё более убеждался, что это сооружение не принадлежало ни к одной известной земной культуре. В своё время я прочитал немало книг по истории архитектуры, но ничего подобного не встречал.

Сам кубический портал, окружённый пологими ступенями, являлся смысловым центром. В радиусе метров десяти от него поднималось сплошное ажурное кольцо высоких тонких арок. Вторым ярусом метров через пятнадцать параллельно стенам возвышались мощные колонны, перекрытые поверху блоками, образующими сплошное кольцо внутреннего карниза. В стенах, выстроенных в виде правильного восьмигранника, крестом располагались ниши стихий, а между ними поблёскивали металлом высокие двери. На карниз и стены опирались ребристые арки ажурного купола, состоящего из нескольких ярусов. Проходящий через щелевидные отверстия свет многократно отражался в гладких поверхностях и создавал феерическое зрелище. По идеально ровным белым стенам, и по карнизу проходил затейливый чёрный орнамент, подчёркивающий сложную геометрию пространства.

Обойдя дворец, я заглянул в каждую из ниш стихий и не поверил глазам, когда в нише Металла увидел свой меч. Я зажмурился и снова уставился на лежащий на полу клинок, но видение не исчезло. Осторожно потрогал оголовье. Точно он... она. Баалат! А, ну-ка иди ко мне, голубушка! Взявшись за рукоять, я хотел осторожно вложить меч в ножны, но замер, поражённый его видом.

По тёмно-серой части узоров металла пробежали фиолетовые искры! Образующие гарду крылья поднялись, приблизившись к лезвию под 45 градусов. На навершии рукояти голова змеи перестала кусать птичью лапу и повернулась в другую сторону, а в глубине её глаз мер-

пали фиолетовые огоньки. Сосредоточившись, внутренним зрением я увидел, что меч окутан энергетическим коконом, а из его оголовья ко мне тянется энергетический канал. В ответ на мои эмоции от меча пришла тёплая волна симпатии.

Я немного полюбовался великолепным оружием и осторожно вложил клинок в ножны. Приятная тяжесть меча добавила уверенности, но в голове продолжали кружиться разные вопросы, и восторженное настроение постепенно начало портиться. Действительно, какого лучшего я поставил свою единственную и совсем не бесконечную жизнь на карту? Как последний идиот, влез в опасную авантюру, и в итоге оказался в совершенно неизвестном месте при неизвестных обстоятельствах, с неясной перспективой и непонятной миссией. Зашибись! Задача с четырьмя неизвестными. Решайте юноша и можете воспользоваться справочниками и помощью консультантов.

Стоп. Я немного оживился, сообразив, что, действительно, могу обратиться к замечательным помощникам и консультантам. Однако пектораль выдала мне густой коктейль из разных эмоций и неясного шёпота. Ничего конкретного. Жаль. Зато браслет сразу же закачал в меня порцию энергии, от чего в зале стало чуть прохладнее, а скипетр, шевельнув лепестками, прислал тёплую приятную волну, разошедшуюся по всему организму. И хотя ситуация не прояснилась, но артефакты отреагировали по-своему, за что им, конечно, большое спасибо.

На самом деле, я стал чувствовать себя намного лучше, бодрее и увереннее. Ладно, Антошка, не вешай нос, усё будет в шоколаде. Я дотронулся до кармана, в который утром засунул шоколадную плитку, и вспомнил, что подарил её Елене. Милый образ девушки навеял приятные воспоминания, которые совсем не вовремя прервал посторонний звук.

Створки одной из дверей распахнулись, и в освещённом проёме появились три тёмные фигуры огромного роста. Ну, очень огромного! Нечеловечески!

Спрятаться негде, да, и поздно. Бежать некуда, да, и незачем. Я встал лицом к вошедшим. Инстинкты и ускоренный обмен веществ моментально подняли энергетику. Ноги сами заняли устойчивую позицию. Я гордо вскинул голову и поднял руки: согнутую в локте левую (с браслетом) – открытой ладонью вперёд, а правую (со скипетром) – высоко вверх. Отреагировавшие на стресс артефакты заморгали огоньками и начали издавать тихие мелодичные звуки. Наверно, со стороны я выглядел очень грозно. Однако, когда незнакомцы вышли на свет и встали в проёмах арок внутреннего кольца, я сильно усомнился в своих возможностях.

Передо мной стояли три человека (?) не меньше трёх метров ростом, и по сравнению с ними я выглядел подростком. Вперёд вышел один из них, пожилой гигант с длинными светлыми волосами, перехваченными чёрной диадемой с синим камнем.

Его слишком правильные черты лица подчёркивали гладко выбритый подбородок и густые свисающие бакенбарды. Одежда незнакомца не отличалась изощрённостью: длинная синяя рубаха до колен с рукавами до локтя и квадратным вырезом, высокие, почти до колен мокасины со шнуровкой. Рубаху перетягивал чёрный чешуйчатый пояс с тремя бляхами из жёлтого металла, а оба запястья украшали широкие браслеты. Правая рука гиганта опиралась на чёрный посох, увенчанный синим камнем.

По бокам и чуть сзади великана стояли двое охранников. Их головы защищали сферические шлемы, на груди и плечах лежали нагрудники и наплечники. Широкие чешуйчатые пояса спереди скреплялись большими выпуклыми бляхами. В руках оба держали круглые щиты и копья со сверкающими лезвиями мечевидных наконечников длиной не меньше метра. Чёрные доспехи в отражённом солнечном свете слегка отливали багрянцем, а под ними виднелись чёрные туники без рукавов.

«Та-а-к, пожаловал хозяин со стражей. Наверно будут бить» – подумал я с досадой, лихо радочно прокачивая ситуацию: – «Судя по одежде, доспехам и оружию – это прошлое время, но, судя по portalу, архитектуре и артефактам – будущее. Судя по росту – это не люди, а судя по облику – собратья по разуму. Ничего не понимаю».

Когда внутренний голос беспристрастно сообщил, что меня ждут большие проблемы, я приготовился к самому плохому, но то, что произошло дальше, меня буквально ошеломило. Человек с посохом вдруг преклонил колени, а двое других повернулись спиной и, широко расставив ноги, положили копья сзади на шею и закинули за них руки.

Я по-прежнему ожидал подвоха, но волнение почему-то улеглось, и появилось предчувствие, что всё обойдётся. Я медленно опустил скипетр, и во все глаза продолжал таращиться на незнакомцев, стараясь сохранять важный вид. И тут стоящий на коленях человек, не поднимая головы, что-то произнёс низким голосом. Пектораль переморгнула светом, и буквально через полсекунды в моей голове прозвучал полный перевод, дополненный смысловым, эмоциональным и подтекстовым комментарием:

– Прошу неизвестного повелителя умертвить меня без боли, ибо я не нанёс ему вреда и оскорбления словом и делом.

Слова незнакомца совсем dokonали меня, но на моём лице не дрогнул ни один мускул, и, сохраняя видимость спокойствия, я начал лихорадочно соображать. Секунды шли за секундами, а я так и не смог выработать линию поведения, поскольку не знал, за что зацепиться. Но сколько можно сохранять глубокомысленное молчание?

И тут в ответ на мои эмоции и бесчисленные вопросы отреагировала пектораль. В понятных мне терминах она «объяснила», что передо мной хранитель зала «Явления Великих» и, что он очень боится, поскольку портал сработал внезапно, вызвав перегрузки энергетического контура в этой части дворцового комплекса и сбой работы некоторых механизмов. Меня он принял за одного из Повелителей, из-за того, что я владею их атрибутами. Также пектораль «подсказала», что говорить мне надо коротко и властно.

– Встань и назовись, – я быстро вошёл в роль и громко произнёс это по-русски, но к удивлению мой язык сам проговорил это на местном наречии.

– Хранитель Нингирпак, – ответил незнакомец, и страх слегка исказил его лицо.

– Кто с тобой?

– Дворцовые стражи. Назвать их имена?

– Нет. Иди к выходу. Я следую за тобой, – приказал я низким от волнения голосом, прозвучавшим под сводами зала гулко и грозно.

Хранитель поднялся и двинулся к открытым дверям. Стража опустила копья и отправилась следом, отстав от меня метров на десять. Пока мы пересекали зал, я понял, что перевод пекторали перестал восприниматься, как посредничество. В считанные минуты артефакт перестроил моё восприятие, создал новую смысловую и словарную базу и фактически сформировал новую языковую доминанту! Сначала по инерции я прислушивался к отголоскам перевода, но ситуация требовала сосредоточенности, и я перестал обращать внимание на всё более редкие подсказки. Кстати, как позже выяснилось, уже через четверть часа общения я не нуждался в переводчике. Пектораль «замолчала» и изредка подключалась к диалогу, только если требовалось объяснить термины, понятия или уточнить двойной или тройной смысл.

Уже в дверях хранитель повернулся и, слегка склонив голову, произнёс:

– Как прикажешь доложить твоё имя Повелителю Энки (интерлингвер перевёл: «повелитель Земли»)?

Я задумался, но пектораль подсказала, что по местному закону переход через портал является важным событием, равноценным визиту главы другого государства. А, значит, предстояла официальная встреча с местным владыкой. Именно поэтому хранитель перетрусил, прозевав визит на высшем уровне.

– Моё имя – Антон.

– АН-ТИ-АН-НИ?! – с нарастающим страхом переспросил хранитель.

Я кивнул и «спросил» у пекторали, что его так встревожило? Оказалось, что буквальный перевод моего имени на местный язык. А означало оно: «небесный житель, отвергнув-

ший небо». Проще говоря – мятежник! М-да. Но оправдываться было поздно, а объясняться – глупо. Будь, что будет.

– Да, – я театрально вскинул голову и нахмурил брови.

Хранитель кивнул головой, повернулся и вышел в дверь. Я направился следом. Стражи отстали и шли в отдалении. Перебирая разные варианты развития событий, я недовольно крутил головой, понимая, что с именем мне явно не повезло, ведь репутация мятежника не добавит мне авторитета и удачи. Неважное настроение уже достигло стадии отвратительного, когда мы вышли на открытую галерею с колоннадой, откуда открылся потрясающий вид. Поражённый зрелищем, я забыл о своих переживаниях и замедлил шаг, невольно любуясь окрестностями.

Судя по положению солнца, сейчас полдень, но разные сооружения и конструкции почти не давали теней! То есть солнце стояло в зените. Экватор! Так, так, кое-что проясняется. Справа простирались зелёные волны тропического леса, над которым возвышалось несколько башен непонятного назначения с гладкими острыми зубцами по верху. Слева вниз убегали ступени широченной лестницы, ведущей к окружённой цветниками площади. Далее на фоне сине-зелёного водного простора виднелись разные постройки, террасами спускающиеся к берегу. Вдоль кромки воды взметнулись в небо ещё четыре высокие цилиндрические башни с поблёскивающими на солнце зубцами. Башни соединялись арочными мостами, а у основания каждой теснились плоские строения, издавдала напоминающие пчелиные соты.

Глядя на этот фантастический пейзаж, я абсолютно не понимал, куда меня зашвырнула судьба. В голове одна за другой проносились разные догадки, которые сплелись в бессмысленный клубок, поскольку зацепиться за хоть какую-то отправную точку было невозможно. В конце концов, я пришёл к неутешительному выводу: поскольку куда меня занесло неизвестно, нет смысла и голову ломать, гоняя по кругу бестолковые мысли, а придётся набраться терпения и выдержки.

Галерея упёрлась в высокую стену с огромными дверями, возле которых стояли облачённые в доспехи привратники, как две капли воды похожие на тех, что шагали позади. Хранитель поднял свой посох, и стражи медленно распахнули тяжёлые створки. Я поправил камуфляж, шляпу и вступил во дворец.

За короткой колоннадой открылся грандиозный зал, величие которого напрочь затмевало зал «явления Великих». Высота сооружения угадывалась приблизительно, поскольку сложный арочный купол уносился далеко вверх и терялся в потоках света. Приглядевшись, я поразился ажурной сложности этого венчающего дворец свода. Непропорциональную длину зала скрадывали три яруса пола, выложенного большими квадратными плитами.

Белоснежное покрытие первого яруса расцвеченное понизу красным и немного чёрным орнаментом, начиналось прямо от входа. На этом уровне смысловым центром являлся бассейн, эллиптическое зеркало которого окружала широкая окантовка из красных плит, а вода переливалась нежно розовым цветом. Сзади к бассейну дугой примыкал похожий на сиденье выступ красного цвета, по краям которого в углублениях пола росли пышные цветы. Вдоль стен за изящными арками, оплетёнными цветущими лианами, едва различались полукружья скамеек.

В десятке шагов за бассейном во всю ширину зала поднимался трёхметровый уступ, который по краям и в центре разрезали три лестницы, ведущие на второй ярус. Здесь в самой середине пола на фоне белого покрытия выделялся большой светло-розовый квадрат, внутри которого виднелся квадрат поменьше ярко-розового цвета, а в самом центре стоял полутораметровый куб тёмно красного цвета. Этот пьедестал с двух сторон подсвечивали большие дисковидные светильники, в зеркальных ободах которых отражались языки трепещущего пламени. По краям второго яруса во всю длину тянулись балконы, опирающиеся на колонны и оканчивающиеся изогнутыми дугой лестницами. Под балконами между колоннами виднелись высокие дверные ниши.

Весь задний план занимал третий самый высокий ярус, вернее, возвышение, представляющее собой пологую полукруглую лестницу в двенадцать ступеней, основание которой занимало всю ширину зала. На верхней площадке стоял причудливой формы огромный трон из какого-то тёмного материала. За ним круто выгибалась арка ниши, в глубине которой сияла золотом двухстворчатая дверь, больше похожая на крепостные ворота.

Изумительный дворец блистал полированным камнем, пестрел зеленью и цветами, благоухал экзотическими ароматами. Сказать по правде, меня потрясло это зрелище.

Мягкие мокасины моих проводников позволяли им двигаться почти бесшумно, а мои башмаки стучали по плитам пола, и звук шагов громко отдавался в огромном пустом пространстве, подтверждая почти идеальную акустику. Не доходя до красного алтаря, хранитель коротко кивнул стражам, которые встали сзади меня метрах в пяти, а сам он исчез в одной из боковых дверей. Через четверть часа хранитель вышел из той же двери, подвёл меня к основанию тронного возвышения и встал сзади между стражами.

Ситуация мне очень не нравилась, поскольку терпеть не могу, когда стоят за спиной, тем более с оружием. Я сосредоточился, мобилизовал энергетику и приготовился к худшему.

Ждать пришлось долго. Примерно через час, когда, закипая от возмущения, я уже готовил гневную речь, чтобы покинуть дворец, медленно распахнулись створки царских врат за тронном. Оттуда донёсся мелодичный звук, и всё тронное возвышение озарил красноватый свет. Из тёмного проёма вышли семь стражей гигантского роста под три с половиной метра, одетые во всё чёрное, и встали полукругом за тронном. В отличие от стражей портала их чёрные пластинчатые латы имели отделку золотом и покрывали всё туловище. Гребенчатые шлемы с полумасками чем-то смахивали на скандинавские. На наплечниках до локтя свисала блестящая бахрома. Ниже пояса чешуйчатый фартук прикрывал пах и бёдра. Под ним поблёскивали наколенники. Поверх мокасин виднелись ребристые поножи. Все стражи держали огромные копья с метровыми сверкающими наконечниками и круглые чёрные щиты.

Через минуту появился и сам Правитель такого же непостижимо большого роста и величественного вида. Его идеально сложенную фигуру и могучий торс не скрывали простая белая рубаха до колен и широкий чёрный пояс. Помимо подобных моим артефактов Правитель носил высокую золотую тиару. Его мужественное лицо обрамляли светлые, спадающие на плечи волосы, и такого же цвета борода и усы. Он величаво подошёл к трону, медленно сел, положив руки на подлокотники, и поднял на меня тяжёлый взгляд ярко синих глаз. Затем он сделал жест левой рукой, и я услышал сзади удаляющиеся шаги хранителя портала и копьеносцев.

Глядя на Правителя и его охрану, я совсем расстроился, почувствовав себя карликом среди великанов, переживая при этом отчаянную борьбу любознательности, растерянности, уязвлённого самолюбия и страха. Время шло, и Правитель, и его охрана угрюмо молчали, и гулкую тишину дворца начали наполнять негативные эманации. По всем приметам ситуация ничего хорошего мне не сулила. Я поёжился, приготовившись подороже продать свою никчёмную жизнь.

И тут на меня обрушился низкий и грозный голос Правителя:

– Кто ты? Я тебя не ждал. Знаешь ли ты, что проход через портал без оповещения приравнивается к вторжению?

Не смотря на явную угрозу, начало диалога меня успокоило. Я почувствовал вернувшуюся уверенность и с достоинством ответил:

– Моё имя Антон. По-вашему – АН-ТИ-АН-НИ. Я прибыл сюда издалека не по своей воле, законов ваших не знаю, но готов их неукоснительно соблюдать.

– Имя твоё звучит вызывающе. Кто твой предок, так оскорбительно тебя назвавший? И что означает твоё внезапное появление? На тебе знаки власти Ануннаков, но ты не один из нас. И вид твой странен и безобразен.

Отлично понимая, что врать бесполезно и опасно, я решил изложить правду, и только немного задумался, как сделать это покороче и повежливее.

– Родом я с севера. Мои родители погибли, и я их не знал. Однажды я обнаружил странные письма, указывающие на место нахождения заброшенного портала. Его хранители убедили меня им воспользоваться, ибо они верят, что мне предстоит некое особое предназначение. Рядом с порталом я обнаружил эти предметы, активировал их и включил чудесные врата, которые сами перенесли меня сюда.

Верховный Правитель сидел мрачнее тучи и, глядя исподлобья налитыми кровью глазами, грозно произнёс:

– Ты четырежды лжец! Ты не мог найти знаки власти Ануннака, ибо они являются личными символами каждого из нас и не валяются, где ни попадя. Ты не можешь не знать своего происхождения, ибо это невозможно. В мире нет заброшенных порталов, поскольку я совсем недавно их создал. Ты не мог случайно их активировать, это может сделать только один из Ануннаков, а ты не принадлежишь к тем, кто на Землю с небес сошёл. Посему ты самозванец и шпион моего ненавистного брата Энлиля. Я Правитель Земли и Повелитель Абсу Энки не знаю тебя. Повелеваю отдать присвоенные тобой знаки власти и ждать наказания в темнице. Я сказал!

С последними его словами я понял, что артефакты больше не действуют. Быстрая проверка показала, что они заблокированы устройством, находящимся в головном уборе Энки, и мне не подчиняются. Как по команде раскрылись браслет, пектораль и скобы скипетра, и все знаки власти со стуком упали на пол. Только верная Баалат осталась в ножнах у меня за спиной.

Ну, что же, мне не оставили выбора. Видимо, моя судьба погибнуть в самом начале пути, но я не лжец и не раб. Я не взмолюсь о пощаде и в темницу не пойду. Прогнав мимолётное сожаление о таком бесславном конце моего короткого путешествия, я расправил плечи, медленно вытянул меч из ножен и встал в боевую позицию. Гневный взгляд Энки сменился изумлением. Он вскинул голову и медленно процедил сквозь зубы:

– Не хочешь ли ты сопротивляться моей воле, маленький самозванец?

Всё! Время слов закончилось, практически и не начавшись. И, совсем обнаглел, я прямо взглянул в глаза владыки и насколько смог спокойно ответил:

– Повелитель Энки, я не привык, чтобы мной помыкали, и совсем не терплю насилия. Моя ложь не доказана, и многое в этом деле непонятно. У меня нет причин лгать. Я невиновен, а потому буду защищать свою жизнь и честь.

Уже начавший подниматься Энки сел обратно и нахмурился. Пронзив меня холодным взглядом исподлобья, он презрительно скривил губы, кивнул одному из телохранителей и указал на меня. Тот грохнул копьём по щиту и начал спускаться по ступеням.

Когда страж встал со мной на один уровень, я увидел Воина с большой буквы, который мог бы стать образцом для любого скульптора. Со спокойным и сосредоточенным лицом он остановился в пяти шагах, и только тогда я разглядел его размеры. Боже мой! Три с полтиной метра! Страж слегка расставил ноги, немного выдвинув вперёд левую, приподнял щит, а правую руку чуть согнул в локте, нацелив копьё точно мне в грудь. Затем я услышал низкий несколько глуховатый голос:

– Брось клинок и ступай за мной.

– Хрен тебе, верзила. Вали отсюда, пока цел! – ругнулся я по-русски.

Страж от неожиданности моргнул, потом уставился на меня, не понимая, что я ему ответил, но быстро собрался и повторил приказ:

– Магия тебе не поможет. Следуй за мной.

– Ну, бугай, ты меня достал! Сейчас я вытряхну тебя из твоих консервов, а падать тебе будет ой, как высоко.

Пока я нёс эту околесицу, моё подсознание не теряло времени даром, переключая энергетику на максимум и перераспределяя мощности для жестокого боя. Я физически ощутил, как от избыточной силы начали подрагивать мышцы. Тело стало твёрдым, как камень, и превратилось в боевую машину. Меня охватил воинственный восторг, и плевать я хотел на этих гигантов с их огромными копьями, доспехами и центнерами мышц. Я нестерпимо жаждал боя и физически, и духовно.

Страж подошёл ближе. Что он разглядел в моих глазах, не знаю, но движения его стали осторожными, а взгляд встревоженным. А я уже вошёл в боевой транс, окружающая картина размылась, и только лицо противника резко выделялось в центре поля зрения. Его зрачки сузились и дёрнулись чуть вправо. Я немедленно уклонился влево, краем глаза заметив промелькнувшее мимо копьё. Скользя вперёд, я оказался в выгодном положении у него сбоку. Фактически он открылся для клинкового удара, но я не хотел его убивать. Перебросив меч в левую руку, я крутанулся на носке левой ноги, подпрыгнул и с разворота со всей дури врезал ему правой ногой в солнечное сплетение. И, хотя его живот прикрывала большая круглая пластина, он зашёлся кашлем, задохнулся и согнулся. Склонённая шея противника приоткрылась, и тогда я с выплеском энергии двинул кулаком ему под шлем в основание черепа. Он начал заваливаться вперёд. Готово.

Я отошёл назад, встал на прежнее место, перехватил меч и занял позицию. Моё дыхание участилось, но не было и следа усталости. Наоборот, сердце мощно гнало кровь к мышцам, а победа добавила изрядную порцию уверенности.

Повелитель Энки, буквально пожирал меня глазами, и в его взгляде я разглядел ненависть, азарт и... любопытство. Он резко указал скипетром на двух воинов справа и слева от себя и махнул в мою сторону. Стражи грохнули копьями в щиты и, как две ожившие статуи, начали спускаться по лестнице.

Так, кажется, началась большая свара! Дело явно принимало опасный оборот. О худшем думать не хотелось, но я точно знал, что сейчас мне придётся туго. Два вооружённых противника не один, и даже выдающийся боец не может драться сразу с двумя. Как назло, оба они двигались синхронно и слаженно, что снижало мои шансы почти до нуля. Однако пока они спускались вниз, в моей голове возникла одна задумка, позволяющая разобщить противников на несколько секунд.

Взмахнув мечом, я медленно вложил его в ножны. Не подумайте, что я пижонил, желая устроить показуху и голыми руками порвать в клочья вооружённых до зубов гигантов. Мне противостояли два могучих, полных решимости бронированных копейщика, и мой клинок не имел никаких шансов против двух копий в умелых руках, а в скоротечной схватке ближнего боя длинный меч мог помешать.

Начиная рискованный манёвр, я отлично понимал, что второй попытки не будет. Сместившись назад и вбок, я встал сбоку от поверженного воина, по-прежнему лежавшего на полу. Теперь между мной и противником слева оказалось неподвижное тело. Оба копейщика встали в боевую стойку и приготовились нанести удары, но за несколько секунд до их атаки я подцепил ногой валявшийся на полу круглый щит, подбросил его вверх, схватил за край и, как диск, бросил в противника справа. Мощный воин, буквально закованный в металл глыба, не ожидал от меня такой выходки, к тому же доспехи и габариты не позволили ему среагировать быстро. Щит врезался ему точно в лоб, сбив шлем на пол. Я выиграл свои три секунды! Ошеломлённый крепкой плюхой он рефлекторно распрямился и поднял руки к голове, приоткрыв левый бок. И тут я его атаковал, нанеся сильнейший удар носком башмака. Гигант, громко вскрикнув, бросил оружие, схватился руками за бок и рухнул на пол, мыча от нестерпимой боли. Наверняка перелом 12 ребра и ушиб почки.

Пока он падал, я обернулся навстречу «левому», который, преодолев препятствие, с рёвом бросился на меня. В его глазах пылали ярость и месть. А я наоборот успокоился и даже немного расслабился. А зря!

«Левый» немедленно воспользовался моей оплошностью. Он показал, что бьёт копьём. Я ушёл вправо. А он неожиданно крутнулся на месте и крепко приложил мне черенком копья по боку. Со звуком «кхек» из меня вылетел весь воздух, и я, как тряпичная кукла, пролетел метров пять и грохнулся на пол. Из глаз брызнули искры, и на секунду я выпал из сознания. Однако масса и доспехи не позволили моему противнику двигаться достаточно быстро, и с нападением он опоздал на те же три секунды. Этого мне хватило, чтобы очухаться и вскочить на ноги. Видимо, он не ожидал от меня такой прыти, а потому машинально продолжил атаку. И, когда, отведя руку со щитом в сторону, он резко ткнул копьём, чтобы пригвоздить меня к полу, я извернулся, подпрыгнул и с левой ноги врезал ему по локтю вытянутой руки. Затем, рухнув на древко опущенного копья, я своим весом вырвал оружие из руки противника. Удачно упав на бок, я тут же вскочил.

От удара «левый» отшатнулся и схватился за руку. Однако этот парень оказался крепким бойцом и, лишившись оружия, не прекратил схватку. Но удар его, явно, потряс. Он тряхнул головой, прижимая ушибленную руку к животу, но уже в следующий миг отшвырнул щит, и, ослеплённый яростью и болью, пошёл на меня буром.

Отлично понимая, что уже перехватил инициативу, я продолжал действовать спокойно и хладнокровно. Резко поднырнул под вытянутую левую руку, я пропустил противника мимо, подцепил его ногу и вдогонку сильно врезал кулаком в спину. Он споткнулся, с ускорением пролетел вперёд, и ударился о каменный алтарь.

Нужно отдать должное его упрямству и силе духа. Он поднялся на ноги и шагнул в мою сторону. Его лицо заливала кровь, шлем свалился, длинные волосы растрепались, один наплечник сорвался и болтался сзади. Наконец-то, он принял меня всерьёз, и, подняв руки, с грохотом скинул верхнюю часть доспехов, а затем расстегнул и отбросил пояс и набедренник.

Затем он атаковал, пытаясь нанести удар кулаками сразу в голову и живот. Однако на его беду я реагировал лучше, и он подставился. Провалившись вперёд во время промаха, он открыл подбородок, в который я и вlepил прямой снизу. Его голова дёрнулась вверх, и я немедленно в прыжке ударил кулаком в незащищённое горло, при этом очень стараясь его не убить. В полном нокауте «левый» схватился за шею и рухнул на колени, а затем, сипло дыша, завалился на бок.

Я подошёл, наклонился, заглянул ему в глаза, пощупал пульс. Порядок. Распрямившись, я поправил амуницию и встал на своё место.

Повелитель Энки неподвижно сидел на троне и хмуро глядел на трёх поверженных стражей. Что-то сказав одному из стоящих за спиной, он привалился к левому поручню и нетерпеливо постукивал скипетром по руке. Через минуту из боковой двери выскочили шестеро слуг в серых туниках, оттащили лежащих стражей в сторону и в ожидании встали возле них. После этого Энки поднял скипетр, взмахнул над головой круговым движением и указал на меня. Оставшиеся четыре стража грохнули копьями в щиты и, разделившись по двое, начали спускаться вниз.

Вот теперь можно смело готовиться расстаться с жизнью. Пошады не будет. От воинов исходила плотная волна гнева и ярости. Сойдя на алтарную площадку, они разошлись, окружили меня, нацелив четыре блестящих жала. Неужто, конец?

И тут перед моими глазами промелькнула подмигивающая мне физиономия деда Пахома. А ведь его хитрые ухватки сейчас и впрямь могут пригодиться. А ну-ка, сучьи дети, не спешите торжествовать, сначала достаньте меня. И от своей борзости я в голос засмеялся.

Противники удивлённо переглянулись, однако не прошло и пары секунд, как они атаковали почти одновременно. Но именно это «почти» позволило мне, кривляясь и выделявая

руками, ногами и туловищем разные коленца, ускользнуть от смертоносных лезвий. Ткнув в пустоту копьями ещё пару раз, стражи отступили, явно поражённые своими промахами. Они опять переглянулись, не сводя с меня взглядов, отложили щиты и взяли копья двумя руками.

С этого момента ситуация стала крайне опасной, ведь из такого хвата, можно не только колоть, но и рубить. Ну, дед Семён, теперь твой черёд меня выручать.

Вытянув меч из ножен, я почувствовал исходящую от него уверенность и поддержку. Я крутанул клинком, разминая кисть, и продолжил внимательно следить за противниками.

Все четверо крикнули «ар-ра!», одновременно сделали шаг и начали атаку, нанося очень опасные удары острыми и длинными, как мечи наконечниками копий. И тогда я начал бой на «восемь сторон света», описывая клинком меча размашистую восьмёрку и одновременно быстро проворачиваясь вокруг своей оси. Летающее лезвие Баалат размазалось в сплошную сверкающую завесу, в которой первый, попавший под удар, черенок копья сломался как спичка и срубленный наконечник отлетел далеко в сторону. Когда со стуком в пол врезался второй наконечник, я шумно выдохнул, при этом остро чувствуя уязвимость своей пассивной позиции. И едва я об этом подумал, как лезвие копья пронзило левое бедро. Боли я не почувствовал, и бой продолжил, но нога начала слабеть и уже не позволяла быстро раскручивать тело. В защите появилась брешь, и тогда другое копье, а может быть то же самое, угодило мне в левую руку и глубоко рассекло мышцы плеча. Вот теперь, точно конец! Махнув мечом в ответ, я отрубил это проклятое острие и сразу же на обратном движении ударил по последнему целому копью. Когда с лязгающим грохотом четвёртый наконечник улетел в сторону алтаря, я опустил оружие.

В руке пульсировала тупая боль, штанина и рукав набрякли кровью, и потихоньку на меня начала наваливаться тяжесть. Я окинул взглядом искажённые боем лица противников, и ярость охватила меня, прогнав усталость и боль. Не сдамся! Никогда и ни за что!

В голове промелькнули сцены моего третьего посвящения, и невероятное облегчение после купания в реке. Я кинул взгляд на бассейн внизу. А почему бы и нет? Выставив меч в сторону врагов, спиной вперёд по лестнице я отступил на нижний ярус, припадая на раненую ногу. Стражи с обрубками копий в руках шагнули за мной следом.

Я забрался на выступ перед бассейном, сосредоточился, выкрикнул отчаянную просьбу и бросился в воду. Честно говоря, я ни на что не надеялся, но едва погрузившись, почувствовал, что появилось осязаемое круговое течение, а израненное тело начало наполняться влагой и жизнью. Я вынырнул и обнаружил, что нахожусь в центре появившейся в бассейне воронки. Отдышавшись, я кинул взгляд на рану на плече, она зияла, но не кровоточила.

Мысленно поблагодарив Воду, я одним прыжком выскочил из бассейна, обдав стражей фонтаном брызг. Ошарашенные неожиданным душем, они замешкались, а я бросился по лестнице вверх на второй ярус. Сзади раздались крики и топот, но я уже стоял на красном каменном кубе, протянув обе руки к огню светильников. С двух сторон пламя буквально упало на меня, мгновенно растеклось и начало волнами струиться вверх к голове и вниз к ногам. Облитый огнём, я стоял на плоскости красного камня и чувствовал, как с каждой секундой мой организм наполняется силой и энергией. «Спасибо Огонь, ты меня спас», – произнёс я мысленно, и пламя тут же стекло с меня, вернувшись в светильники, и громко хлопнуло при этом несколько раз.

Оглядевшись, я увидел потрясённых и замерших в нелепых позах стражей в потрёпанных доспехах и со своими чёрными обрубками в руках. Я громко засмеялся, заорал: «Ур-ра-а-а!», и спрыгнул на пол, вскинув меч вверх.

И тут раздался громовой голос Энки:

– Стойте все!

Стражи замерли, кто, где стоял, обернулись в сторону своего Повелителя и вытянулись в ожидании приказа.

– Антон, подойди, – громко произнёс Энки, сказав именно «Антон», а не АН-ТИ-АН-НИ.

Я осторожно приблизился к основанию тронного возвышения. Стражи рванулись наперез, но Энки остановил их жестом. Повелитель неподвижно сидел на троне, положив руки на подлокотники, и сверху вниз с любопытством смотрел на меня. Молчание несколько затянулось. Я вложил меч в ножны, огляделся, заметив, что моя мокрая, исходящая паром одежда просечена в нескольких местах и требовала срочного ремонта. Похлопав водой в башмаках, я снял и отжал свою шляпу-афганку, которая каким-то чудом удержалась во время боя на крепком ремешке и продолжала прикрывать мою голову.

– Кто ты, Антон?

– Повелитель, я уже объяснил, и добавь мне нечего.

– Допустим, я не верю своим глазам, а верю тебе. Но ясности это не добавляет. Продолжим разговор после заката солнца. Подумай о том, что ты мне скажешь. А сейчас о тебе позаботятся. Я сказал!

– Повелитель, дозволю попросить.

– Говори.

– Разрешить оказать помощь твоим воинам.

Энки встал во весь свой огромный рост, улыбнулся в бороду и пророкотал:

– Дозволяю.

Он повернулся, шагнул за трон к раскрытым воротам и скрылся в них в сопровождении четырёх последних стражей, каждый из которых на пороге обернулся и кивнул мне головой.

Глава 7

Вместе с окончанием боя вернулась боль. Стиснув зубы, я приблизился к лежащим на полу воинам. Не подумайте, что я набивал себе цену, просто ярость сражения исчезла, и я на самом деле сожалел, что нанёс стражам увечья и торопился оказать им посильную помощь.

Бегло осмотрев бывших противников, я убедился, что опасных для жизни повреждений нет. Уже хорошо. Однако тот здоровяк, которому я врезал ногой в бок, был плох. Он глухо стонал и явно находился в шоке. После такого удара обломок ребра мог пробить почку, а это смертельно опасно. Беглое обследование показало, что почка не повреждена. Слава богу! Я достал армейскую аптечку и вколол ему весь запас промедола. Через минуту он успокоился и расслабился.

Затем я подошёл к тому, кто сражался дольше других. У него краснел расквашенный нос, волосы прилипли ко лбу, и левый глаз залила кровь из пробитого лба, но его горло оказалось целым. Очень хорошо. Я наскоро затампонировал нос страдальца, обработал раны мирамистином и йодом, заклеил пластырем и дал шесть таблеток кеторола. Похлопав его по плечу, я подошёл к третьему, вернее к первому поражённому.

Он по-прежнему лежал тихо и неподвижно, и я слегка струхнул, подумав, что сломал ему шею. Но нет, такую шею одним ударом не сломаешь! Видимых повреждений не отмечалось, скрытых, вроде, тоже. Значит, попал бедолага под парализующий удар. Воздействие на противошоковые точки привело его в чувство. Он открыл глаза и с недоумением заморгал.

– С прибытием, дружище, из небытия.

– Кх-х, что со мной? – его лицо исказилось болью.

– Извини, я тебя немножечко стукнул, но ты сам виноват. Зачем так грубо начал разговаривать?

Он сел на пол, сморщился, покрутил головой и уставился на меня.

– Этого не может быть! Как ты это сделал?

Я криво усмехнулся. Мне положительно нравился этот огромный парень, которому не повезло оказаться сегодня на службе.

– Как-то изловчился. Да, ладно, не мучайся. Мне тоже крепко досталось, – я говорил, а сам осматривал свои раны.

На самом деле мой вид оставлял желать лучшего. Помимо десятка мелких царапин и ушиба правого бока, обе раны на бедре и плече имели очень скверный вид. Однако вопреки анатомии и физиологии, они не кровоточили. Я ещё раз мысленно поблагодарил Воду и только сейчас перестал относиться к ней, как к некоей абстракции. Какая уж тут абстракция, когда лезвие копья развалило мышцы до половины, а из них не капли крови! М-м-да. Но зашить мышцы необходимо, иначе они срастутся неправильно, и будет очень плохо.

Я огляделся, разыскивая свою шляпу, в отвороте которой всегда имелась пара иголок с толстыми нитками. Но, ни вблизи, ни вдали шляпы не наблюдалось. Наверно, кто-то спёр. Жаль. Пока я озирался по сторонам, первый страж с интересом разглядывал мои пробоины. Я посмотрел на него и запросто сказал:

– Меня зовут Антоном.

– Я слышал.

– А, как твоё имя?

Он немного помялся, покрутил головой, оглядываясь, потом наклонился и тихо сказал:

– Синенмут.

– Послушай, Синенмут, помоги мне перевязать раны.

Он кивнул головой и приблизился. Я уже потянул из аптечки индивидуальный пакет, но тут открылись боковые двери, и в зал вступила процессия.

Полтора десятка вошедших имели своеобразную внешность. Их длинные волосы стягивали широкие красные ленты, а поверх просторных белых рубаш были надеты красные фартуки из блестящего материала. Возглавлял процессию гигант, похожий на хранителя портала, но его одежда также имела бело-красные цвета. Он опирался на белый посох, увенчанный красным камнем.

– Я хранитель жизни Тирапак, – торжественно заявил он, – по воле Повелителя Энки целители всем окажут необходимую помощь.

К каждому из раненых воинов подошли по трое целителей и приступили к делу. Стража со сломанным ребром сразу же увезли на специальной тележке. Двух других воинов посадили на низкие топчаны. На этом мои наблюдения закончились, поскольку три врача вежливо, но настойчиво предложили мне свою помощь.

Не смотря на мои слабые протесты, двое целителей в четыре руки вытряхнули меня из одежды и начали обрабатывать мелкие раны каким-то ароматным жгучим раствором. Затем третий врач, видимо старший в их бригаде, приложил к груди, животу и вискам круглые матовые диски. Через минуту он их снял, внимательно рассмотрел, удивлённо поднял брови и протянул коллегам. Насколько я понял, диагностика дала какой-то неожиданный результат. Целители по очереди изучили диски, пошептались и приступили к лечению.

Сначала они уложили меня на тележку и предложили мне проглотить две круглые капсулы одну зелёного, другую красного цвета. Я проглотил. Затем в открытую рану на плече они положили густое розовое вещество, соединили мышцы и кожу скобками и вставили в рану тонкую пластинку. Прикрыв рану мягким влажным тампоном, врачи зафиксировали всё прозрачной плёнкой. Ладно. Наглухо не зашили, зафиксировали и то хорошо. То же самое они проделали и с разрезом на бедре.

Я уже подумал, что это всё и попытался встать, но старший целитель прижал меня к поверхности, а двое других наложили поверх повязок странные устройства в форме согнутых дугой эллипсов и зафиксировали их специальными скобами. Я сразу же ощутил в области ран приятное тепло и лёгкую вибрацию. Боль исчезла, и появился слабый зуд. Интересно. Нужно уточнить, что это за штуковины.

– Благодарю за помощь, вы сделали всё правильно.

Целители ухмыльнулись, и снисходительно посмотрели на меня сверху вниз.

– Целительство тайное искусство, незнакомец, и ты не можешь знать, правильно мы сделали или нет.

– Ошибаешься, любезный, я давно занимаюсь этим искусством, и излечил не одну тысячу людей.

– Прости, брат целитель, за недоверие и сомнение. Ведь ты не потребуешь за это суда?

– Нет, конечно. Спасибо, друзья.

Старший из целителей улыбнулся уголками рта и кивнул головой, а другие поклонились, и, собрав свои принадлежности, церемонно покинули зал.

Я глазами стал выискивать одежду, но одеться мне не дали. Место целителей немедленно заняли люди в жёлтых одеждах, которые, поддерживая обоих стражей и меня под руки, голяком повели нас в сторону одной из боковых дверей. Пройдя просторным коридором, мы вышли в круглый в плане зал, с бассейном в центре. По периметру вокруг водоёма стояло множество белокаменных кушеток, а вдоль стен располагались глубокие ниши, в которых с разной интенсивностью падали струи воды. Я понял, что это местная баня или зал для омовения.

Подозвав служителя в жёлтом, я указал на свои раны и сказал, что их мочить нельзя. Он удивлённо вскинул глаза, кивнул головой и объяснил, что плёночный пластырь прочно закреплён, и вода ранам не повредит. Он сказал, что знает о наших проблемах и сделает всё как надо. Я завалился на мраморную кушетку и двое «жёлтых» начали обтирать меня разными ароматными растворами и умащивать бальзамами. Я расслабился, и, кажется, даже задремал, и проснулся, когда меня начали протирать сухой тканью. Затем мне предложили одеться в удобную одежду чёрного цвета: набедренную повязку, длинную рубаху с рукавами до локтя, мягкие мокасины и кожаный пояс. Как выяснилось позже, меня обрядили в детские одежды. Привыкая к местному облачению, я спросил, где мои вещи. И получил ответ, что одежда нуждается в стирке и починке, а все остальные вещи будут предоставлены в полной сохранности. Я поверил, а что ещё оставалось делать.

Как говаривал один известный в прошлом недоброй памяти политик: процесс пошёл, и консенсус найден. Кряхтя, я поднялся с кушетки и тут же увидел стоящих рядом моих давешних противников. Одетые так же, сейчас они отличались от меня только ростом, и, похоже, их очень забавлял мой вид. Улыбаясь, они принялись легонько похлопывать меня по спине и здоровому плечу, не иначе, решили усыновить. Потом они чуть отступили, Синенмут указал на второго воина и сказал:

– Меня ты знаешь, а это мой друг Сагнимут.

– Рад знакомству. Вы очень сильные и умелые воины.

– Ха. Умелые, – ухмыльнулся Сагнимут, – но ты-то нас отделал голыми руками!

Синенмут отмахнулся от друга:

– Хватит тебе. – Затем повернулся ко мне: – Антон, Повелитель Энки приказал проводить тебя в дом стражи и дать место для отдыха. Но и мы сами хотели пригласить тебя пойти с нами и быть нашим гостем. Просим тебя.

Я пригляделся к открытым лицам своих «крестников» и понял, что в их кампании мне ничего не грозит. Немного поразмыслив, я принял их предложение. Вы спросите, какого лешего я рисковал здоровьем, отправляясь к чёрту в зубы? Во-первых, я итак уже там находился. Во-вторых, выбирать мне не приходилось, а в-третьих, до визита к Энки оставалась уйма времени, и надо было его как-то убить. Раны не тревожили, и я подумал, почему бы не посмотреть, как и где обитают лучшие воины этой страны, что могло дать уйму полезной информации. К тому же в данной ситуации трепыхаться и выёживаться не имело никакого смысла.

Миновав коридор и затенённый пустой зал, мы распахнули большую, обитую медью дверь местной казармы, названной Синенмутом домом стражи. Это просторное помещение имело довольно затейливый интерьер и расцветку разных оттенков белого, жёлтого и зелёного.

Десятки поперечных арок образовывали в центре длинный проход, и эти же арки делили пространство вдоль стен на открытые отсеки. Каждый из этих отсеков освещался узким высоким окном, под которым находился полукруглый каменный выступ с двумя нишами. Все отсеки не отличались разнообразием: у правой стенки стояла невысокая кушетка с матрасом и пологом, а другая стенка сплошь состояла из ниш разной высоты и размера. Там хранились личные вещи и оружие, какие-то устройства и одежда.

В отсеках у входа размещались кладовка, кухня со сложным очагом и полками с посудой, и два склада. В конце центрального прохода всю стену занимали стеллажи с оружием, ровные ряды копий, на подставках лежали разные клинки, висели большие и малые круглые щиты. Отдельно находились доспехи и шлемы. В углах возвышались два огромных блестящих металлических цилиндра, в которых помаргивали какие-то светящиеся индикаторы. К этим цилиндрам примыкали узкие столики с ровными ямками и прорезями, под ними находились какие-то ящики тоже со светящимися индикаторами.

Половину длины центрального прохода занимал каменный стол. Сейчас около него столпилось два десятка стражей в лёгкой одежде без доспехов и оружия. Четверо из них сидели за столом и, перебивая друг друга, оживлённо говорили. Другие великаны сгрудились вокруг и внимательно слушали. На краях стола теснились сдвинутые в кучу чаши, кубки, большие сферические сосуды с узкими горлышками, корзины с фруктами. В центре лежала моя шляпа-афганка. Как только мы переступили порог, обитатели казармы, как по команде замолчали, разом повернулись в нашу сторону и замерли. Только один выскочил вперёд, отшвырнув ногой табурет, и с налитыми кровью глазами заревел:

– Синенмут, хвост дохлой обезьяны! Ты кого привёл!? Этот урод покалечил моего брата!

Синенмут широко расставил ноги, подбоченился и громко, но спокойно ответил:

– Попридержи язык, Гирсумут, не то онемеешь раньше срока. Считай, что я не слышал, как ты меня назвал. Или ты настаиваешь?

– Нет, извини. Но...

– Знакомьтесь. Это Антон. По-нашему АН-ТИ-АН-НИ. Уловили?

– Да. Но...

– Подробности боя вы знаете. Против него билась вся моя семёрка. Антон нас здорово отлупил и получил две серьёзные раны, но потом оказал нам помощь. В том числе и твоему брату Гирсумут. Он великий воин и добрый игиг, или кто он там ещё. Я ручаюсь за него, и потому пригласил к нам. После заката солнца его ждёт Повелитель Энки, приказавший предоставить Антону место в нашем доме. Поэтому он наш гость. Или кто-то возражает?

По казарме прошелестел шёпот, и воины расступились. С двух сторон Синенмут и Сагнимут подтолкнули меня к столу, и, нажав на плечи, посадили на круглый табурет. Рассчитанное на более чем трёхметровых гигантов сиденье позволяло мне сидеть на краешке, едва доставая ногами до пола. При этом мой подбородок оказался чуть выше столешницы. Глядя на это потешное зрелище, многие гиганты заулыбались, а некоторые в голос захохотали. Лёд начал таять. Один за другим все воины приблизились, и я уловил на себе целый спектр взглядов, от равнодушных до любопытных, от злобных до доброжелательных. Поистине, я ощущал себя Гулливером в стране великанов. Не желая становиться посмешищем, я встал, и моя голова оказалась почти на одном уровне с сидящими. Обведя всех взглядом, я совершенно искренне сказал:

– Достопочтенные воины и стражи. Я не хотел никому причинить боли и зла. Но поскольку я очень не люблю, когда в меня тычут копьями, и предпочитаю быть здоровым и весёлым, чем дохлым и несчастным, то мне пришлось защищаться. Я уже объяснился с Синенмутом и Сагнимутом, и мы примирились.

Воины одобрительно загудели и закивали головами, лишь сидящий в конце стола Гирсумт продолжал глядеть на меня исподлобья, откровенно демонстрируя враждебность. Синенмут поднял руку и громко сказал:

– Я лично гарантировал Антону полную безопасность. Он любезно принял приглашение и со своей стороны обещал поделиться с нами своим искусством боя. Или кому-то это неинтересно?

Воины опять оживлённо загалдели и ещё плотнее окружили стол. Я видел, что, в принципе, они нормальные молодые мужики, полные сил, азарта и здоровых амбиций. Однако моё никудышное состояние, пока исключало любые физические, а тем более боевые нагрузки. Не желая опозориться и превратить наше общение в фарс, я указал воинам на прикреплённые поверх пластырей биорезонаторы и развёл руками. Я пообещал провести мастер-класс на другой день, а сегодня предложил познакомиться и поговорить о том, о сём.

– Скажите, каким оружием вы владеете? Мне это нужно знать, чтобы дать вам советы сегодня, и кое-какие навыки завтра?

– То оружие, что ты видел – ответил за всех Синенмут, – ритуальное для сопровождения Повелителя Энки: копья, короткие тесаки, двойные топоры, круглые щиты. Но в арсеналах хранится мощное оружие дальнего боя.

– Скажите, как вы воюете: плотным строем, рассыпным или отрядным?

– Мы не воюем. Слава Повелителю Энки, в нашем мире нет войн, а служба наша связана с охраной, караулом и сопровождением. Отряд стражей-лахамов состоит из четырёх семёрок, которые каждые 180 делений круга (12 часов) сменяют предыдущих и находятся неотлучно при Повелителе Энки.

Я выслушал его и поморщился, почувствовав противоречие. То ли мои новые знакомые сильно ошибались, то ли их здорово запутали.

– Друзья, мне кажется, вы заблуждаетесь. Насколько я понял, ваше общество управляется избранными кланами, в которых властвуют Повелители. Так? Но по законам социума любая власть порождает неравенство и насилие. Воплощением насилия является оружие, предназначенное для охраны власти и уничтожения её врагов. Смысл существования любого оружия – кровопролитие, и рано или поздно оно обязательно проливает кровь. И если вам до сих пор удавалось избегать войн, то это не значит, что их не будет никогда. Вы напрасно убедили себя в условности вашего оружия и в спокойствии вашей работы. Как показал сегодняшний день, судьба в любой момент может поставить вас лицом к лицу с вооружённым противником. И мне думается, нет более позорного и печального зрелища, чем неумелый воин в бою. И коли уж вы избрали воинский труд, то должны уметь побеждать. Иначе позор народу, который вы не сможете защитить.

Стражи внимательно слушали меня с широко раскрытыми глазами, и я чувствовал, что мои слова зацепили в них нечто сокровенное. И, когда я закончил, они вскочили и дружно в двадцать глоток проревели:

– Ар-ра!

Я чуть не оглох и, закрыв уши руками, ошеломлённо снизу вверх оглядел толпу великанов. Желая прогнать ощущение нереальности происходящего, я сильно ущипнул себя за руку и сморщился от боли, убедившись, что не сплю и не брежу. Я осторожно выбрался из толпы, поискал глазами Синенмута, нашёл и махнул ему рукой. Он подошёл, и я тихо, но твёрдо потребовал:

– Я хотел бы вернуть свой клинок Баалат.

Синенмут сморщил лоб, потом слегка побледнел, и в его глазах я увидел неподдельное волнение. Он отвёл меня в ближайший отсек, наклонился и тихо переспросил:

– Ты сказал БА-ЕЛ-ЛА-ТИ?

– Ну, да, Баалат. А, что?

– А, то, что это имя означает «вершитель суда Повелителя».

– Повелителя Энки?

– Вовсе, нет, – он оглянулся и перешёл на шёпот: – Твой клинок принадлежит Господу Энлилю, Наместнику Неба, Повелителю Ниппура, главе клана Элиотов. Это один из его личных символов власти, который иногда называют «небесный меч».

– Странно. Его мне вручили хранители в моём мире, и он меня признал.

– Надо срочно доложить Повелителю Энки! – продолжал шептать Синенмут.

Я быстро прикинул ситуацию к носу и спокойно возразил:

– Не нужно. Повелитель отлично разглядел клинок во время боя и оставил его мне, забрав иные знаки власти. Наверно это неспроста?

А про себя подумал: «Наверно, поэтому Энки и упомянул меня, как шпиона Энлиля. Вот и попробуй теперь отвертеться».

– Хорошо, сейчас я схожу к хранителю дворца, – сказал Синенмут и поспешил на выход. Через четверть часа он вернулся, бережно держа обмотанные ремнём ножны с мечом. Чтобы не привлекать внимание других стражей, он мотнул головой, приглашая меня в оружейку. Прежде чем отдать меч, Синенмут внимательно разглядел рукоять и гарду, не решаясь притронуться. Но его просящий взгляд был красноречивее любых слов, и я, широко улыбаясь, разрешающе кивнул головой. Синенмут медленно с лёгким шелестом вытянул клинок из ножен, вытянул руку вперёд и пару раз взмахнул перед собой. В его огромных ручищах полтораметровый меч выглядел лёгкой шпагой, однако могучий страж держал его очень осторожно. Он сосредоточился, немного подумал и задумчиво сказал:

– Очень необычное оружие. Чувствую в нём огромную силу и... недовольство. Он явно не признаёт меня и сопротивляется. Станный клинок, лёгкий и, наверно, очень острый, если смог отсечь наконечники четырёх копий.

Он чуть коснулся острия и тут же отдёргнул палец, окрасившийся кровью. Синенмут с удивлением посмотрел на меня, а я пожал плечами, осторожно принял меч и вложил в обтянутые чёрной кожей ножны.

– Очень острый, – сказал Синенмут, глядя на порез, и тут же без перехода спросил: – скажи, Антон, а что означает «хрен тебе, верзила»? Это что, боевая магия?

Я чуть не подавился воздухом, и залился краской, глядя в доверчивые глаза нового знакомого.

– Это долго объяснять, как-нибудь потом расскажу. Так что ты там насчёт остроты клинка говорил?..

Незаметно солнце приблизилось к закату, и я решил привести себя в порядок перед визитом к Повелителю Энки, для чего попросил Синенмута проводить меня в зал для омовений. Там я нашёл слуг в жёлтом, которые вежливо спросили, чего я желаю. Честно говоря, желал я немногого: посетить туалет и побриться. Один из них отвёл меня в кабинку, где я увидел слишком большой для меня унитаз в виде воронки, выточенной из тёмно-серого полированного камня с постоянно текущей водой. Рядом в стенке имелось углубление, в котором снизу вверх била струйка тёплой воды. Ясно. Местный вариант биде. Отлично. Устройство, что надо.

Другой «жёлтый» слуга терпеливо дождался, пока я после визита в кабинку сполоснул руки, усадил меня в кресло с пологой спинкой, смазал мою физиономию каким-то бальзамом, а затем моментально соскрёб отросшую щетину. Я даже испугаться не успел, когда по щекам и горлу несколько раз туда-сюда прошелестела острейшая сталь. Я никогда раньше не брился опасной бритвой, но результат мне очень понравился. Я с удовольствием погладил гладкие щёки и подбородок. Здорово! Не дай бог привыкну, втянусь, отвыкай потом.

Я усмехнулся. По всем приметам, втянуться явно не успею, поскольку после вечернего визита к Энки неизвестно, к чему привыкать придётся, к сервису или застенкам.

Покинув цирюльника, я накинул на плечо португую и опоясался ремнём. Порядок. По моим прикидкам солнце вот-вот скроется за горизонтом, а опаздывать на приём к Правителю опасно и вредно для здоровья. Я припомнил, каким путём меня вели сюда из тронного зала, и через пару минут уже топтался на розовом полу возле красного алтаря и осматривался в ожидании дальнейшего развития событий.

В нетерпеливом ожидании, я ходил туда-сюда по сияющему первозданной чистотой полу, на котором не сохранилось ни малейших следов недавней стычки. Глядя на зеркальную полировку плит, я морщил лоб, задавая сам себе вопросы, в ответах на которые, возможно и крылся смысл моего пребывания в этом мире.

А скажи-ка, Антон, с какой стати ты рискуешь своей и без того короткой жизнью ради сомнительных и непонятных целей? Готов ли ты стать жертвой ради непонятно чего? Нужна ли вообще такая жертва? Раньше об этом не думал, а теперь вдруг понял, что смерть, походя, вместе с человеком бесследно уничтожает и весь его мир, и обычно никто этой катастрофы не замечает. Жизнь продолжается, и никому нет дела до мучений осиротевшей души. Вот здесь совсем недавно несколько жизней висели на волоске, и на забрызганном кровью полу лежали раненные тела, а сейчас, как ни в чём не бывало, зал сияет стерильной чистотой. Скажи, Антон, в чём заключалась философская или историческая необходимость той жестокой драки?

Я прикрыл глаза, вспоминая утренние события, и пришёл к выводу, что некий скрытый смысл в них всё-таки имелся. Даже такой ничтожный эпизод, что-то сместил в узоре событий. На микрон, но сместил. Как там говаривали предки? Ладно писано в бумаге... да, не вырубишь топором. Ха-ха-ха.

Негромкий звук вернул меня к действительности. Из боковой двери вышел сановник в тёмно-красной тунике, чем-то похожий на хранителя портала, только немного старше. Его голову украшала чёрная повязка с золотой бляхой посередине, такой же пояс стягивал его торс, а в руках он сжимал чёрный посох с красным навершием.

– Я хранитель порядка Латипак. Пришелец по имени АН-ТИ-АН-НИ следуй за мной. Повелитель Энки примет тебя.

Я насторожился. Он назвал меня неблагозвучным местным прозвищем. Что это – недовольство властей? Скрытая угроза? Сановник повернулся и чинно проследовал во внутреннюю галерею. Я отправился за ним и вскоре оказался перед портиком, в глубине которого поблёскивала металлом двустворчатая дверь. По сторонам стояли стражи в полном вооружении. Я всмотрелся в их лица, но доспехи и шлемы с опущенными полумасками не позволили их узнать.

Хранитель повернулся и потребовал отдать меч. Я напрягся, машинально сделал шаг назад и хотел возразить, но он громко стукнул посохом в пол и строго потребовал повторно. Расстёгивая ремень, я про себя матерился и убеждал себя в законности требования, ведь визиты с оружием к правителям недопустимы во всём мире и во все времена. Всё правильно. Злиться не на что.

Стражи потянули за дверные кольца, и дверь медленно раскрылась. Я вошёл в просторное помещение, окрашенное в разные оттенки белого, лилового и голубого. Внутри у самого входа стояли белые вазоны с живыми цветами, далее в полумраке просматривались детали странного интерьера.

Почти вся левая стена представляла собой причудливую комбинацию многоярусных конструкций, поблёскивающих приборов и сложных устройств. Некоторые аппараты стояли на специальных опорах. В тёмной глубине угадывались две прозрачные колонны и небольшой купол, от которого отходили жгуты шлангов или кабелей. На заднем плане через занавес слабо просвечивался закатным светом арочный выход на балкон.

Вдоль всей правой стены тянулся подиум. В его дальнем конце за многослойным паланкином угадывалось ложе. Примерно посередине место для отдыха застилали циновки изуми-

тельного плетения. На низком столике изящный сосуд с узким горлышком окружали три кубка и ваза с фруктами. На циновках были разбросаны подушки разного размера и формы. Ближе к двери поднималась цветочная рабатка с фонтанчиком воды, стекающей несколькими каскадами и исчезающей в отверстии пола у входа.

В центре зала на круглом возвышении стоял стол, охватывающий полукругом огромное кресло с высокой спинкой. Впрочем, даже на первый взгляд, это сиденье больше походило на ложемент космонавта со встроенными в подлокотники непонятными приборами и пультами. Поверхность стола снизу не просматривалась, но я заметил, что она подсвечивалась, и на ней лежали какие-то предметы. Скрытый наверху источник света освещал середину зала. За пределами центрального возвышения царил полумрак, в котором поблёскивали приборы и доспехи стражей. К моему удивлению, в помещении было довольно свежо.

В кресле в простой чёрной тунике сидел Повелитель Энки. Его скипетр лежал на краю стола, и только пектораль и браслет занимали свои места. Плечи Энки укрывала длинная чёрная мантия из мягкого материала. Привалюсь на левый подлокотник, он задумчиво смотрел прямо перед собой, но едва я вошёл, он распрямился и вскинул голову. По знаку Энки сановник положил мой меч на край стола, поклонился и вышел из помещения.

Честно говоря, я не знал, как себя вести. Неопределённость моего положения мешала сосредоточиться, но при этом я твёрдо решил отказаться от всяких поклонов, расшаркиваний, лобызания рук и ног и прочей ритуальной дребедени. Глаза Энки полыхнули синим пламенем. Безусловно, он был отличным психологом и физиономистом, кое-что ему подсказали пектораль и моя произвольная мимика, и, видимо, уловив суть моих мыслей, он ухмыльнулся краешками губ.

– Садись, – он указал на один из двух кубических табуретов, находящихся по другую сторону стола, – разговор будет долгим.

– Я догадываюсь, – сказал я, запрыгивая на возвышение и усаживаясь на указанное место. Кое-как устроившись на слишком высоком для меня сидении, я, наконец, увидел, что разглядывал на столе Энки. Прямо перед ним лежали мои вещи: часы, компас, шведский нож, фотокамера в герметичном футляре, фонарик, пачка зажигалок и кошелёк с рыболовной снастью. Я лишний раз похвалил себя за то, что избавился от шоколада и сухарей, которые после всех событий сейчас бы выглядели, как очень подозрительная на вид масса. Молодец, Антошка, голова садовая... э-э, то есть светлая. Мои размышления прервал низкий голос Энки:

– Стиль твоей речи необычен, но транслингвер объясняет смысл, и мне интересны твои мыслепостроения. Так кто же ты, Антон?

– Я же говорил...

– Не то. После некоторых размышлений, я пришёл к выводу, что ты из другого времени и принадлежишь иной расе. Я изучил твои вещи, кое-что понял, но далеко не всё. Чтобы прояснить ситуацию, рассказывай обо всём, что считаешь важным.

Отлично! Я давно стирал от нетерпения узнать, куда меня угораздило, и, похоже, сейчас мне предоставлялась уникальная возможность это выяснить. Однако, ни на секунду не забывая, кто сидит передо мной, я решил говорить взвешенно и начал издалека:

– Я житель планеты Земля, что третья по счёту в Солнечной системе.

Энки кивнул:

– Это та же планета, мы называем её КИ, а светило АБСУ. Впрочем, так же, как страну, где мы сейчас находимся. Говори дальше.

– Я живу в 2012 году по нашему летоисчислению.

– Для меня это ничего не значит. Нужно сопоставить времена. Сейчас ты увидишь карту звёздного неба, начиная с этого момента, затем она будет меняться с шагом в тысячу лет. Смотри внимательно, и, когда узнаешь соотношения светил, скажи мне.

Свет погас, и на своде потолка появилось изображение звёздного неба. Я небольшой знаток астрономии, но конфигурацию зодиака и десятка наиболее известных созвездий знаю неплохо. Я внимательно вглядывался в мерцающую картину и не узнавал её, и только светлая тропинка млечного пути говорила, что всё-таки это небо Земли. Через пять секунд положение звёзд немного сместилось. Опять сместилось. Опять. Так прошло около четверти часа. Энки терпеливо ждал, а я уже сбился со счёта и нервно тёр слезящиеся от напряжения глаза, когда начал узнавать созвездия. С каждым разом небесная карта начала приближаться к привычному для меня виду. Я оживился, а Энки насторожился. Вскоре картина стала мне знакомой, а последующее смещение опять её слегка изменило.

– Повелитель, прикажи вернуть предыдущее небо.

– Узнаёшь?

– Да, это моё небо.

Вспыхнул свет. От неожиданности я зажмурился, а, когда открыл глаза, то увидел, что пальцы Энки скользят по поверхности стола. Затем он поднял глаза и сказал:

– Ты находишься на той же планете в районе экватора за 178 тысяч оборотов светила до твоего времени.

Слава богу, что я уже сидел, потому что в ногах появилась предательская слабость. Подумать только! 176 тысячелетие до новой эры. Экватор... Африка. Насколько я знаю, в то время на планете обитали только питекантропы, или гомо эректус – обезьянолюди прямоходящие. Большие каменные рубила-чопперы, костяные или деревянные дубины, сырое мясо, корешки и дикие плоды в пищу, вот уровень людей того времени.

Я растерянно оглядывал грандиозную резиденцию Повелителя Энки, напичканную фантастической аппаратурой, и с каждой секундой мысли мои разбегались всё дальше. Общая картина начала размываться, а события утрачивать связь. Ситуация абсолютно не состыковывалась с моими представлениями об истории Земли.

– Дозволь спросить, Повелитель.

– Говори.

– Я видел ваши удивительные дворцы и чудесное оборудование, говорящие о высочайшем уровне развития вашей цивилизации. Но, по мнению наших учёных в то время, которое ты назвал, обитали только дикие существа, пользующиеся камнями и пожирающие сырое мясо. Не обессудь и прости за эти слова.

Энки усмехнулся и ответил:

– Ваши хранители знаний не ошиблись. В лесах и саваннах полно этих тварей и порой они нам сильно докучают, воруя урожай с плантаций и садов. Но ведь ты хотел спросить не о том.

– Да, Повелитель. Я хотел спросить: кто вы, и почему вас нет в моём времени?

– О твоём времени не могу ничего знать. А, чтобы ты понял, с кем и с чем столкнулся, скажу, что наша прародина находится ближе к центру галактики у другого светила. Смотри, – он указал на звёздное небо, на котором замигала большая голубая звезда. Я узнал Сириус в созвездии Большого Пса. Энки продолжил:

– Я старший сын и наследник императора Ану, а мои личные владения находятся вот здесь, – он указал на альфу Ориона, известную астрономам, как Ригел. – Однажды на моей родной планете произошёл мятеж, и разразилась страшная война. Планета погибла, но война продолжалась. В бескрайней пустоте произошла последняя битва космических флотов империи и мятежников. В том сражении мы победили, но наш корабль получил серьёзные повреждения. Среди трофеев мы обнаружили секретные данные, что на векторе нашего дрейфа находится планетная система Жёлтой звезды. Добравшись до этой системы, мы разместили рейдер на одном из спутников Красной планеты, на которой мой отец Ану устроил свою резиденцию. Затем император повелел мне и шестерым моим братьям освоить Землю и построить здесь

новую родину. Семь отрядов по пять тысяч колонистов высадились на дикой планете. Это было двадцать восемь тысяч оборотов светила назад. Ты что-то хочешь спросить?

– Прости, Повелитель. Но я потрясён. Жизнь человека длится меньше ста лет, а ты говоришь о тысячах! Скажи, как велика ваша жизнь?

– Кому, как повезёт, – усмехнулся Энки, – предел 120 сар. Это наша единица времени, равная 3600 здешним годам.

У меня глаза полезли на лоб. Они могут жить более 400 тысяч лет!! Не верить Энки я не мог, но человеческие мерки, здравый смысл и логика кричали: этого не может быть!! Не понимая причины моего потрясения, Энки продолжал:

– Я говорю о членах имперского клана, которые пользуются специальными средствами и услугами целителей, иные живут намного меньше, примерно 70 – 80 сар. Итак, семь сыновей Ану, названных Ануннаками (АН-НУ-НА-КИ «небесные повелители, сошедшие на Землю»), а также семь его дочерей получили от императора право на личные территории. У меня несколько владений. Здешние называются Абсу и лежат вокруг этого озера Эа. Моя резиденция и дворец, в котором мы находимся, расположены на северной окраине большого озёрного острова, называемого Тильмун. На южной окраине этого же острова находится дворец моей младшей сестры Нин. Каждый из Ануннаков получил от отца знаки власти, подобные тем, что ты посмел присвоить. Помимо них каждый из нас получил личный знак. Мой – тиара. А это, – он указал на меч Баалат, – личный знак моего брата Энлиля. Ты понимаешь. Л-и-ч-н-ы-й!

– Значит, по незнанию я использовал чужие знаки власти. Сожалею. Однако чьи же они?

– О том тебе знать не нужно. Твоё появление полно противоречий. Даже я не понимаю, к какой расе ты принадлежишь. Но, судя по облику и продолжительности жизни, ты дитя этой планеты. А теперь подумай вот о чём. С твоих слов, ты прибыл с севера, где находятся владения моих братьев Коя, Иапета и Крату. Однако порталы там либо ещё строятся, либо пока не активированы, а тот, чьи знаки власти ты использовал, никогда там не бывал. Ты неизвестно кто, и прибыл путём Ануннаков неизвестно откуда, имея знак моего заклятого соперника. Как тебе такая комбинация фактов? Что скажешь?

Я пожал плечами и прямо посмотрел Энки в глаза. Его желваки напряглись, он сощурил веки и мрачно продолжил:

– Сейчас наступили плохие времена. Недавно мои потомки из разных семей в борьбе за первенство затеяли жестокий спор и пролили кровь. Чтоб их разнять, я пригласил здешних моих потомков в Тильмун и посадил под домашний арест, но их мать, моя сестра Нин приняла это за угрозу их жизни и в отместку отравила меня. Я едва не погиб, но отец убедил Нин по частям дать мне противоядие в обмен на её детей. Когда через год конфликт разрешился, я поправился и вернулся к делам, то обнаружил, что политическая обстановка необратимо изменилась. Мой отец император, усомнившись, что я выживу, передал право наследования и корону первенства моему младшему брату Элу, получившему титул ЭН-ИЛ-ИЛ («повелитель всех повелителей»). В результате того переворота, меня отстранили от государственных дел и фактически отправили в изгнание на этот остров. Отлично понимая, что возвышение коварного и властолюбивого Энлиля и его клана Элиотов может разрушить сложившийся миропорядок, я решил сплотить Ануннаков, для чего начал строить систему пространственно-временных порталов, размещённых во всех резиденциях, а также на важнейших базах. В данный момент система ещё строится и не соединена в общий контур, а реально взаимодействуют только два портала у меня и в столице. Улавливаешь? Только два. Но при этом ты утверждаешь, что прибыл с севера и из будущего.

Энки явно мне не доверял и подозревал в чём-то нехорошем. Я понятия не имел, что у них здесь творится, но печёнокой чувствовал, что дело принимает для меня весьма нежелательный оборот. Дальше молчать было опасно, надо что-то говорить, что я и сделал:

– Дозволь сказать, Повелитель.

– Говори.

– В моём времени о порталах ничего не известно, а тем более о единой системе пространственно-временного переноса. По сведениям наших учёных, страшные всепланетные катаклизмы разрушили весь древнейший мир, и едва не уничтожили саму Землю. Могу предположить, что после глобальных потрясений сохранились лишь некоторые порталы, которые работают сами по себе, и, вероятно, они жёстко запрограммированы и нацелены во времени и пространстве.

– Интересная идея. Нужно её обдумать. Возможно, ты прав. Но, как известно, случайного в мире ничего не бывает. Поэтому, чтобы пролить свет на твоё появление, ответь, что в ваше время известно о нас и о нашем мире?

– Почти ничего. Сохранились лишь обрывки мифов. Наши далёкие предшественники считали Ануннаков богами древнейшего мира. То есть по их представлениям вы – мистические сверхъестественные существа, податели судьбы и повелители сил природы. В обычной жизни в наше время никто никого подобных вам не видел.

– Кто из разумных существ живёт на планете в ваше время?

– Из разумных – только люди или человеки. Нас более 7 миллиардов и других разумных рас мы не знаем.

– Что известно о вашем происхождении и о прошлом?

– Наша история неясна и запутана. О происхождении давно и безрезультатно спорят учёные, философы и жрецы, и до сих пор они не пришли к соглашению. Некоторые считают нас потомками тех дикарей, о которых мы говорили, другие утверждают, что людей создали высшие существа – боги. Видимо, речь идёт о вас. Более-менее достоверные сведения о нашем прошлом охватывают всего последние 4 – 5 тысяч лет. А о прежних временах историки косвенно судят по скудным записям недавних веков и по найденным под землёй вещам и останкам.

– О каких планетарных потрясениях за 200 тысяч лет достоверно известно вашим хранителям знаний?

– Потрясений было великое множество. Из всепланетных нужно отметить всеобщее оледенение северного полушария. Подобные катастрофы бывали прежде, а последнее началось около 100 тысяч лет до моего времени. Все полярные и приполярные районы накопили огромные массы снега и льда. Высотой в полтысячи вашего роста ледник несколько раз наступал и отступал, и исчез примерно в 13 тысячелетии до моего времени. Тогда планета перенесла какой-то жуткий катаклизм, почти уничтоживший всё живое на поверхности.

Энки задумался и долго сидел с закрытыми глазами, и я даже подумал, что он заснул. Но он приподнял глаза, и внимательно взгляделся в меня.

– Ситуация во многом противоречит причинно-следственным связям. Необходимо сопоставить множество доводов, но уже сейчас мне понятно, что сейчас история достигла точки раздвоения, а твоё появление может оказаться неким фактором влияния. Пока я не знаю, чего в тебе больше для нашего мира зла или добра, смертельной опасности или жизненной необходимости. И я ещё не решил, что лучше, немедленно убить тебя или беречь, как свои глаза. Ты вещь в себе, а я не люблю неясностей. Поэтому до выяснения обстоятельств ты будешь моим... гостем. Нужно всё осмыслить и рассчитать. И вот ещё что. Не вздумай наделять глупостей. Я вижу, тебя переполняют эмоции. Успокойся. Выпей вина. Жди здесь, – он окинул меня холодным взглядом, и в сопровождении трёх стражей скрылся в глубине зала.

Я был ошеломлён последним монологом Энки и свалившейся на меня информацией. С одной стороны, любопытство удовлетворено и получен ответ на вопрос «где я оказался?». С другой стороны, откровенное пренебрежение и почти враждебная позиция Энки не добавили мне хорошего настроения. По всему видно, что он – деспот, и не будет долго думать казнить или миловать. И жестоко ошибся бы тот, кто посчитал бы, что облечённому властью просвещённому мудрецу чужды замашки изощённого тирана. Энки – себе на уме, убеждать его бес-

полезно, и мои объяснения его не интересуют. Глупо мочиться против ветра, но ещё глупее ждать от деспота понимания любой иной правды, кроме его собственной.

От этих мыслей навалились усталость и безразличие. Да, пошли они все пешком на все буквы сразу. Деваться мне тут некуда, свои мысли я Энки в голову не вложу, ему и от своих деваться некуда. Пусть пока всё идёт своим чередом, а там видно будет.

В желании утолить жажду я машинально набулькал из сосуда в кубок тёмно-красной ароматной жидкости, оказавшейся виноградным вином, и залпом осушил около полулитра. Отличное полусладкое вино с изумительным букетом утолило и жажду, и голод.

Я опять наполнил кубок и повернулся к дверям, где по-прежнему неподвижно стояли два стража. Стоять, то они стояли, но явно таращились на меня. Медленно, смакуя и растягивая удовольствие, я выпил второй кубок необыкновенного божественного напитка. Ничего подобного я никогда не пробовал. Настроение моё заметно улучшилось, и я третий раз наполнил кубок. Когда вино начало действовать, ситуация показалась не такой уж и простой, а ещё проще! А и в самом деле, за каким болтом я тут оправдываюсь? Тоже мне, Повелители доисторические! Пусть Энки думает, что угодно, но я сам буду решать, что мне делать.

Я потягивал вино и посматривал на стражей, которые подняли вверх полумаски, в упор смотрели на меня и болезненно морщились. Когда я допил третью чашу, настроение моё стало просто замечательным, а перспектива показалась радужной. Я наполнил кубок снова, вытряхнув из кувшина последние капли и, насвистывая попури Биттлз, направился к воинам поболтать о том, о сём. Оба стража, широко улыбнувшись, стукнули копьями по полу. Но именно в этот момент вошёл Энки и, строго посмотрев на охрану, повернулся ко мне. Я поднял в приветствии кубок и восторженно похвалил напиток, используя только превосходную степень. Удивлённо глядя на меня, Энки подошёл к столику, заглянул в пустой кувшин, перевернул, и его брови полезли на лоб. Затем он развернул меня к свету и всмотрелся в глаза.

– Как ты себя чувствуешь?

Я пожал плечами, допил вино, обернулся, поставил кубок на столик и довольно нахально поблагодарил:

– Отлично. Благодарю за угощение. Теперь я готов к любому твоему решению, но предупреждаю, что не потерплю никакого насилия.

Явно чем-то удивлённый Энки усмехнулся, и весело проговорил:

– Сегодня говорить с тобой бесполезно, продолжим завтра. Меня ждут дела, а тебя проводят стражи. – Хмыкая и качая головой, он повернулся и ушёл в сопровождении трёх телохранителей, махнув двум стражам у дверей.

Оба охранника вышли из помещения, я – медленно следом, и сразу за дверями столкнулся с ними и двумя внешними стражами. Сдвинув шлемы на затылок, они встали полукругом. Я вспомнил их имена и поздоровался:

– Привет, Нигирмут, Рахурмут, Лихурмут, Сагнимут. Всем привет. Извините, но от окончания ваших имён у меня чуток заплетается язык. Мут-мут-мут. Что за муть?

Они вчетвером склонились надо мной и развели руки, как бы стараясь удержать от падения.

– «Мут» это почётное звание стражника-лахама. Ты сможешь идти или привести целителей прямо сюда? – заговорщицки оглядываясь, проговорил Сагнимут.

– Конечно, смогу. Зачем целители? Ты о чём?

– Но ты же выпил четыре чаши веселящего напитка!!

– Ну, да. Выпил. Отличное вино. Энки сам предложил. Жаль, что кувшинчик опустел, я бы ещё пригубил.

– И остался бы жив?

– Да. И весел. И пьян. И непременно спросил бы тебя, уважаешь ли ты меня?

– Уважаю, Антон! Ты крепок, как сталь! Обычно мы разводим напиток водой и иначе не пьём. Однажды я выпил на празднике Рождения Солнца две чаши, и меня друзья еле дотащили до казармы. А ты выпил неразбавленного напитка целых четыре чаши и говоришь, как ни в чём не бывало. Никто не поверит!

Оживлённо болтая о всякой всячине, мы добрались до дома стражи. Сказать по правде, два килограмма густого вина всё-таки шарахнули мне в голову, и, облегчившись в туалете, я завалился на свободный топчан, который мне предоставили добрые хозяева. Однако заснул я не сразу, и несколько раз пытался объяснить ребятам, как здесь оказался. Но дикая усталость от переизбытка эмоций, вино и глубокая ночь сделали своё дело, и погрузили меня в чёрную суспензию сна.

Проснулся я днём, без четверти полдень от дикого сушняка, желания облегчиться и ощущения дряни во рту. В пустой казарме тихо посапывала отдыхающая смена. Я сбегал в туалет, затем вышел в галерею, прополоскал в фонтанчике рот, вылакал литр воды, вернулся в казарму и снова завалился на топчан, пытаясь осмыслить возникшую ситуёвину.

Для начала я мысленно себя отругал, за то, что вчера наклюкался. Но подумав, решил, что надрался не особо сильно, бывало и хуже. Я придирчиво оценил своё состояние и признал его вполне пристойным: голова светлая, тяжести нет, органы и системы работают исправно. С другой стороны, после всех вчерашних событий не выпить хорошего вина, имея такую возможность, было бы ещё большим идиотизмом. Короче говоря, пока ситуация укладывалась в границы здравого смысла и обстоятельств.

Я встал с топчана, потянулся, пожевал фруктов, лежащих грудой на столе, ещё раз сбегал в туалет и побрёл в зал, где меня вчера перевязывали целители. Уже по пути вдруг сообразил, что вчерашние раны меня совсем не беспокоят, что само по себе было непонятно и удивительно.

В большом светлом помещении местной амбулатории меня встретил эскулап в бело-красных одеждах. Без особых разговоров он уложил меня на кушетку, снял биорезонаторы, отлепил пластырь и тампоны. Я не поверил глазам, когда на месте вчерашних ран увидел тонкие красноватые рубцы. Целитель уверенно и ловко снял скобки, обработал кожу и наложил новые пластыри, предупредив, чтобы я обязательно снял их на ночь.

Под сильнейшим впечатлением от достижений местной медицины, я направился в тренировочный зал, называемый воинами Пакрамом, в то самое помещение, мимо которого мы вчера прошли в дом стражи.

Вчера вечерние потёмки скрыли внутреннее убранство зала, а сейчас его буквально заливал солнечный свет. Вдоль стен стояли два десятка деревянных топчанов. У дальней глухой стены громоздилось разное снаряжение: вытесанные из брёвен фигуры для отработки копейных ударов, семь измочаленных дощатых мишеней, стеллажи с учебными копьями и тренировочными мечами. В углу грудой валялись камни разной формы и веса.

Полтора десятка одетых в набедренные повязки воинов занимались атлетикой каждый по своему усмотрению.

Когда я вошёл, они остановились и шумно меня окружили. От вида склонившихся надо мной голых трехметровых гигантов, по спине пробежали мурашки, и возникло желание свалить куда-нибудь подальше. Однако на их физиономиях читалось неподдельное уважение и любопытство. Я быстро освоился, и остатки моей неуверенности, вскоре растаяли как весенний снег. Ко мне протиснулся Синенмут:

– Мы ждали тебя, Антон. Ты в порядке?

Я кивнул головой, и попросил их продолжить занятия. Синенмут обернулся и весело заорал:

– Эй вы, бездельники, а ну-ка покажите, на что способны.

Бойцы дружно заржали, разбились на пары и начали азартно лупить друг друга. Минут десять я наблюдал за бестолковыми поединками, и потом громко крикнул:

– Стоп! Друзья мои, подойдите, я хочу вам кое-что сказать.

Рассадив гигантов на топчаны, я встал с ними на один уровень и на секунду задумался. Прикиньте, мне предстояло заделаться наставником тех, кого в моём мире люди называли богами. Это трудно понять и невозможно представить. К тому же в качестве наставника я, вообще, выступал впервые. Конечно, третье посвящение и уроки дедов до макушки накачали меня боевыми навыками, но реально я впервые сражался только вчера. С другой стороны, тот бой показал, что кое-что я всё-таки умею. Наспех поправив «съехавшую крышу», я начал говорить.

Безо всяких мудрствований, свой мастер-класс я начал с того, что терпеливо объяснил основные правила боя, накрепко вколотенные в меня дядькой Николаем и дедами. Около полу-часа в зале стояла полная тишина. От буйного веселья не осталось и следа, воины внимательно и сосредоточенно вслушивались в мои слова.

– Война и борьба с оружием или без него – серьёзное и в высшей степени ответственное занятие. Главное в этом деле терпение, здравый смысл и тяжёлый труд. Однако не следует загонять себя в угол какими-либо строгими правилами борьбы. Любой бой – это свободное подсознательное действие, главная цель и итог которого – победа и сохранение собственной жизни. Теперь о вас. Вы очень большие, поэтому некоторые приёмы борьбы рукопашного боя вам не подойдут. Например, у вас не получатся удары ногами в прыжке. Поэтому вам нужно отрабатывать блоки, броски, захваты, удары руками и ногами с места, в том числе с разворота и подката.

– Ногами бить нельзя, – тихо сказал кто-то.

– Почему нельзя?

– Ноги для ходьбы и бега.

– Если вы хотите победить и выжить, бить можно и нужно, чем угодно: оружием, руками, ногами, головой, и, извините, задницей.

Воины дружно заржали.

– Также запомните, что в смертельном бою запретных мест нет. Разите врага в шею, живот, промежность, рот, глаза. Не сомневайтесь и не жалейте. Бой – это отвратительное безумие, но раз он начался, то либо вы побеждаете, либо вас уничтожат.

Как Вы уже поняли, я терпеть не могу нравоучения и всякого рода нотации, но должен был всё это сказать, тем более что ребята восприняли мои слова, как должное.

Они имели немалый опыт, и моментально схватывали мои наставления на лету. Буквально после нескольких часов занятий почти все уже неплохо исполняли основные приёмы. Очередная смена караула покинула зал пораньше, а остальные азартно тренировались до сумерек.

Когда мы закончили тренировку, я не знал, чего хочу больше, принять душ или есть. Жрать хотелось ужасно. Однако по заведённому правилу мы сперва всей толпой отправились в зал для омовений. Гиганты, не спеша, приводили себя в порядок, и, не смотря на голод, мне пришлось сделать вид, что тоже не тороплюсь.

Поток тёплой воды быстро смыл накопившуюся усталость. Повернувшись к стене, я расслабился и от удовольствия закрыл глаза, но лучше бы я этого не делал.

Удар по затылку швырнул меня вперёд. Я врезался головой в каменную стену, перед глазами сверкнула вспышка и на этом воспоминания о том дне закончились...

Глава 8

Я очнулся от невыносимой головной боли и приступа тошноты. Потом около часа меня выворачивало насухо, и пустой желудок скрутился мучительной судорогой от частой рвоты. Запредельным усилием воли я заставил себя успокоиться и прикрыл веки. Но тут же мир закачался, закружился, и к горлу опять подкатил противный комок. Я поспешил распахнуть глаза, хватая воздух широко открытым ртом.

Немного погодя головокружение и тошнота чуть притухли, что позволило мне сосредоточиться и разглядеть гладкие белые стены и ажурный свод. Надо мной склонились трое в бело-красных одеждах и что-то делали с моей головой. Постепенно тошнота и головная боль стали стихать, но в целом состояние оставалось препохабным. Вспомнив последние мгновения перед тем, как в глазах погас свет, я понял, что заполучил сильнейшее сотрясение. «Лишь бы башку не проломили», – вяло шевельнулась мысль и исчезла в болезненной пульсации.

Мои страдания разнообразил громкий мелодичный звук, раздавшийся в голове набатом, от которого под черепом колыхнулась новая волна тошнотворной боли. Я сморщился, сдерживая рвоту, но когда увидел склонившегося надо мной Повелителя Энки, попытался подняться. Он мягко прижал меня рукой к столу, осмотрел, ощупал, кивнул головой и достал свой скипетр. Лопасты «лотоса» закрутились, превратившись в радужный круг, и последнее, что я запомнил – это приятные волны света и тепла, пробегающие по голове и позвоночнику. Измученный всем пережитым, я моментально заснул.

Очнулся я через двое суток и сразу же почувствовал, что здоров. Всё произошедшее накануне показалось дурным сном, однако прикрепленный к голове резонатор и тройка сидящих справа целителей говорили о том, что черепушку мне расшибли вполне наяву. Я приподнялся на локтях, и тут же ко мне метнулись сиделки с одним единственным вопросом в глазах: как?

– Всё нормально. Я здоров.

Целители облегченно вздохнули. И тут я заметил стоящих ко мне спиной двух стражей в полном боевом вооружении. Они тревожно вертели головами, будто ожидали нападения.

Я хотел спустить ноги на пол, но целители в шесть рук начали меня укладывать на ложе. Не понял! В чём дело? Всё объяснили стерегущие меня неразлучные Нигирмут и Рахурмут. Они повернулись, подняли полумаски, пододвинулись поближе и тихо проговорили по очереди.

– Привет, Антон. Остайся на ложе...

– ...иначе Повелитель Энки...

– ...казнит...

– ...целителей.

Я очень не хотел, чтобы из-за меня кого-то казнили. Поэтому, скорчив удивлённую гримасу, я поспешно улёгся на твёрдое ложе и замер. Ладно, как вам угодно.

Ждать пришлось недолго. Раздался знакомый мелодичный звук, и в зал вошёл хмурый Энки в сопровождении охраны. Я поднялся и спустился на пол, попутно удивляясь числу стражей на один квадратный метр. Может – это арест, или ещё что похуже? Вряд ли похуже. Раз спасли, то убить не должны. Во всяком случае, не прикончат сразу.

Уперев руки в бока, Энки навис надо мной, внимательно оглядел, удовлетворённо хмыкнул и жестом отпустил целителей. Затем он отступил на несколько шагов и проговорил:

– Света и тепла тебе, Антон.

– Да, будет твоя власть, сила и слава во веки веков, Повелитель, – ответил я, вспомнив последние слова известной молитвы.

Энки удивлённо поднял брови и ухмыльнулся. Мой ответ ему явно понравился.

– Можешь идти?

– Могу. Ваше лечение меня воскресило.

– Не преувеличивай. Я только немного помог. Собирайся.

Он стоял поодаль и терпеливо ждал, пока я поспешно натягивал тунику, зашнуровывал мокасины и застёгивал пояс. Затем в окружении охраны мы отправились в его апартаменты. Трое стражей встали за спиной Энки, который привычно расположился в своём напичканном электроникой кресле. Повелитель немного задумался и жестом подозвал меня к столу:

– Как ты понимаешь, тебя хотели убить во время купания. Когда ты упал, убийца был готов перерезать тебе глотку, но вот он, – Энки указал на Синенмута, – успел сбить его с ног. Стражей едва удалось удержать от расправы над убийцей. Его имя Гирсумут, – Энки внимательно всмотрелся в моё лицо.

Я вздохнул и кивнул головой.

– Однако тебя это не удивляет. Почему?

– Причина мне понятна. Во время схватки я покалечил его брата... Но, насколько я знаю, Актимут уже поправился. За что убивать?

Энки хлопнул в ладоши и в зал ввели связанного Гирсумута, босого и одетого в длинный серый балахон.

– Свой вопрос ты можешь задать самому убийце.

– Гирсумут, за что? Твой брат жив и здоров. Я заочно с ним примирился, и ты сам мне по нраву. За что?

– Я... не... верил... что... брат... выживет... он у меня... один. Мне сказали... что ты лжец... и шпион... и должен истребить... всю стражу... чтобы убить... Повелителя.

Я развёл руками.

– Ты ошибаешься, Гирсумут! Я считаю вас друзьями, и хочу, чтобы вы стали лучшими воинами планеты, настоящими стражами Повелителя Энки.

Энки хмурил брови и раздувал ноздри, затем махнул рукой и продолжил:

– Удалось выяснить, что на преступление его подтолкнул целитель Ватимес. Он прибыл из Ниппура с приказом шпионить и вредить мне. К сожалению, допрос Ватимеса не закончился. Он успел убить себя ядом. Но стало известно, что ему помогали. Из замка исчез ещё один целитель и двое слуг из зала для омовения. Их ищут. Поставлены под копьё все лахамы, внешняя охрана и стражники взлётной платформы. Все хранители порядка с помощниками днём и ночью разыскивают шпионов. Обстановка напряжённая, и я решил, что ты должен покинуть Тильмун.

Затем Энки указал скипетром на Гирсумута и грозно произнёс:

– А, теперь, Антон, сам назначь ему наказание.

– Повелитель, я убеждён, что он стал жертвой обмана. Прошу пощадить его и отпустить вместе со мной.

– Странно... но, как знаешь... Ты слышал, предатель, за попытку убийства тебя ждёт награда. Ты нёс смерть, а взамен получишь жизнь. Понял ли ты, о чём просит чужеземец?

– Да, Повелитель. Отныне я стану его тенью, поскольку моя жизнь теперь принадлежит ему.

Совсем не желая становиться рабовладельцем, я поднял руку и произнёс:

– Дозволь ответить, Повелитель.

– Говори.

– Я не желаю твоей жизни, Гирсумут. Тебя подло обманули, заманив в западню. Ты по-прежнему свободен, я лишь предлагаю тебе стать моим спутником в предстоящем путешествии.

– Я своих слов не меняю, – угрюмо проговорил Гирсумут, – но... я принимаю всё, что ты сказал.

Энки поднялся и, вскинув скипетр, громко произнёс:

– Быть по сему. Антон, до рассвета ты должен покинуть дворец и остров Тильмун. Цель и направление пути тебе объявит хранитель Латипак, ты его знаешь. Повелеваю взять с собой семь любых стражей из моей охраны и всё что нужно для долгого путешествия, в конце которого тебя будет ждать мой сын Мардук. – Энки махнул поперёк рукой, дав понять, что аудиенция закончена.

Ошеломлённый темпом развития событий я вышел в дверь, и за мной, как серая тень проследовал Гирсумут.

Выбравшись в главную галерею, я остановился между колонн и невольно залюбовался величественной панорамой заката.

На фоне тёмно-синего неба, по потемневшей воде озера медленно скользила пара светлых судёнышек. Солнце из последних сил боролось с наступающей ночью, ярко окрашивая оранжевым светом макушки высоких деревьев и островерхие башни. Но на террасы уже напозли глубокие фиолетовые тени, поглотившие яркие пятна цветников, а погружившийся в сумерки берег замерцал маяковыми огнями.

Зрелище поистине феерическое, но мне было не до восторгов из-за переполнявших голову беспокойных мыслей. Я взирал на прекрасный мир, а сам сквозь зубы бесстыдно материл судьбу, поскольку так и не смог смириться с тем, чтоона, как щенка, зашвырнула меня в немыслимую пропасть прошлого, напрочь лишив выбора. Я остро чувствовал, что мной манипуруют, и злился от того, что не могу с этим ничего поделать, тем более, что меня угораздило сразу вляпаться в самую кучу местной политики. Вместе с тем я откровенно злорадствовал, представляя, как самые матёрые историки, оказавшись на моём месте, от досады и стыда сожрали бы все свои научные труды, узнав, что в этом первобытном времени на дикой планете рулит высокоразвитая цивилизация инопланетных существ. Возможно, я слегка преувеличил, назвав сообщество гигантов цивилизацией, поскольку народу здесь для цивилизации маловато, да и живут они тут по понятиям, особняком, кланами. К тому же, насколько я понял, здесь процветают социальное неравенство и борьба за власть, круто замешанные на прогрессирующем вырождении. Конечно, я мог бы и наплевать на все местные дразги, но не сделал этого из-за того, что появились желающие пустить мне кровь.

Скажу прямо, хотя здешние порядки и напрягли меня не по-детски, ещё больше тревожил вопрос: какого хрена я вообще здесь делаю? Сначала он не давал мне покоя, прогнав все иные мысли, и навязчиво подталкивая к возвращению в своё время. Но вот прошло несколько дней, и стремление бежать как-то незаметно угасло, уступив место любопытству и желанию разобраться в окружающем бардаке. Более того спокойное осмысление ситуации привело к пониманию того, что волей-неволей мне всё равно предстоит задержаться здесь на неопределённое время, ибо старики-хранители ещё там всё время талдычили о некоей миссии, да, и сам Энки по всем приметам включил меня в свои планы и не спускает с меня глаз. И, если подумать, то во многом он прав. Коль история, действительно, достигла точки раздвоения, то моё необычное появление в этом времени вовсе не случайно. Однако понимание пониманием, а равнодушные причина и следствие требовали от меня что-то совершить, как в старой сказке: иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что.

А теперь ещё и это внезапное и странное путешествие, будь оно неладно. Конечно, Правителю виднее, но просто так взять и выпихнуть честного человека среди ночи неизвестно куда, неизвестно зачем, как говаривал мой дядька: запаadlo. Да-а-а, не каждому в жизни подфартит так погано влипнуть!

В животе заурчало. Тяжело вздохнув, я подумал, что коли в этом мире меня решительно не собирались нормально кормить, то придётся подзарядиться аварийным способом. Я внимательно пригляделся к маяковой башне, на которой разгорелся мерцающий огонь. Сосредоточившись, я протянул к нему руки и мысленно окунулся в далёкое пламя. Сразу же по телу

растеклось приятное тепло и пришло чувство насыщения. Через пару минут я распахнул глаза и успел увидеть остаточное свечение, огненными каплями стекавшее с пальцев.

Услышав сзади отрывистое пыхтение и тихое мычание, я оглянулся и увидел, что прижавшийся к колонне Гирсумут присел, поднял левую руку, прикрывая локтем лицо, и развернулся вполоборота, словно собирался дать дёру. Я не сразу сообразил, что его так напугало:

– Ты чего?

Он выглянул из-под руки, распрямился, потоптался на месте, с опаской разглядывая меня, потом хриплым голосом проямлил:

– Ну... это... как сказать..., – а потом, выпучив глаза, выпалил: – короче, тебя вдруг охватило пламя! Мне показалось? Да? Нет? Да?

– Не показалось. Со мной такое бывает.

– Великий Творец, помоги! Ты кто? Демон? Дух?

– Успокойся, Гирсумут. Я обычное смертное существо, попавшее в невероятный переплёт. Но, прежде всего, я твой друг, не смотря на то, что ты меня здорово огрел по голове и хотел прирезать, когда этого делать не следовало.

Гирсумут смущённо закашлялся, вздохнул и тихо сказал:

– Ну, я же извинился...

– Всё, хватит об этом. А теперь пошли в дом стражи.

Из-за широко распахнутых дверей казармы раздавались громкие голоса. Заметив нас, вооружённые стражи замолкли и спешно построились. Окинув взглядом сияющую доспехами шеренгу, я понял, что здесь находится весь отряд. То есть Энки, предоставив мне право выбора, остался без личной охраны! И это во время острого политического кризиса! Значит, и впрямь происходит нечто из ряда вон выходящее.

В полной тишине вперёд вышел Синенмут стукнул тупым концом копья в пол, а затем, наклонив его, грохнул в щит. Я понял, что он меня приветствует, как начальника.

– Ар-ра, Антон. Повелитель Энки приказал нам собраться в полном составе, чтобы ты нам что-то сказал. Мы готовы тебя выслушать.

– То, что произошло в последние дни, вам известно лучше, чем мне. Обстановка тревожная и непредсказуемая. По воле Повелителя Энки я должен сегодня покинуть Тильмун в сопровождении семи стражей. И тех, кто пойдёт со мной, нужно выбрать прямо сейчас. Не исключая, что предстоящее путешествие будет тяжёлым и опасным, поэтому прошу выйти только тех, кто готов рискнуть.

Строй качнулся, приблизившись ко мне на шаг. Огромные гиганты в доспехах стояли плотной стеной, и суровая уверенность их лиц не оставляла сомнений в их намерении прикрыть мне спину в подлой игре со смертью. Дьяволыщина! Не хватало ещё пустить слезу. Я глубоко вздохнул, потёр нос и сказал:

– Спасибо, братцы. Я вас никогда не забуду. Не знаю, свидимся или нет, но верю, что добрая память о вас согреет мне путь. Тех, кто пойдёт со мной, наверняка поджидают немалые трудности и беды, но и тем, кто останется, тоже придётся не сладко. Наступили жестокие времена, и ваш долг любой ценой сохранить жизнь и здоровье Повелителя Энки, и пусть вам поможет ваш опыт и то небольшое, чему я вас успел научить.

Я оглядел строй закованных в броню великанов, мучительно думая о предстоящем выборе, и, наконец, решился:

– Синенмут, я хотел бы видеть тебя во главе нашего отряда, – воин шагнул вперёд и встал за моей спиной рядом с Гирсумутом.

– Сагнимут перестань ухмыляться и подойди ко мне, – из строя вышел хитрец и озорник Сагнимут.

– Где эти неразлучные Рахурмут и Нигирмут? Идите сюда, – оба гиганта зашли за мою спину.

– Лихурмут, ты тоже идёшь со мной, – и лучший следопыт стражи присоединился к нашему маленькому отряду.

– А, теперь Гирсумут отправляйся за своим братом, мне сказали, что он исцелился. Акимут тоже идёт с нами, – мой телохранитель радостно вскинул брови и умчался по коридору. Я знал, что Акимут считался самым большим и сильнейшим из лахамов, и желал видеть его в своей команде.

Я подошёл к каждому из остающихся и сказал им какие-то слова. Они всё понимали и не обиделись. Попрошавшись с воинами, я увёл свой небольшой отряд в тренировочный зал. Теперь нас связывали общая судьба и неизвестность. Рассевшись в полутёмном зале, мы некоторое время, молча, глядели друг на друга, словно виделись впервые. Между тем я лихорадочно соображал, пытаюсь сформулировать задачу. Однако пауза затянулась, и, словно захлопывая дверь в прошлое, я обратился к моим спутникам:

– Подробности, маршрут и цель похода мы узнаем перед выходом. Почему, вы должны понимать сами. Теперь на правах предводителя я хочу сократить ваши имена. Не обижайтесь, но почётный титул лахамов «мут» мы отбросим. В пути и бою нужны имена короткие в один выкрик. Всем ясно? Отныне я и вы сами себя будете называть так: Син, – Синенмут кивнул, – Сагни, – Сагнимут широко улыбнулся, – Гирсу, – Гирсумут наклонил голову, – Рахур и Нигир, – они закивали головами, – Лихур, – Лихурмут прикрыл глаза, – Акти, – Акимут стукнул себя кулаком по коленке. Вопросы есть? Нет. Теперь об обязанностях. Син, на тебе оружие и управление отрядом. Сагни и Лихур, вы передовой дозор, отвечаете за поиск и разведку. Рахур и Нигир, вам нужно обеспечить отряд пищей, водой, обувью и одеждой, а также условия для отдыха. Акти, на тебе транспорт, переправы и тыловое прикрытие. Гирсу сегодня уже дал клятву защищать мне спину. И всё время помните о том, что с этого момента все вы не только одна команда, но и мишени для врагов. Не расслабляться ни на миг, поскольку даже здесь нас подстерегает смертельная опасность. Присматривайте друг за другом и берегите себя. А теперь обсудите всё между собой.

Я специально отошёл, давая им возможность выговориться. Да, и мне тоже нужно было свести концы с концами и закончить размышления.

По всему видно, что по отмашке какого-то дирижёра давно тлеющий политический конфликт именно сейчас начал разгораться, как пожар на ветру. Всё происходящее сильно смахивало на кинобоевик, и я невольно ухмыльнулся, вспомнив душещипательные голливудские сюжеты со счастливым концом. Однако в жизни всё происходит намного подлее и страшнее. Конечно, забавно наблюдать экранные приключения со стороны, но сейчас по чьей-то прихоти всё перевернулось с ног на голову. Нынче я сам попал в фокус событий, и теперь другие Зрители будут наблюдать за моими похождениями. Я вдруг представил себя фигуркой на шахматной доске и как чья-то невидимая рука двигает меня вперёд, сталкивает с противниками и подставляет под удар. Всем нутром я чувствовал, что Игра, действительно, началась. Я оказался на арене, с которой было всего два выхода: либо сдаться и исчезнуть, либо из всех сил бороться, победить и выбраться из этой заварухи. А в идеале, ещё и накостылять Игрокам, чтобы им неповадно было распоряжаться чужими судьбами и жизнями.

Так легкомысленно рассуждая, в тот момент я даже не догадывался, в какую лихую переделку угодил, и кто стоит за всеми этими странными событиями. Собираясь в путь, я настойчиво гнал от себя назойливую мысль, что начавшиеся во дворце безобразия могут, как в зеркале, отразиться и в нашем маленьком отряде. Не дай боже! Ведь тогда предстоящее путешествие теряло всякий смысл. Очень хотелось, чтобы это было не так.

Когда я подошёл к моим спутникам, они тихо переговаривались, дожидаясь меня.

– Что скажете?

Общее мнение высказал Син:

– Мы принимаем всё, что ты сказал, но проблема в том, что неизвестен маршрут. Здешняя природа разнообразна, коварна и полна опасностей. Подготовиться, не зная к чему, невозможно.

– Если бы это была только единственная проблема. То, что мы не знаем, куда идём, не беда, а трудность. Подготовьтесь с учётом максимальной сложности пути, но лишнего не берите. Доспехи оставьте, не на войну идём. Прочная, надёжная, удобная одежда и обувь для ходьбы по горам и дикому лесу, привычное оружие, запас еды, которая не испортится и походные принадлежности. Остальное должен каждый продумать сам согласно своим обязанностям.

– Придётся поломать голову над экипировкой, тем более что последние две сотни лет мы не покидали остров.

– Сколько лет?

– Две сотни, может чуть больше или меньше.

– Прости за вопрос. А сколько вам лет?

– Все мы уже не мальчишки. Кому 30, а кому уже и под 35 сар. Нас мобилизовали ещё на Тиамат, мы служили на «Пересекающем» и прибыли на эту планету вместе с Повелителем Энки. Но с тех пор прошла уйма времени, и мы уже почти забыли о прошлом.

Я испытал настоящее потрясение. На мой взгляд приблизительно им было по 25 – 30 лет, а они говорят о 100 – 120 тысячах! Боже мой! Да они старше, чем вся известная человеческая история! Невозможно поверить. Стоп. Лучше об этом не думать, иначе можно свихнуться. Предположим, что они мои ровесники. И точка! Я посмотрел на часы: 23.20. Отбыть с острова нужно затемно, не позже 4.00.

– Друзья. Встречаемся здесь через 60 делений круга в полной готовности. По приказу Повелителя Энки вы можете требовать у хранителей всё, что необходимо. Выходим до рассвета. Не опаздывать. Не болтать. Смотреть в оба. Не исключено, что в закоулках дворца ещё таится опасность.

Тихо переговариваясь, мои спутники направились к выходу, а Гирсу продолжал топтаться у меня за спиной.

– Гирсу, ты что, в самом деле собираешься прикрывать мне спину?

– Да, я поклялся.

– Я, конечно, рад, что моя жизнь в надёжных руках, но бывают моменты, когда человеку нужно остаться одному. Например, когда он идёт по нужде, или ложится с женщиной. Понятно?

– По нужде понятно, с ШЕН-ШИ-НИ-АЙ – нет.

И тут у меня в голове мелькнула догадка.

– Скажи, а у вас есть подруги, жёны, ну, существа противоположного пола?

– Я догадываюсь, о ком ты спрашиваешь, но у нас их нет. Госпожи живут только во дворцах Повелителей, а лахамы, хранители, работники и слуги их не имеют.

Глядя на сильного и молодого гиганта, я увидел ещё одну сторону трагедии этих существ, буквально свалившихся на Землю из космической бездны. Они, как могли, воссоздали на планете свою удивительную цивилизацию, ставшую лишь тенью их великой космической родины. Ведь, не смотря на чудовищно огромные размеры межзвёздного рейдера «Пересекающего» и сорокатысячный экипаж, тиаматиане не имели поддержки высочайшей науки, техники и промышленности. А главное, их общество поразили неустрашимый и опаснейший порок: эти развитые, сильные и долгоживущие пришельцы не имели возможности размножаться. Постепенно и медленно росли семьи (кланы) Повелителей Ануннаков, рядовые же тиаматиане коротали жизнь в одиночестве. Рано или поздно это обстоятельство и привело их сообщество к полной деградации и вымиранию.

– Ладно, об этом позже. Я только хотел сказать, что охрана – дело, требующее определённой сноровки.

– Понимаю. Но уточни, что ты имеешь ввиду?

– Допустим, я оказался в толпе. Ты должен прикрывать мне спину и видеть всё, что творится вокруг. Убийцу всегда заметно перед нападением, и ты должен его опередить. Если вокруг никого нет, ты должен контролировать окружающее пространство, чтобы вовремя обнаружить отдалённую опасность. Если мой собеседник один, забудь про него, я и сам его вижу, а ты должен наблюдать, что творится сзади и по бокам. Если я куда-то собрался, постарайся заскочить туда первым и всё осмотреть, нет ли удобных мест для засады или подозрительных личностей. Если кого-то подозреваешь, то сразу хватай и вяжи. Лучше потом извиниться, чем присутствовать на своих похоронах. Всегда думай за врага и рассчитывай всё вперёд. И если другие воины моё оружие, то ты мой щит. Помни об этом, тогда и ты, и я будем целы.

– Я страж и всё это знаю, но спасибо за уточнение задачи.

– Тогда, порядок. Пошли, нужно успеть собраться.

В доме стражи было необычно тихо. Сидящий за столом дневальный кивнул нам головой и продолжил чистить оружие. Пройдя мимо отсеков с крепко спящими стражами отдыхающей смены, мы с Гирсу разошлись и приступили к сборам.

К моему удовольствию в отведённом мне «кубрике» на кушетке лежали все мои вещи, чистый отремонтированный камуфляж, тельняшка, башмаки, шляпа-афганка и офицерский ремень. Но вместо ножен с Баалат лежал чёрный кожаный чехол с широким тесаком с острейшим полуметровым клинком. Минутное сожаление об утрате сменилось здоровой мыслью, что короткий тесак в трудной дороге и особенно в непроходимом лесу значительно удобнее, чем длинный меч. Рядом с кушеткой я обнаружил схожую с рюкзаком сумку из похожего на кожу материала с двумя широкими лямками, застёжкой-клапаном, большим карманом и двойной утягивающей шнуровкой.

Переодевшись в свою одежду, я почувствовал себя намного увереннее. Затем я надел нательный крестик и накинул на шею прочный шнурок компаса. Немного подумав, я свернул и положил в сумку чистое полотнище размером в две простыни и пару набедренных повязок. Ещё из одного полотнища я сделал три пары портянок, зная по опыту, что носки для длительного пешего похода не годятся, только ноги до мяса сотрёшь. Проверив фотокамеру и аккумуляторы, я защёлкнул герметичный футляр и аккуратно уложил его между тряпок, бросив сверху пачку зажигалок. Кошелёк с рыболовным набором, фонарик и шведский нож я рассовал по карманам. Кажется, всё. Часы показывали 1:30.

Теперь нужно заняться медицинским обеспечением. В такие походы без аптечки не ходят. Я вздохнул и хмыкнул, подумав, что даже в чёрте каком прошлом меня достала профессия.

Увидев, что Гирсу уже переоделся и собрался, я кивнул ему головой в сторону выхода и направился к местным целителям. Едва мы вступили в полутёмное помещение «амбулатории», как вспыхнул яркий белый свет. Через пару минут из боковой двери появился слегка заспанный целитель.

– Чем могу помочь?

– По приказу Повелителя Энки нам нужны некоторые средства.

– Что вы хотите получить?

– Походный комплект для лечения разных травм и ран, средства для лечения лихорадки и расстройства живота, а также устройство для улучшения плохой воды.

Целитель с удивлением посмотрел на меня, вышел и вернулся через четверть часа в сопровождении двух коллег, несущих в руках разного размера коробки из матового белого металла. Всё это они разложили на столике и отступили на пару шагов.

В укладке для лечения травм я не нашёл ни игл, ни ниток, но обнаружил устройство типа степлера для постановки скоб. Сойдёт. Там же лежала упаковка круглых тампонов, что-то вроде пластыря, сосуд с густой розовой жидкостью, которую мне вливали прямо в рану, сосуд

с дезраствором, рулон прозрачной липкой плёнки и коробочка с инструментами и разными мелочами. Годится. Для лечения лихорадки местные целители использовали белые порошки в прозрачных капсулах, а для лечения диареи – жёлтые. Дозы стандартные. Кратность дважды в сутки. Ясно. Я тщательно уложил все эти средства в одну коробку. Устройство для очищения воды представляло собой плоскую складывающуюся воронку с ребристым двойным расширением посередине. Короче, фильтр. Сюда вливаешь, отсюда получаешь. Тоже ясно.

Я уже начал укладывать коробку с медикаментами и фильтр в дорожную сумку, как в дверях показался старший целитель и подошёл прямо ко мне. Он остановился напротив, кивком поприветствовал и протянул относительно небольшую круглую коробочку.

– Антон, я знаю, что ты целитель и сможешь правильно распорядиться этим средством. Одна доза даст силы, когда их уже нет. Двойная доза снимет боль и избавит от страданий. Четыре дозы безболезненно убьют. Держи.

Я открыл коробочку, там лежали примерно полсотни красных шариков.

– Благодарю тебя, брат целитель. Подарок твой бесценен.

– И ещё прими это, – он открыл длинный плоский похожий на книгу пенал, в котором в два ряда лежали восемь чёрных дисков с жёлтыми кнопками в центре, – эти фибулы избавят вас от насекомых.

Я аккуратно сложил всё в сумку, попрощался и вместе с Гирсу вышел в тропическую ночь. Спящий дворец хранил настороженное молчание, и, когда глаза более-менее привыкли к темноте, мы направились вдоль галереи. Светлый каменный пол и длинная колоннада слабо освещались полумесяцем луны, огнями с берега и большими напольными светильниками в начале и конце галереи. Мерцающие на слабом ветру огни вызывали причудливую пляску длинных качающихся теней.

Стоп. Краешком глаза я заметил лишнюю тень и резко притормозил. В тот же миг справа налево чиркнула искра света, и сразу же раздался звон металла о камень. Я напряжённо замер, превратившись в слух, а Гирсу метнулся в тень и вытащил оттуда кого-то одетого в коричневый балахон с глубоким капюшоном.

– Это его рук дело!

– Гирсу, не убивай гада! Вяжи крепче!

А мой телохранитель и не нуждался в приказаниях. Настучав убийце по рычащей от ярости голове, он перевернул его лицом вниз, моментально скрутил руки его собственным поясом, а затем картинно наступил ногой на его спину. Я уже открыл рот, чтобы отругать Гирсу за несвоевременный выпендрёж, как увидел быстрое движение у противоположного ряда колонн.

– Ложись!!

Гирсу оказался на редкость сообразительным, и рухнул, как подкошенный. Смертоносная полоса металла пролетела над ним и громко звякнула о колонну. Когда Гирсу вскочил на ноги, второй убийца уже верещал, как заяц, схватившись за гениталии, по которым я ему врезал от всей души. Повалить его и скрутить не составило большого труда.

Похоже, в этой схватке со смертью я опять чудом выкрутился. Ага, вот и кавалерия пожаловала. По моим прикидкам от начала нападения прошло не более пяти минут, а в конце галереи со стороны дворца уже слышался топот множества ног. Вскоре вокруг уже решительно сверкали глазами все семеро моих спутников, а в ближайших приделах мелькали огни и оттуда доносились тревожные голоса. Чуть позже засветились окна и в других зданиях. Похоже, что мы переполошили весь дворец.

Пока тщательно упакованные убийцы, неподвижно лежали мордами в пол, мои друзья разбежались по галерее в поисках врагов. Через пару минут они собрались, и Син осторожно положил к моим ногам два метательных ножа со специальными пустотелыми лезвиями, предупредив, что они заполнены сильным ядом. Я посмотрел на него и поразился выражению его лица.

– Что случилось, Син? Говори.

Он крутил головой, хмурился и негромко хмыкал.

– Да, говори же, носорог тебя забодай!

– Не знаю, как сказать... Надо посмотреть на них... Свет сюда!

Он резко повернул ближайшего пленного лицом вверх и сдёрнул капюшон. Убийца не подавал признаков жизни, а из угла его рта стекала кровавая пена. Вторым был мертвее первого. Я внимательно пригляделся к трупам и от удивления выпучил глаза. Передо мной лежали тела «белоглазых», как две капли воды похожих на тех, что тащились за мной от Москвы по дороге к порталу. Их вид не вызывал сомнений: невысокий по здешним меркам двухметровый рост, бесцветные глаза, костлявые лица с высокими носами, неестественно белые волосы. Это открытие потрясло и обескуражило. Увидев мою реакцию, Син сжался, как пружина:

– Ты знаком с ними, Антон? Ты их видел раньше? Где? Когда?

– Два таких типа преследовали меня в моём мире накануне перехода, но почему-то не посмели напасть.

– Ты уверен, что это они?

– Абсолютно. Не именно они, но очень похожие.

– Та-а-ак! Дело принимает скверный оборот.

– Син, ты можешь говорить вразумительно? Быстро выкладывай всё, что знаешь. У нас совсем нет времени играть в недомолвки.

– Не знаю с чего начать... Когда я увидел два кинжала с ядом, то вспомнил, что подобное оружие использует тайный клан убийц. Ещё на Тиамат мне довелось столкнуться с этими тварями, которые оставили в истории империи длинный и кровавый след. Однако это долгая история.

– Син, неужели ты не понимаешь, что мы не можем отправляться в неизвестность, имея под боком серьёзную угрозу. Не тяни. Говори всё, что знаешь.

– Во времена правления императора Лахама империя процветала. Но смерть старого владыки сломала, казалось бы, незыблемый порядок. Без видимых причин началась смута, в ходе которой власть захватил младший сын покойного монарха Алалу, фактически отнявший трон у своего старшего брата и законного наследника Аншара. Особо не стесняясь узурпатор сразу оттеснил старшую ветвь династии от власти и лишил всех привилегий. Но этого ему показалось недостаточно, и, желая ещё больше обезопасить себя, а заодно унижить старшего брата, он повелел его сыну Ану прислуживать себе, то есть фактически взял племянника в заложники. Зачем? Хитрый Алалу понимал, что Аншар и Ану не успокоятся пока не вернут корону, а потому разобил их, взяв наиболее опасного молодого Ану под контроль.

Вскоре все государственные посты заняли сторонники Алалу. Избегая поспешных действий молодой, но мудрый Ану стерпел унижение и принялся дожидаться удобного момента. Девять сар он служил во дворце и исподволь готовился свергнуть ненавистного дядю. Однако ситуация резко осложнилась, когда вмешалась посторонняя сила. Для защиты своей власти узурпатор нанял воинственный клан Скорпионов – выходцев с далёкой окраины империи. Эти наёмные убийцы и злодеи были широко известны в узких кругах и отличались хладнокровием, крайней жестокостью и коварством. Их внешность резко отличалась от облика тиаматиан ненормально бесцветным видом кожи, глаз и волос и пристрастием к коричневому цвету.

И хотя Алалу усиленно притворялся справедливым правителем, его лживый и подлый режим, опирающийся на кровожадный клан Скорпионов, неизбежно привёл империю на грань катастрофы. И тогда Ану поднял восстание и свергнул своего заклятого врага. Он вернул трон и наказал узурпатора, но этого оказалось недостаточно для восстановления закона и порядка. За долгие годы несправедливого правления необратимо исковеркались сознание жителей и душа народа. Падение власти Алалу не принесло империи мира и благополучия. И главной причи-

ной этой проблемы стал тот самый зловредный клан Скорпионов, ушедший в подполье и превратившийся в тайную подрывную организацию.

«Скорпионы» сначала затаились, а потом широко расплозились по всей империи. Они стали тайными советниками, наёмными убийцами, шпионами и палачами у разных амбициозных владетелей, а их деятельность всегда приводила к войнам и смутам. В империи презирали и боялись этих убийц и негодяев, но, тем не менее, владетели и Повелители неизменно пользовались их услугами для выполнения грязной работы.

Некоторое время я работал в службе государственной безопасности, и достоверно знаю, что наёмничество, лишь внешняя сторона деятельности «скорпионов». На самом деле эта разветвлённая организация, внедрившаяся во все слои общества, стремится захватить власть, манипулируя верховными правителями на всех обитаемых планетах. Любую задачу «скорпионы» решают оперативно и изошрённо, всегда действуя парой исполнителей, квалификация и ранг которых зависит от важности предстоящего дела.

Осведомлённость «скорпионов» поражает воображение, и в любой ситуации они оказываются на шаг впереди, а если по какой-то причине терпят поражение, то всегда убивают себя. Никому и никогда не удавалось взять их в плен и допросить. Известно лишь, что эту организацию координирует некий Совет Четырёх, которым руководит какая-то очень могущественная неизвестная личность. Это крайне опасные и жестокие твари, и, по всему выходит, что дело приняло самый серьёзный оборот. И главная проблема в том, что они о нас знают всё, а мы о них – ничего.

– Так. Кое-что прояснилось. Действительно, нехорошие новости. Все слышали? И, поскольку нам противостоит хитрый и жестокий враг, прошу всех проявить внимание, и при необходимости действовать решительно и сурово, ведь с нами никто церемониться не собирается.

Передав трупы убийц дежурным стражам, я попросил доставить их и орудия убийства лично Повелителю Энки. Теперь это его дело и дело архиважное, поскольку нападение на меня, самоубийство хранителя, бегство пары служащих и сегодняшнее покушение говорят о существовании диверсионной сети под носом у Энки. И, если он не просеет всё окружение через мелкое сито, всё кончится быстро и плачевно. И распутать этот клубок может только сам Энки.

Шумно обсуждая происшествие, мы толпой ввалились в дом стражи. Немного погодя вошёл хранитель Латипак. Его словно подёрнутые льдом глаза мрачно скользнули по воинам и остановились на мне, затем, отведя взгляд в сторону, он хрипло произнёс:

– Мне уже известно о нападении. Подняты на ноги все хранители порядка. Повелитель Энки тоже осведомлён. Вам надлежит немедленно покинуть Тильмун. Вот линия пути, – он протянул большую медную пластину на прочном шнурке, – немедленно отправляйтесь на заход солнца.

Я кивнул головой, надел шнурок на шею, засунул пластину под куртку и поднял руку, требуя внимания:

– Выступаем немедленно. Акти идёт первым и обеспечивает переправу. Всем разобрать оружие и снаряжение и оглядеть друг друга. Замыкающие Рахур и Нигир.

Акти мотнул головой, поднялся, перебрал через голову ремень чехла с огромным двойным топором типа лабриса, поправил на поясе ножны с тесаком, закинул за спину дорожную сумку и исчез в темноте. Первым делом Син обеспечил всех оружием. Мне досталось укороченное до двух с половиной метров копьё, к которому, как и к другим, был прикреплён ремень для ношения за спиной. Затем Рахур раздал всем большие плоские обшитые мехом фляги на длинных ремнях, а Нигир – туго свёрнутые скатки. Разобравшись со снаряжением, через четверть часа мы двинулись к выходу в сторону озера.

Южная ночь экваториального высокогорья встретила приятной прохладой, голосами ночных птиц и цикад, и дальними огнями на пристани. Мы спустились по хорошо видимой в

лунном свете лестнице, пересекли наискосок площадь и нырнули в цветущие заросли магнолии. Там обнаружилась едва заметная тропинка, которая начала петлять между ухоженными деревьями и кустарниками дворцового парка, постепенно смешавшегося с лесом.

Через полчаса мы вышли к воде. Мои спутники свалили дорожные сумки на песок, подтолкнули меня к ним и встали в плотный круг, ошетилившись копиями. Стоя в круге их спин, я хмурился и ругался в полголоса, поскольку роль особо важной персоны и мишени мне нравилась всё меньше и меньше.

Вскоре со стороны озера раздался тихий свистящий звук. Из темноты вынырнуло странного вида судно и приткнулось к берегу. В свете заходящей луны я разглядел круглую, словно тарелка, посудину с цилиндрическими выступами по бокам и с большой открытой кабиной в середине. Управлял посудиной Акти. Мы быстро закинули внутрь поклажу и оружие и по очереди забрались сами. Син сделал перекличку и хлопнул Акти по плечу.

Издав свистящий звук, судно вздрогнуло, сползло в воду, развернулось на месте и заскользило по водной поверхности, слегка подсакивая на волнах. Я стоял между Акти и Сином, смотрел на тёмное западное небо и думал о будущем...

Глава 9

Возможно, у вас возникло впечатление, что, возомнив о себе невесть что, я легкомысленно и самоуверенно пошёл напролом. А может быть, вы подумали, что я знал, что делаю. Нет. Ничего я не знал, и наоборот чувствовал себя мелкой щепкой, попавшей в водоворот. Конечно, я старался не ударить в грязь лицом и держал фасон, но пробираясь на ощупь в этом абсолютно чужом мире, раз за разом попадал впросак. Между тем судьба всё дальше уносила меня в неизвестность, и я напрягал все силы, чтобы удержаться на крутых поворотах. В конце концов, я наплевал на все свои опасения и сомнения, смирившись с мыслью, что из этой жизни ещё никому не удавалось уйти живым.

Днище тихо проскрипело по крупному песку, и наш кораблик замер у кромки воды подталкиваемый сзади небольшими волнами. Предрассветный сумрак не позволял разглядеть окрестности, но, похоже, мы пристали к небольшой песчаной косе, вклинившейся в заросший тростником и папирусом залив. Предутренний туман плотно укутывал берег, размывая контуры и силуэты, среди которых темнели две большие каменные громады. За ними угадывалась тёмная масса скал и редких деревьев. Пока не развиднелось, даже на небольшом отдалении все предметы не имели очертаний, и только рядом с бортом можно было разглядеть покачивающиеся на слабой волне огромные круглые листья, среди которых светлели цветы лотоса.

Быстро и без суеты мы перетащили снаряжение подальше от воды, и едва распрямили спины, как нас облепили тучи комаров и москитов. И почему-то именно ко мне вся эта кровососущая сволочь проявила особый интерес, безнадёжно отравляя и без того нелёгкую жизнь.

Непрерывно отмахиваясь от вездесущих тварей, мы похватали вещи и бросились вслед за Лихуром, который первым покинул берег и растворился в сумраке, нырнув в серую мглу между двух столбообразных глыб. Через десяток шагов песок под ногами стал больше походить на мелкий щебень, потом стали попадаться обломки покрупнее, а, когда мы удалились от воды на полсотни метров, берег начал забираться вверх и превратился в каменную осыпь. Через час рассвело, и мы, преодолев скальные нагромождения, тяжело дыша, поднялись на более-менее ровную площадку, где утренний ветерок хотя бы немного сдувал мошкар. Оглядевшись, я предложил Сину сделать остановку, чтобы разобраться с вещами, определиться на местности, а заодно чуток передохнуть.

Син громко позвал ушедшего вперёд Лихура и объявил привал. Все с удовольствием скинули поклажу и, негромко переговариваясь, принялись разбирать имущество. Я тоже разгрузился, стащил с мокрой головы шляпу, стянул куртку и, наслаждаясь прохладой, развалился на каменистой земле. Но проклятая мошкара не давала расслабиться ни на секунду.

Энергично отмахиваясь шляпой, я вскочил, подтащил сумку, вспомнив, что старший целитель что-то говорил по поводу насекомых и вручил какие-то штуковины в длинном пенале. Отыскав в сумке плоскую коробку, я обнаружил в ней плотно уложенные чёрные кругляши размером с ладонь. Не имея понятия, что с ними делать, я оглянулся и подозвал находящегося ближе всех Сагни. Он сунул нос в коробку, увидел фибулы и радостно завопил, что-то типа «Ого-го-о!».

Не понимая в чём дело, стражи схватили копья и, озираясь, бросились к нам. Однако, узнав о содержимом коробки, они тоже оживлённо загалдели и закивали головами, видимо хорошо зная о предназначении этих штуковин. Мои спутники вмиг разобрали фибулы и уверенно пристегнули их на своих туниках слева на груди чуть ниже ключицы. Подражая им, я распахнул куртку и при помощи широкой игольчатой клипсы прикрепил диск к тельняшке, а потом слегка надавил на жёлтый кружок в центре.

– Уф-ф-ф, – облегчённо вздохнул стоящий рядом Сагни, – теперь всякая кусачая мерзость близко не подберётся, ещё немного, и они обглодали бы меня до костей.

Я поверил Сагни на слово, но всё-таки пару минут недоверчиво крутил головой, присматриваясь и прислушиваясь. Действительно, ближе пяти метров не одной мошки я не обнаружил. Поистине всё познаётся в сравнении. Ведь сколь мало нужно для счастья: всего то, чтоб тебя никто не ел поедом. Какие там наёмные убийцы. Комар и москиты! Вот настоящие враги и супостаты. Сполоснув водой из фляги распухшее от укусов лицо, я злорадно погрозил кулаком стае голодной мошкары, выходящей вокруг.

Тем временем мои спутники начали облачаться в походную одежду, а я уселся на плоский камень и стал с интересом наблюдать их экипировкой.

В скатках оказались большие в полный рост (не мой, конечно) лёгкие и тёплые плащи чёрного цвета, а в свёртках – специальные костюмы из чёрного похожего на кожу материала. Вид этой прочной одежды меня заметно приободрил, поскольку я всё время поглядывал на голые локти и колени ребят, понимая, что в таком виде в горах далеко не уйдёшь.

Новое облачение: длинные штаны, куртки, обувь на толстой подошве, перчатки без пальцев, а также льняные рубахи, головные платки и толстые носки со швом поверху, как нельзя лучше подходили для предстоящего путешествия. К головным платкам прилагался кольцевидный головной убор, похожий на поля шляпы без тульи. Он надевался поверх завязанного платка и защищал от солнца лицо и плечи. Круто! Действительно, ребята подготовились к походу всерьёз. Я впервые достал цифровой фотоаппарат, и сделал несколько снимков. Увлёкшись зрелищем, я очнулся от окрика Рахура:

– Антон, ты чего расселся? Давай-ка одевайся.

Я устоял на лежащий рядом свёрток, почесал затылок, а затем распустил завязки. Передо мной упали штаны с узким поясным ремнём и укреплёнными коленями и задом, а также короткая, куртка с длинными рукавами. Всё это, включая рубаху и носки, было настолько мне велико, что я даже не стал примерять. Рахур нетерпеливо вскинул голову, и тогда для демонстрации поверх своей одежды я напялил рубаху, полы которой упёрлись в землю, а рукава грустно повисли у колен. Рахур озабоченно сморщился, и смущённо закричал, потирая лоб, а стоящие за ним полукругом все остальные путешественники буквально покатались со смеху. Тут уж не выдержал и Рахур, склонился, опёршись руками на колени, и тоже громко заржал. Отсмеявшись, он вытер глаза и извиняющимся тоном произнёс:

– Неужто в твоём мире все такие... э-э..?

– Недомерки? Нет, я считался довольно высоким, – гордо заявил я, выбираясь из огромной рубахи.

Посмеиваясь, Рахур скатал и вернул комплект одежды на дно своего мешка, оставив мне лишь плащ. Все вернулись к своим делам, и, глядя со стороны на облачённую в чёрную кожу кампанию, я не мог избавиться от сравнения их с тусовкой байкеров. Со своим камуфляжем я явно не вписывался в эту суровую команду.

Тем временем Нигир разложил на камне немудрящую снедь и пригласил нас перекусить. Как выяснилось, наша еда состояла из прессованной смеси сухофруктов, орехов и мёда, каких-то твёрдых белых шариков, по вкусу напоминающих сыр, и тёмных кубиков со вкусом мяса. Грустно поглядывая на скромную трапезу, я хорошо понимал, что наши снабженцы совершенно правы, ведь только такая еда могла гарантировать пищевую безопасность в условиях влажной экваториальной жары. Понимать то я это понимал, но в глубине души надеялся, что в дальнейшем наш рацион станет побогаче, иначе через неделю мы либо ноги протянем, либо язву желудка схлопочем. Впрочем, моим спутникам язва явно не грозила. Они азартно перемалывали твёрдые, как камень харчи, запивая их водой из своих фляг, и при этом оживлённо обсуждали начало похода. Кое-как размусолив один белый шарик и пожевав сухофруктов, я бросил это безнадёжное занятие и достал карту маршрута.

Поворачивая и разглядывая медную пластину размером в четыре ладони, я обнаружил на ней выпуклый рельеф нагорья, подробный абрис озёрного берега и тщательно нанесённые

извивы рек. Никаких надписей на объёмной карте не имелось, но все мельчайшие детали были так тщательно исполнены, что не требовалось никаких пояснений. Карта отображала район между озером Виктория и излучиной реки Конго. Как положено, слева размещался указатель сторон света, только вместо привычных букв «С» и «Ю» здесь поблёскивали звёздочка и солнце.

Подняв пластинку, я обнаружил, что на просвет отчётливо виднелись сквозные маленькие отверстия, нанесённые пунктиром и образующие извилистую линию через всю карту. Ясно. Это наш маршрут. Пунктир начинался на западном берегу озера в устьереки. Затем путь вёл вдоль речного ущелья на запад, далее по нагорью мимо большого пика, потом по равнинному участку вдоль реки до впадения её в Конго. И, наконец, пунктир пересекал великую реку и упирался в большое плато. Я снял с шеи компас, сориентировал карту по сторонам света и прикинул азимуты, пытаясь привязаться к незнакомой местности. Подняв голову, я увидел, что все мои спутники обступили меня и с непритворным интересом уставились на магнитную стрелку.

– Антон, это что за прибор-чик? – выдохнул сгорающий от любопытства Лихур, просунувшийся почти к самым моим рукам, и замерший с поднятыми бровями и приоткрытым от любопытства ртом. Я коротко объяснил и удивился щенячьему восторгу гигантов, радостно реагирующих на такое простейшее устройство.

– Ну, всё, всё хватит баловаться, – сказал я строго, улыбаясь во весь рот, – лучше посмотрите на карту.

Смущённо покашливая, мои спутники склонились над медной пластиной, а потом каждый по отдельности повертел её и изучил.

– Что скажете?

За всех ответил Син:

– В целом всё понятно. Окрестности озера нам известны, а дальше по ходу разберёмся. Впадающая в озеро река находится чуть южнее. Сначала дойдём до неё. – Он обернулся, внимательно окинул взглядом всю кампанию и строго сказал: – Снаряжение тщательно упаковать. Лишнее выбросить. Груз перераспределить равномерно. Оружие – в походное положение. Порядок движения прежний. Антон, что-нибудь скажешь?

– Нет.

Через пять минут наш маленький отряд выступил на юг в сторону ущелья.

Мы двигались цепочкой по каменному хаосу, который мой дядька Николай назвал бы «последствием чёртовой свадьбы». Угловатые многометровые скалы чередовались с острыми обломками высотой по колено, небольшими осыпями, каменистыми расщелинами и куртинами непролазного колючего кустарника, и всё это поднималось вверх и вверх. Мне никогда раньше не доводилось заниматься альпинизмом, но я сильно подозревал, что и матёрые скалолазы не раз бы прокляли всё на свете, если бы им довелось продираться по этим нагромождениям.

Солнце упрямо ползло к зениту. Спустя два часа я совсем выдохся, но пёр вперёд и вперёд, раскрыв пересохший рот, ориентируясь только на спину упрямо пробирающегося через камни Сина. Я видел, что гигантам тоже приходилось не сладко, но они терпели и упрямо лезли вверх. Значит, и я не должен проявлять слабость. Идти с грузом в раскалённом воздухе стало невероятно трудно, но я слышал тяжёлое дыхание идущего сзади Гирсу, кряхтенье Сина, шум камней из-под ног идущих впереди, и, сжав зубы, продолжал передвигать ноги.

В конце концов, мы выбрались на заросшее скудной зеленью плато.

Повернувшись спиной к ослепительному солнцу, я попытался сплюнуть, но после бесполезной попытки, вытер растрескавшиеся губы и, едва ворочая сухим, как тёрка, языком, просипел, объявляя привал. Син поднял руку, хрипло крикнул и развернулся ко мне. Я сбросил мешок, скатку и копьё, снял флягу, не спеша прополоскал рот и потом сделал несколько

маленьких глотков. Внимательно смотрящий на меня Син удовлетворённо кивнул и тоже начал разгружаться.

Собравшись вместе, мы забрались в узкую тень высокой одинокой скалы. Но едва мы отдышались, как Лихур насторожился, резко вскочил, крикнул «тихо!» и указал рукой на восток. Мы замерли. И тут я услышал доносящийся со стороны озера очень знакомый звук. Син сделал страшные глаза и махнул рукой по направлению к кромке скалы. Мы прижались к камню и замерли. Через несколько секунд мимо пролетели... два самолёта! Вернее, два местных летательных аппарата, стреловидной формы с круглыми подвесками под фюзеляжем и скошенными плоскостями. Необыкновенно красивые в своей стремительности они со свистом пронеслись на запад.

– Шемы, – опасливо, и одновременно восторженно прошептал Акти.

Пережив секундное замешательство, я обернулся к Сину, который с прищуром, будто прицеливаясь, глядел вслед удаляющимся самолётам:

– Что это значит?

– Не знаю. Но это не шемы Повелителя Энки. Его шемы «Магир» и «Наргир» меньше этих, а «Нахаш» и «Сахур» – больше.

– Шемы часто летают в этих местах?

– Чужие – никогда. Во всяком случае, я такого не припоминаю.

– Так. Все ко мне! – скомандовал я и дождался пока все встали полукругом. – Друзья, я думаю, что врагам стал известен наш маршрут, и очень вероятно, что нас попытаются перехватить где-то в пути. Что будем делать? Хочу выслушать всех.

– Выполнять приказ Повелителя Энки, – мрачно ответил Син.

– Пойдём осторожнее и будем внимательнее, – прогудел Акти.

– Ещё не известно...

– ...за нами ли посланы шемы, – проговорили Рахур и Нигир.

– Пойду вперёд, Сагни за мной. Если что предупредим, – сверкнул глазами Лихур.

– Ага! Встретим чужаков и открутим им кое-что! – заржал Сагни.

– Ты сам что думаешь? – тихо спросил Гирсу.

А что тут было думать. Не оставалось никаких сомнений, что план скрытной прогулки вдоль экватора только что рассыпался в прах. Более того, чтобы выжить, вероятно, придётся драться. Удастся уклониться от боя – отлично, не удастся – придётся побеждать. С этим тоже всё ясно. Но не понятно другое: кто нам противостоит. Если – «скорпионы», то надо ожидать ударов исподтишка и разных диверсий. Если – боевой отряд, то предстоит открытое вооружённое столкновение. Если – местный спецназ с дальнобойным вооружением, то, скорее всего, нам кранты. С другой стороны, любое сражение – уравнивание со многими неизвестными. Бой всегда непредсказуем, поскольку нельзя учесть всех случайностей, а потому шанс есть всегда. В любом случае нужно готовиться к внезапным нападениям, схваткам, крови и смерти, а, между прочим, я категорически не желал помирать и спутников своих терять не хотел. По ходу общения я понял, что они сильные и надёжные стражи, но неопытные бойцы. Да, и я не бог весть какой вояка. Но деваться некуда и выбирать приходится между плохим и очень плохим.

– Я полагаю, что где-то впереди нас поджидают враги. Вы уже поняли, что меня, а значит теперь и вас, хотят убить. Кто и за что, понятия не имею. Но, похоже, схватки нам не избежать, и нападение может произойти в любой момент. Поэтому советую вспомнить все свои боевые навыки и быть начеку. Кто из вас хорошо знает местность?

– Я, – вскинулся Лихур.

– Карту видел? – Он кивнул. – Есть ли возможность изменить маршрут?

– Да, но трёх мест нам не миновать. Скоро мы доберёмся до ущелья Лаки, в котором крутые изрезанные карнизами стены, в которых можно устроить засаду. Миновав ущелье можно двинуться несколькими путями, но неизбежно придётся пройти между горой Кири и Жёлтым

озером по узкому коридору. Это второй опасный участок. Дальше, проще. Местность понижается и до Большой Реки есть много путей. А вот через саму Большую реку в этой части её течения можно переправиться только в одном месте, поскольку выше и ниже сплошные пороги, водопады и водовороты. Это третий опасный участок.

– Ясно. А возможно ли пройти южнее, – я указал рукой на юг.

– Нет. Там скалистые горы, за ними два озера, сплошные болота и непроходимый лес. С другой стороны, – Лихур махнул на север, – то же самое, но горы пониже, а за ними множество мелких солёных озёр и сплошные болота.

– Понятно. Слушай мою команду. Лихур идёт налегке первым, за ним в десяти шагах Сагни. Основная группа движется в ста шагах за ними. Замыкающий Акти. В пути изъясняться только жестами и сигналами. При малейшей опасности Сагни докладывает либо мне, либо Сину. Привал возле ущелья Лаки. Вопросы есть? Тогда вперёд.

Лихур и Сагни передали свои дорожные сумки Рахуру и Нигиру и исчезли среди кустов и камней. Через пару минут мы двинулись следом по окраине плато, и, хотя местность то повышалась, то понижалась, по сравнению с каменной свалкой, что осталась позади, казалась почти проспектом. Я кое-как приспособился и, войдя в ритм движения, рассмотрел окружающую панораму.

Вокруг серыми и красно-коричневыми пятнами раскинулось каменистое плато, покрытое куртинами колючих кустарников и редкими деревьями, в которых суетились какие-то пичуги и мелкая живность. Вдалеке зеленела полоса тропического леса, очерченная двумя линиями гор: невысоких жёлто-зелёных вблизи и лилово-голубых у самого виднокрая.

Мы шагали и шагали на юг. Прошёл час, другой, и под безжалостными лучами экваториального солнца моё благодушное настроение испарилось. Казалось, полдень онемел от зноя. Тени исчезли. Камни и воздух раскались. Одежда насквозь пропиталась потом и солью, а поклажа повисла на плечах невыносимой тяжестью. Беспощадное светило слепило усталые глаза, и, когда в них уже завертелись серо-зелёные круги, появился Сагни и, хрипло дыша, проговорил скороговоркой.

– Ущелье в ста шагах впереди. Лихур спрашивает: пойдём поверху или понизу?

От жары, духоты и недостатка кислорода я уже почти ничего не соображал и лишь слабо махнул рукой Сину. Тот, оглядев местность, посмотрел на меня и хрипло произнёс:

– Пойдём низом. Там вода и прохлада. Мы здесь остановимся, а вы поищите место для спуска.

Разгрузившись, мы забрались в узкую тень у нагромождения камней. Я стянул куртку, привалился спиной к относительно прохладной поверхности, вытянул ноги, глотнул воды и незаметно отключился. Сказалась тревожная бессонная ночь, отсутствие нормальной пищи, сумасшедшая гонка под палящим солнцем и обезвоживание. Разбудил меня толчок в плечо. Надо мной склонился Син и тихо сказал:

– Пришёл Лихур.

Я со стоном поднялся на ноги и подошёл к моим спутникам, собравшимся вокруг разведчика.

– ... вверх по ущелью большая низина, осыпь с ручьём и водопад. Рядом плоский карнизный выступ.

Глядя на испачканные грязным потом усталые лица гигантов, я подавил желание немедленно объявить привал, и коротко сказал:

– Добро. Готовимся к спуску. Отдохнём внизу, там же устроимся на ночёвку.

Воины кивнули и взвалили на плечи поклажу.

Через полчаса мы добрались до широкой расщелины, в глубине которой между камней пенился поток, падающий в ущелье узким водопадом. Син осмотрелся и определил порядок и очерёдность спуска. Пока я, лёжа на животе и замирая от страха, заглядывал в тёмную про-

пасть ущелья, Рахур, порывшись в одной из сумок, извлёк две бухты тонкого, но невероятно прочного троса. Фал закрепили на прочном выступе и сбросили вниз.

Первым отправился вниз Лихур. Он подёргал трос, обвязался страховкой, которую прихватили могучий Акти и Син. Лихур подмигнул мне, скользнул по карнизу и скрылся за краем. Минут через пять трос дёрнулся и снизу раздался приглушённый крик.

Спустя час мы все стояли на дне каньона. В этом узком ущелье несла свои воды бурная река Лаки, берега которой вплоть до отвесных каменных стен покрывала мелкая и средняя галька. Оглядевшись, я понял, что в сезон дождей распухающая от избытка воды река заполняла всё ущелье до краёв и яростно точила отвесные скалы. Сейчас поток нёс мутные воды лишь в середине в пределах русла.

После убийственной гонки и перенесённого напряжения спуска, меня буквально шатало от усталости, да и мои спутники тоже выглядели не лучшим образом. В насквозь промокших от липкого пота рубахах они, молча, сидели, свесив руки и головы, и с наслаждением вдыхали прохладный воздух. Вокруг беспорядочно валялись мешки, оружие сброшенные куртки и побелевшие от соли головные платки.

К счастью искать место ночёвки не пришлось. Неподальёку от чаши водопада под каменным козырьком обнаружилась ровная песчаная площадка. Однако спать на песке означало гарантированную простуду. И подстилку изготовить было не из чего, поскольку вокруг не росло ни единой травинки. Задача решилась чуть позже, когда Рахур отыскал неподалёку несколько завалов принесённого рекой сухого плавника.

Пока мужики устраивали стоянку, я направился к реке. Забравшись на большой плоский валун у самой воды, я буквально упивался спасительной прохладой. Река оглушительно шумела, но в тот момент я воспринимал этот грохот, как мелкое неудобство. Глубоко втягивая наполненный влагой свежий воздух, я поднял голову, и злорадно окинул взглядом край ущелья, где мерцал воздух от изливающихся нестерпимый жар раскалённых камней.

Слегка передохнув, я включился в устройство лагеря. Покончив с неотложными делами, народ занялся приведением себя в порядок. Лично я с нетерпением ждал этого момента. Кожа чесалась, и одежда противно липла к телу. Мне нестерпимо хотелось смыть пот и простирнуть насквозь просолившуюся одежду. Осмотрев берег, я начал было прикидывать, где можно забраться в воду. Но, оглушительный грохот потока, бурная пляска перекаатов и клочья пены в водокрутах заставили меня отказаться от безумной затеи. Я передёрнул плечами, на секунду представив такое убийственное купание. Стоп. А зачем мне бешеная река, если имеется кое-что получше. Я оглянулся, и засмеялся, глядя на быстрые брызги водопада.

Стянув прилипшую к телу одежду, я нетерпеливо шагнул в тугие серебристые струи. Словно дождавшись встречи, прохладная вода радостно обняла меня, проникла во внутреннее пространство и буквально за минуту вытянула из меня всю усталость. Испытывая восторг от таких разительных перемен, я громко позвал ребят смыть грязь, пот и утомление.

Первым в поток водопада с радостным воплем запрыгнул неугомонный Сагни. Немного поплескавшись, он поднял голову, подставив струям лицо. Глядя на окутанного сверкающими брызгами гиганта, я решил провести опыт, о котором думал по дороге. У меня появилось несколько интересных идей, но я не был уверен в их истинности. Суть их сводилась к ответу на вопрос: распространяются ли мои отношения с силами Стихий только на меня, или их можно перенести на кого-то, находящегося поблизости? Мне очень не хватало опыта и достоверных знаний, поэтому я решил действовать наугад.

Встав в поток, я зажмурился, сосредоточился и представил, как Вода лечит и восстанавливает силы Сагни. Открыв через минуту глаза, я увидел, что он как-то сник и замер, словно к чему-то прислушиваясь.

— Э-эй, Сагни, что случилось? — я попытался перекрыть шум реки и водопада, но гигант меня не слышал. Уставившись прямо перед собой и подёргивая пальцами правой руки,

он шевелил губами, и, даже в прозрачных струях мне показалось, что его глаза полны слёз. Из водопада мы выбрались одновременно. Сагни недоуменно вертел головой и кривил рот в попытке скрыть свои чувства.

– Кх-х. Мне вдруг почудилось, кх-х, что я ребёнок и меня качает, кх-х, моя мама, – хрипло выкашлял он, потом отвернулся и медленно побрёл прочь вдоль реки.

Я поглядел ему вслед. М-да. Неожиданный эффект. Попрыгав на одной ноге, я вытряхнул из уха воду, повернулся к водопаду и принялся шмыгать в воде одежду, заодно обдумывая случившееся. Похоже, воздействие энергии Воды вскрыло его глубоко запрятанную и значимую лично для него проблему: отсутствие близких людей и душевное одиночество, и невольно индуцировало его воспоминания о детстве.

Стоп! Мысль крутится... нужно поймать... Так. Допустим, если мои новые способности общения со Стихиями могут влиять и на душевное, и на физическое состояние находящихся со мной в контакте людей, то в критический момент это может пригодиться для лечения. Надо запомнить. Жаль, что нет времени поэкспериментировать.

Я подхватил выстиранные вещи и направился к костру, а в водопад шумно влезли Син и Лихур. Развесив одежду на палках у костра, я повернулся к Гирсу, который тоже готовился искупнуться.

Он кивнул на удаляющегося Сагни и прокричал:

– Куда это он?

– Пусть пройдёт, никуда не денется.

Слегка перекусив, мы принялись готовиться к ночёвке. Подстилка из сухих веток получилась толстой, жёсткой и неудобной, но выбирать не приходилось. К тому же мы все так устали, что могли заснуть буквально на камнях.

Наши уши уже почти не замечали грохота реки, и только необходимость кричать при разговоре напоминала об этом неудобстве и заставляла нас больше помалкивать или общаться жестами. Незаметно наступили сумерки, быстро стусившиеся возле постреливающего оранжевыми искрами костра. Я закутался в плащ и с наслаждением забрался на жёсткое ложе, втиснувшись между Сином и Гирсу. Они для порядка поворчали, но потеснились. Подложив под голову сумку, я улёгся на спину и с удивлением увидел, как лиловый сумрак вдруг сменился кромешной темнотой. Будто кто-то щёлкнул выключателем. Когда-то я читал о такой особенности прихода ночи в тропиках, а теперь увидел воочию. Поразительно.

Незаметно мои глаза растворились в непроницаемом мраке, и я провалился в глубокий сон.

Глава 10

Наш маленький лагерь проснулся на рассвете от сырости и холода. Лично меня разбудила боль в боку от какого-то сучка. Я быстро поднялся, и последние крохи сна осыпались, словно роса с куста. Вот уж не ожидал, что на экваторе можно замёрзнуть, но, вспомнив, что мы находимся в глубоком ущелье на высоте двух верст, подумал, что сегодня, наверно, ещё довольно тепло.

Сходив «за угол», я по привычке размялся и сделал несколько растяжек, попутно объясняя спутникам для чего это необходимо. Гирсу, Лихур и Сагни присоединились к разминке, и я с удовольствием отметил, что ребята схватывают мои наставления буквально на лету.

Пока мы резвились, «старики» демонстративно занимались своими делами. Син старательно осматривал оружие, что-то ворча под нос. Акти, с усмешкой глядя на нашу возню, поднял огромный камень и проделал с ним несколько силовых упражнений. А Рахур с Нигиром, не обращая на нас внимания, неторопливо собирали наше немудрящее имущество и готовили завтрак.

Наскоро перекусив, мы набрали во фляги свежей воды и перед тем, как отправиться дальше, немного задержались, чтобы уточнить порядок движения с учётом угрозы нападения. Все согласились, что нависающие карнизы и скальные выступы, темнеющие глубокие промоины и расщелины, во всех смыслах подходят для засады, а посему решили держать уши остро даже на внешне безопасных участках. Сагни, Рахур и Син взяли под наблюдение правый склон, Нигир, Гирсу и Акти – левый, а идущий впереди Лихур и так вертел головой на 360 градусов.

Ущелье слегка изгибалось, повторяя речное русло, и каждым последующий поворот открывал взору удивительные виды источенных водой каменных пород. Эрозия придавала каньону причудливые и живописные очертания, и я не смог удержаться, чтобы не сделать несколько снимков.

То и дело на пути попадались наносы плавника, иногда настоящие завалы из вырванных с корнем стволов, веток и лесного мусора. Ноги проваливались в сыпучей гальке, и постоянно спотыкались о валуны и вросшие коряги. Каждый шаг давался с трудом, но спасительная речная прохлада того стоила, и к вечеру мы отмахали два десятка километров. Когда заходящее солнце окрасило края ущелья в оранжевые оттенки, а внизу разлился полумрак, мы остановились на ночёвку.

Ходьба по галечнику утомляет невероятно, но я чувствовал заметно меньшую усталость, чем вчера. Наверно, стал привыкать и к местному климату, и к трудностям похода, и, если бы не отсутствие нормальной еды, то наше путешествие счёл бы вполне интересным и познавательным.

Сражаясь с расстоянием, словно с настырным соперником, мы упрямо шли вперёд, и к концу третьего дня по моим прикидкам преодолели первую сотню вёрст.

В полном соответствии с картой русло начало плавно отклоняться на юг. Ущелье заметно расширилось, и его стены стали пологими и испятнанными травой и кустами. Шум реки, от которого мы почти оглохли, стал тише, а вид вокруг изменился. За полосой галечника появились куртины травы, и даже небольшие деревья. В середине четвёртого дня ущелье расширилось, превратившись в зелёную долину, шириной с километр. Появилась и настоящая тропическая растительность: железные деревья, ироко, дубовые и ореховые рощицы с густым подлеском из кустарников, фикусов и разных лиан. Обходя заросли, мы двигались по открытым прогалинам, и я не уставал вертеть головой, наблюдая обилие разной летающей, бегающей и ползающей живности. Из-за пестреющей цветами и бабочками весёлой зелени лесных опушек раздавался жизнерадостный гомон птиц, которые то и дело перелетали с ветки на ветку, мелькая ярким оперением.

Благодушное настроение, навеянное райским видом, обрушилось вдруг и внезапно в три часа пополудни пятого дня пути. Едва мы перебрались через каменистый ручей и направились к опушке небольшой рощи, как оттуда донеслись исполненные гнева и боли крики разведчиков. Сломая голову я бросился на шум, слыша за спиной топот десятка ног.

Возле большого ветвистого дерева передо мной открылась картина только что разразившейся трагедии. В примятой траве судорожно дёргала лапами огромная пятнистая кошка с копьём в боку. Она блевала кровью, издавая невыносимую вонь. Чуть дальше, яростно скалился и громко огрызался другой леопард. Его вытянутые задние лапы не шевелились из-за перебитого ударом копыа хребта, но передними лапами он всё ещё пытался дотянуться до лежащего метра в пяти окровавленного Лихура, возле которого суетился Сагни.

Я бросился к Лихуру и понял, что дело дрянь. Рубаха на груди набрякла кровью, которая толчками вытекала из зияющей рваной раны на шее справа. На его груди и правом плече кровоточили глубокие разрывы от леопардовых когтей и зубов. Счёт пошёл на секунды и, как это всегда бывало в критических ситуациях, я отключился от всего мира и начал действовать спокойно, быстро и решительно.

Отстранив Сагни, я в первую очередь крепко прижал рану на шее ладонью. Рядом шлёпнулась моя сумка. Не поднимая глаз, я благодарно кивнул Нигиру. Достать тампоны, прижать их к шее, и притянуть ремнём через поднятую левую руку, было делом нескольких секунд. Тампоны мгновенно промокли, но кровотечение остановили. Не зная точно, каков объём циркулирующей крови у тиаматиан, я прикинул их пропорции относительно размеров людей, и предположил, что их сердца гоняли литров пятнадцать-семнадцать. За эти несколько минут Лихур потерял литра четыре-пять. Плохо, но не критично.

Я обработал раны на груди и руке, соединил края скобками, заклеил пластырем, попутно прикидывая свои дальнейшие действия. Отмыв руки от крови, я вытянул из сумки заветную коробочку. Боясь рассыпать бесценное средство, я осторожно достал два красных шарика, вложил их в рот раненого, влил глоток воды и придержал челюсть рукой. Конечно, тиаматиане, как и люди могут вытерпеть и пережить многое, но не больше. Что возможно, я сделал, теперь оставалось только ждать. Чего ждать? Наверно, чуда.

Я внимательно вглядывался в посеревшее лицо Лихура. Минуты через три лекарство начало действовать. Кожа слегка порозовела, и дыхание выровнялось. Раненый гигант открыл глаза и даже попытался встать. Я крикнул Рахуру и Нигиру, чтобы они придержали его руки и ноги, но вопреки моим опасениям моторного возбуждения не произошло. Угроза шока миновала. Лихур пришёл в себя, и я облегчённо вздохнул, поочерёдно вытирая испарину то ему, то себе. Глядя на меня в упор, Лихур просипел:

– Осторожно... Тут... полно... больших... кошек... Прыгают... сверху...

– Спасибо, Лихур, мы догадались. Лежи спокойно. Ты слегка ранен, и я тебе помогу. Скоро будешь, как новенький.

Заговаривая ему зубы, я продолжал работать. Пульс частый и слабый, но ритмичный. Хорошо. Говорит внятно и реагирует нормально. Ещё лучше. Теперь по правилам нужно было бы что-нибудь влить в вену, чтобы восполнить потерю крови. Но как? Чем? Чёрт бы побрал это дикое время. Немного поразмыслив, я попросил Рахура принести немного соли, бросил её во флягу и разболтал. Затем посадил рядом с раненым Нигира и велел ему постепенно и дробно выпить Лихуру не меньше литра подсоленной воды.

Теперь, Сагни. Он терпеливо сидел рядом, придерживая правую руку исцарапанной и окровавленной левой. Что там у него? Левая рука исполосована когтями, но не глубоко. Ерунда. Сейчас обработаем. Так. А что с правой. Ага. Вывих плеча. Что? Споткнулся, упал. Ясно.

– Ребята, держите-ка его крепче.

Вспомнив травматологию, я упёрся ногой ему в подмышку, резко разогнулся и коротким сильным движением всего тела с поворотом вправил плечевой сустав, приготовившись к воплям, ругани и даже к удару по уху. Но Сагни лишь негромко застонал и скрипнул зубами. Молодец! Зафиксировав повреждённую руку повязкой, я дал ему красный шарик, и вскоре он заметно повеселел. С этим, порядок. Обработав царапины и пару ран, я перевёл дух, обернулся и машинально взглянул на часы. От момента, когда я увидел лежащего в крови Лихура, прошло чуть больше двадцати минут.

Подняв глаза, я обнаружил, что вокруг столпились все мои спутники. Син порывался, что-то сказать, но сдерживался и беспокойно теребил куртку. Я понял, что нужно разрядить ситуацию.

– Син, говори, не то слова прожгут тебе горло.

– Скажи, Антон, Лихур будет жить? Что нам сейчас делать?

– Прежде всего, нужно разбить лагерь. Син и Гирсу постарайтесь добыть дичь. Раз тут водятся леопарды, то должны обитать и травоядные: антилопы или косули. Это очень важно. Действуйте. Сагни присмотри за Лихуром. Акти и Рахур заготовьте дрова для костра, ветки и траву для ночлега. Вперёд. Теперь ты, Нигир. Сначала разведи костёр. Потом сверни несколько прутьев лозы кольцом и вставь в пустую сумку, чтобы получилась широкая горловина. Сумку хорошенько промой, а потом на треть набери свежей воды и низко повесь на крепкий сук поближе к костру.

Все разбежались по своим делам, а я подошёл к разгоревшемуся костру и погрузился в раздумья. Что же мне делать с Лихуром? Ломая голову над неразрешимой задачей, я не терял времени даром, вырезал две палки с роготульками и связал их, сделав подобие щипцов. Затем я бросил в костёр два десятка каменных гольшей размером с кулак и вернулся к Лихуру.

Сменив Сагни у ложа раненого, я склонился над ним и внимательно осмотрел. Лихур лежал с закрытыми глазами на заботливо подложенном плаще и часто дышал. Посмотрев на часы, я рискнул дать ему ещё один красный шарик, и уселся напротив. Через пару минут дыхание раненого выровнялось, а лицо порозовело. Но теперь меня это не радовало, ведь передозировка стимулятора могла его убить.

От тревожных дум меня отвлекли громкие голоса. Вернулись охотники с двумя косулями на плечах. Я попросил разделать добычу ниже по ручью, чтобы не привлекать в лагерь хищников. Однако тут выяснилось, что никто из моих спутников понятия не имеет, как свежевать дичь. Я, конечно, тоже не спец, но хотя бы представлял, что, к чему, а потому эту грязную работу пришлось делать именно мне. Надеюсь первый и последний раз. Смотрите, смотрите. Следующий раз ваша очередь.

Тщательно промыв мясо, я побросал куски в кожаную сумку с водой, которую Нигир подвесил рядом с костром, чтобы сварить мясо древнейшим способом. Изготовленными деревянными щипцами я ухватил в костре раскалённый камень и осторожно опустил в кожаный котёл. Вода зашипела и забулькала, нагреваясь. Первый камень вернулся в костёр, а в котёл опустился второй. И так далее. Вскоре вода закипела. Я отдал щипцы Нигиру, попросив его почаще помешивать варево, перемещая нижние куски наверх и непрерывно греть воду камнями. Он с восторгом принялся за дело.

Я вернулся к Лихуру. Всё тянуть больше нельзя, нужно как следует обработать рану и хотя бы приблизительно сделать ревизию. Я медленно снял жгут, а потом осторожно отлепил присохшие тампоны. Сказать, что я волновался, ничего не сказать. Я отчаянно боялся. Рана имела ужасный вид. Но действительно ли всё так плохо? Я раздвинул края раны, тщательно её осмотрел и убедился, что сонная артерия не задета. Господи, спаси и помилуй. Точно не задета! Уф-ф. Но откуда тогда пульсирующее кровотечение? Ага. Вот и вот. Повреждены сосуды поменьше. Хреново, но не смертельно. Затромбируются. Разорваны мышцы. Ерунда, срastутся. Заложив дренаж и заживляющий гель, я стянул и закрепил стиплером мышцы, а

затем соединил рваные края. Прикрыв рану тампонами, я наклеил сверху прозрачную плёнку. Лихур молча терпел, изредка стонал и вздрагивал. Дав раненому «капсулу от лихорадки», я поднялся на ноги и перевёл дух. Всё, больше ничего сделать невозможно.

Устроившись рядом с Лихуром, я внимательно следил за его состоянием и между делом вырезал из толстой палки ложку, а из роготульки соорудил что-то вроде вилки. Не шедевр, конечно, но вполне сойдёт.

Прошла пара часов. По лагерю поплыл густой запах варёного мяса. Вся кампания, облизываясь, сидела вокруг котла и что-то тихонько обсуждала. Когда я заглянул в кипящее варево, они приподнялись и с любопытством через мою голову уставились в котёл. Я прикинул время. Два часа такой примитивной варки вполне достаточно. Ткнув «вилкой» в кусок мяса, я увидел, что оно уже пригодно для еды.

– Нигир, сорви пару десятков вон тех больших листьев и хорошенько промой их в ручье. А вы все, марш, мыть руки. Сейчас, братцы, вы попробуете настоящую еду для воинов. Садитесь поближе. Нигир, раздай листья вместо посуды.

Наделив каждого порцией варёного мяса, я его присолил и широким жестом пригласил всех к пиршеству, а сам вернулся к ложу Лихура.

По сравнению с сухим пайком мясо имело божественный вкус. За последние дни я впервые отведал нормальной еды, и, похоже, моим спутникам она тоже пришлась по нраву. Урча и причмокивая от удовольствия, они быстро расправились с новой для них пищей.

Встретившись глазами с Рахуром, я подозвал его, вручил ложку и велел понемногу поить раненого наваристым бульоном. Продолжая обдумывать ситуацию, я краем уха прислушивался к общей беседе, но вскоре мои размышления прервал Рахур, толкнувший меня в плечо. С хмурым видом он сообщил, что влил в Лихура бульона, сколько смог, но тот начал ругаться нехорошими словами и вместо благодарности пригрозил надеть кормильцу котёл на голову. Я криво улыбнулся и отпустил Рахура отдыхать, а сам занял его место у ложа раненого, сказав Сину, что подежурю первую половину ночи.

Тем временем быстро стемнело. На землю упала тропическая ночь, накрыв долину, лес и горы бархатным покрывалом звёздного неба. Утомившийся народ утомился и засопел, закутавшись в мягкие плащи. Мерцающая чернота заполнила мир, и лишь наш маленький костерок храбро боролся с вселенским мраком, отгоняя тьму от спящих воинов. Пошуровав палкой в костре, я подбросил сухих веток и бесстрашный огонь, оживившись, опять отчаянно сцепился с темнотой. Я расположился у самого ложа Лихура и изредка наклонялся к нему, прислушиваясь к учащённому дыханию.

Лагерь беспечно спал, распространяя вокруг плотную гипнотическую волну. Стараясь прогнать подкрадывающийся сон, я несколько раз подходил к ручью и умывался прохладной водой. Однако усталость давала о себе знать, и незаметно подкраившаяся ласковая дрема, тихо опутала волю, заставляя сознание балансировать между сном и явью. Сначала звуки леса и крики ночных птиц встряхивали моё угасающее сознание, но коварная ночь не сомневалась в победе и продолжала мягко убаюкивать. И вот уже, кажется, что звёзды, смеясь, заглядывают в глаза, лес ворчит и тяжело дышит туманом, и пытается что-то сказать болтливый ручеек...

Утро встретило меня гомоном птиц и негромким разговором. Говорили сидящие у костра Син и Акти. Я всё-таки заснул и не заметил, как меня сменил Син. Разогнув затёкшую спину, я склонился к неподвижно лежащему с закрытыми глазами Лихуру. Вид его оставлял желать лучшего. За ночь лицо осунулось и посерело, а его частый и слабый пульс сразу опустил моё настроение до самой низкой отметки. Обработав раны больного, я подозвал Рахура и попросил покормить раненого.

Я умылся в ручье и хотел вернуться к костру, но увидел, что мои спутники столпились возле места вчерашней схватки. Подойдя к ним, я понял, что причиной сбора был второй леопард с повреждённым позвоночником. Сверкая глазами, в бессильной ярости он скалился

и грозно рычал, а ребята обсуждали, добить его или нет. Я предложил оставить зверя в покое. Спорщики смолкли, вернулись к костру, расселись и, нехотя поглощая сухпайк, мечтательно вспоминали вчерашний ужин и замечательный вкус мяса. Что ж, проблем нет, давайте питаться дичью. Что, что? Как это сделать? Очень просто. Примерно, как вчера, с разными вариациями. Поговорим об этом обязательно. Позже.

Честно говоря, в тот момент я не разделял гастрономических настроений ребят и ничего не мог поделать с паршивым настроением. Критическое состояние Лихура не выходило у меня из головы. И в подтверждение моих опасений подошёл мрачный Рахур и сообщил, что раненый наконец отказался от еды и питья, и всё время лежит с закрытыми глазами.

Так! Всё! Время вышло. Смерть подачек не берёт. Лихур отчаянно балансировал на грани жизни и в любой миг мог свалиться за кромку. Нужно что-то делать.

И тогда я решился на эксперимент, о котором много думал прошлой ночью. Я понимал, что не время и не место для подобных опытов, но, если я не сделаю всё возможное, то не прощу себе никогда. Выхода нет. Надо рисковать.

Короче говоря, я хотел использовать силы сразу всех четырёх Стихий. Признаюсь, тогда я совсем не знал, что и как надо делать, и что из этого выйдет, а потому решил действовать по наитию.

Немного подумав, я собрал всю команду и сообщил, что собираюсь провести сложный ритуал и нуждаюсь в помощи. Все дружно закивали головами и по моей просьбе бросились освобождать от камней и всякого мусора участок земли на берегу ручья, а затем развели на его краю ещё один большой костёр. Затем они осторожно раздели Лихура догола, подняли на руки и положили на землю между костром и ручьём ногами к воде. Сделав это, они отошли на полсотни шагов. Скинув всю одежду до нитки, я взял свой тесак, положил его справа от Лихура под ладонь вытянутой руки, а сам лёг на спину по другую сторону от клинка и тоже положил левую руку на боевой металл.

Ощущая всем своим нутром журчащую под ногами воду и трепещущий над головой огонь, я закрыл глаза и погрузился в медитацию. Не зная что делать, я по очереди обратился ко всем Стихиям с отчаянной просьбой помочь Лихуру.

Не прошло и минуты, как я почувствовал исходящую из глубины земли нарастающую низкую вибрацию, словно оттуда донёсся отзвук биения бессмертного сердца планеты. Резонанс начал сотрясать меня и загудел в голове, как призывающий набат. Я вышел из своего тела и одновременно видел, что происходит со всех сторон и изнутри. От костра и воды поднялись два вихря и соединились над нами, слившись в оранжево-голубой смерч. Затем металл клинка потёк и тончайшим слоем покрыл наши тела, превратив их в блестящие статуи. Могучий ритм пронизывал всё моё существо, которое начало утрачивать индивидуальность и растворяться в пространстве. Усилив волю я сосредоточился на Лихуре, но не увидел его. Там, где он лежал, словно электросварка, полыхал извивающийся клубок разноцветных молний. Из последних сил удерживая сознание, я вгляделся в центр ослепительного пламени и вместо Лихура увидел огромного, сверкающего металлом леопарда. В тот же миг меня захватил и унёс вихрь энергий, и я провалился в спасительное безмолвие.

Сколько я отсутствовал, не знаю, но из небытия меня вернул приглушённый расстоянием крик. То, что осталось от меня, не имело сил не только открыть глаза, но и глубоко вздохнуть. Да, и вообще, я сильно сомневался, весь я тут или не совсем. Однако спустя секунду я почувствовал своё буквально приросшее к земле туловище, ещё через мгновение разобрался в своих руках и ногах, обнаружив их на привычных местах. Разлепив веки, я скосил глаза и увидел, что тело наполовину ушло в землю. С невольным стоном я выдрал себя из земного ложа, пошатываясь, поднялся и медленно огляделся.

Мои спутники, молча, замерли поодаль, а взъерошенный Лихур сидел рядом, сжав голову руками. В землю впечатались глубокие и чёткие слепки от наших тел, и их поверхность по

виду напоминала обожжённую керамику с посветлевшим, будто усыпанным пеплом контуром. Вместо костра осталось пятно золы с двумя выжженными дорожками. А там, где находились наши ноги, у воды образовались большие промоины. От лежащего между нами клинка осталась лишь костяная рукоять и небольшой огрызок лезвия. Остальной металл исчез.

Озираясь вокруг, я никак не мог свести концы с концами. На первый взгляд, вроде бы всё получилось, поскольку у ручья сидел живой и с виду здоровый Лихур. С другой стороны, вокруг присутствовали непонятные следы неведомых событий. И хотя я сам затеял всю эту кутерьму, теперь терялся в догадках. Дрожа от слабости, я шагнул к ручью, склонился и плеснул в лицо водой. Поднявшееся солнце ощутимо припекало голову и плечи, но почему-то меня начал колотить озноб. Сдерживая противный стук зубов, я подсел к Лихуру и сразу же увидел, что повязка исчезла, а от страшных ран на его шее и груди не осталось и следов. Я удивился и искренне обрадовался такому поразительному результату, забыв даже про озноб. Но тут меня ожидало новое потрясение, от которого я вообще всё забыл. Лихур поднял голову и взглянул на меня. Его огромные когда-то синие глаза лучились яркой жёлтизной, рассечённой вертикальными зрачками! Похоже, он тоже ещё не пришёл в себя и мало что соображал. Стараясь держаться уверенно, я положил ему руку на плечо и спросил:

– Ты, как?

– Ничего не понимаю, словно меня разобрали и собрали заново. Странная смесь лёгкости, силы, смертельной тоски и радости, ощущение нереальности происходящего и много новых чувств, – задумчиво и тихо ответил Лихур, как бы прислушиваясь к самому себе. Я обернулся, и, сморщившись от накатившей головной боли, махнул рукой всем остальным. Они осторожно подошли и застыли метрах в пяти.

– Что-то, братцы, вы сегодня молчаливые? Всё получилось. Лихур жив и здоров. И мы завтра можем отправляться в путь.

Ребята медленно приблизились и окружили умывающегося в ручье Лихура, а Син подошёл ко мне. Озабоченно потирая ладонью лоб, он тихо произнёс:

– Антон, мы знали, что ты необычное существо, но то, что мы только что видели, могло потрясти кого угодно, – он тронул меня за плечо и открыл рот, чтобы продолжить, и в этот момент Лихур поднялся на ноги, продемонстрировав в одном длинном движении текучую грацию и пластику. Что-то неуловимо знакомое. Он повернулся, улыбаясь и искренне радуясь солнцу, запахам леса, близости верных друзей, и уже открыл рот, намереваясь что-то сказать, и тогда всем стали видны его широко распахнутые глаза. На мгновение Син замер с открытым ртом, потряс головой и, уставившись на друга и заикаясь, прохрипел, слегка отшатнувшись:

– Лих-хур! Твои г-глаза! Стали жёл-тыми, а з-зрачки к-кошачьими!

Окинув взглядом ошеломлённых ребят, Лихур забеспокоился, подошёл к ним, и, хватая их за руки, спросил:

– Син, Акти, Рахур, вы чего? Антон обещал меня подлечить и подлечил. Я здоров и силен, как леопард..., – споткнувшись о промелькнувшую догадку, он вдруг осёкся, втянул голову в плечи, оглянулся на меня, затем бросил пронзительный взгляд туда, где лежали мёртвая и раненая лесные кошки. Теперь оба леопарда были мертвы. Двигаясь по большой дуге, Лихур медленно подошёл к только что умершему зверю, встал на колени, приподнял его голову двумя руками, и внимательно всмотрелся в остекленевшие синие глаза. Остановившись неподалёку, мы окружили Лихура, не мешая ему осознавать факт необратимой перемены. Не поднимая головы, он тихо обратился ко мне:

– Произошло то, о чём я думаю?

– Скорее всего, да, – вздохнул я. – Но я тут не при чём. Во время ритуала рядом оказался мощный посторонний фактор. Каким-то непонятным образом жизненная сила умирающего леопарда повлияла на процесс. Успокойся и расскажи о своих ощущениях. Тебя что-то беспокоит?

Лихур замер, прислушиваясь к себе, затем встряхнулся, лёгким пружинящим шагом прошёлся туда-сюда, потянул носом воздух и ответил:

– Появилось много нового. Чувства обострились. Много новых звуков и запахов. Знаю чьих. Вижу то, что раньше не замечал. Знаю, как добыть дичь. Ничего не беспокоит. Я стал другим, и... мне это нравится. Спасибо, Антон, я твой должник.

«Что-то слишком много у меня развелось должников», – проворчал я себе под нос, и, преодолевая слабость, сказал:

– Выздоровел, и молодец. Отдыхай и изучай себя, авось пригодится.

Отвернувшись от Лихура, я тут же натолкнулся на встревоженные глаза моих спутников и настороженный взгляд Сина. Так, понятно. Нужно срочно объясниться, иначе неизбежно возникнет отчуждение. Окинув ребят взглядом, я честно без всяких ухищрений ответил на их немой вопрос:

– Что тут объяснять. Я сам толком ничего не понял. Мне показалось, что так надо сделать, и я сделал.

Затем я коротко рассказал, что происходило во время ритуала. Мужики внимательно вслушивались в мои слова и, скорее всего, не поверили и ничего не поняли. Они не скрывали удивления и испуга от моего рискованного опыта, но «результат» эксперимента целый и невредимый нетерпеливо вертелся рядом, а потому им ничего не оставалось делать, как смириться и успокоиться. Избегая опасной паузы, я попросил Сина описать его наблюдения, и услышал вот что:

– Сначала мы почувствовали едва заметную дрожь земли, затем начались подземные толчки. Грунт стал мягким и текучим, будто земля вздохнула и начала оседать. Мы поспешно отскочили подальше. Затем огонь из костра и вода из реки начали стелиться, обволакивая ваши тела и накатывая разноцветными всплесками. Начал светиться клинок, на котором лежали ваши руки. Свечение металла вскоре слилось с радужным ореолом от огня и воды и накрыло вас сплошным куполом. И тут же из самого его центра метнулась яркая фиолетовая молния. Раненый леопард издал жуткий рёв и рухнул замертво. Глаз еле успел заметить, но я точно видел, что та же молния вернулась обратно. Вскоре свечение угасло, мерцающий ореол с треском и шипением распался, оставив над вашими телами облако пара. Мы уже не ожидали увидеть вас живыми, но тут Лихур сел, а потом встал и ты.

Потирая лоб, Син закончил рассказ и уставился на меня. А мне, честно говоря, было совсем не до его сомнений и опасений из-за навалившейся неимоверной слабости. Переминаясь на ватных ногах, и с трудом ворочая языком, я обратился к нему, вернее, невнятно промямлил:

– Сегодня отдых... завтра... утром уходим... Син... караул... сам...

Не в силах бороться со сном, я завалился тут же на тёплую землю, и не видел, как ребята бережно подняли меня, завернули в плащ и уложили на подстилку из мелких веток и травы. Всего этого я не помню, зато хорошо запомнил продолжение моего прошлого сна.

...Несчётное время я находился в башне, казавшейся изнутри бесконечной. Перед глазами прошли прожитые годы, которые я разложил на секунды, а затем досконально их осмыслил. Сотни неприглядных дел и десятки смертных грехов встали передо мной, и я раскаялся в них. Не смотря на то, что меня никто не удерживал, а ворота были широко открыты, я сам не желал уходить и уносить с собой тяжесть прошлых проступков. С обеих сторон наверх вели широкие шикарные лестницы, ведущие к вершинам человеческого тщеславия. Я слушал доносящиеся сверху звуки бурной жизни и ясно сознавал, что мне там делать нечего. И лишь, когда последний мой грех растаял, я покинул башню и зашагал в сторону освещённого молниями холма.

На вершине на камне сидело безобразное существо с одновременно отвратительной и обаятельной мордой. Оно дунуло в мою сторону, и меня обдал вихрь раскалённого воздуха, способный вышибить дух из кого угодно. Но, как ни странно, дух остался со мной, но из меня вылетели последние самые потаённые пороки и недостатки, и появилась необыкновенная ясность. Существо нахально и сочувственно ухмыльнулось и развело руки, предлагая мне два противоположных пути. Правая рука указывала на реку, из-за которой я пришёл, а левая на два больших литейных ковша. Над этими котлами возвышалась фигура ангела. Яркий свет из его глаз плавил серебро в верхнем котле, из которого жидкий металл перетекал в нижний.

Я поёжился, глубоко вздохнул и с размаху бросился в клокоцущее серебро. Моё тело и мой разум распались на атомы, и лишь неуёмная душа удерживала их воедино. Затем струя расплавленного металла перенесла меня в нижний ковш, где я чудесным образом вновь сложился в себя самого. Теперь моё тело и разум были абсолютно чисты.

Вновь обретя тело и чувства, я обнаружил себя стоящим на уходящей вдаль дороге...

Глава 11

Как выяснилось позже, я беспробудно проспал двое суток, погрузившись в фантасмагорию сна, в котором причудливо переплелись события моего и чужого прошлого с событиями будущими.

Пока я дрыхнул, Лихур снял с леопардов шкуры, выскоблил их, вымыл и вычистил мездру. Долго натирал золой, скоблил, мял и снова натирал сырые шкуры, растягивал и сушил в тени деревьев и снова натирал и мял. Ребята ему не мешали и лишь с любопытством наблюдали за другом, недоумевая, откуда он знает, как надо выделявать шкуры. Когда я проснулся рано утром третьего дня, Лихур щеголял в леопардовой накидке и странном головном уборе, сделанном из куска льняной ткани и леопардовой шкуры, которая козырьком нависала над глазами, двумя гребнями закрывала голову и ниспадала на плечи.

Очнувшись, я испытал необыкновенный прилив сил и такой жуткий голод, что готов был жевать траву. Слава богу, до этого безобразия дело не дошло, поскольку меня ждал шикарный завтрак. Оказывается, накануне Син завалил ещё пару косуль, а Нигир, освоивший профессию первобытного повара, сварил мясо известным способом. Разместившись вокруг костра, мы плотно позавтракали, обсудили и уточнили маршрут. Перед тем, как покинуть лагерь, я не удержался и заснял на камеру отпечатки тел на земле и все оставшиеся следы ритуала преобразования Лихура.

Не дожидаясь жары, мы выступили обычным походным порядком: впереди Лихур и Сагни, за ними Рахур и Нигир, я шёл за Сином, сзади тенью двигался Гирсу, и замыкал колонну громадный здоровяк Акти. Проходя мимо злополучного дерева, я оглянулся и на месте смерти леопардов увидел пирамидку из больших камней. Как видно, Лихур отнёсся к происшествию серьёзно. Лишь бы не слишком. Идущий впереди Син обернулся, встретился со мной глазами, чуть кивнул головой и прибавил шаг.

Просторную долину обрамляли две горные гряды. Слева утреннее солнце высвечивало макушки дальних высоких гор, погрузив их подножия в тёмно-синюю тень. Справа, с ближних покрытых растительностью склонов тут и там каскадами стекали потоки, обрамлённые густой зеленью травы и кустарников. Экваториальная жара здесь не докучала из-за тени от деревьев и близости воды. Повсюду буйствовала первозданная природа, наполненная суетой разной живности. Однако любоваться разнообразием и красотой местных флоры и фауны приходилось исключительно на ходу. Мы торопились наверстать трёхдневную задержку, благо относительно ровная местность позволяла идти быстро. К вечеру, пройдя около 50 километров, мы вышли к невысокому вклинившемуся в долину известняковому массиву, испещрённому гротами и пещерами.

Отыскивая место для стоянки, наши разведчики исследовали несколько пещер и выбрали одну с удобным входом, просторным овальным залом и ровным песчаным полом. Неподалёку из расщелины струился чистый и прохладный источник, что окончательно определило наш выбор, и мы начали устраиваться.

В предвкушении нормального отдыха в удобном и по-своему уютном пространстве я начал насвистывать бодрый мотивчик. Однако при этом меня несколько смущало одно обстоятельство. Дело в том, что, выбирая место ночёвки, Лихур обнаружил неподалёку несколько отвратительно пахнущих пещер. Не желая подвергать отряд ненужной опасности, я предложил их осмотреть и уточнить, кто в них обитает. Как известно, инициатива наказуема, поэтому именно мне и пришлось взяться за эту грязную работу.

Прихватив копьё, я направился вдоль заросшего травой и мелким кустарником каменного обрыва, и за мной тенью двинулся Гирсу. Через сотню метров пахло гнилостным смрадом, а ещё через десяток шагов за обломком скалы открылся вход в подозрительную пещеру. Я кинул внутрь пару камней, прислушался, и, не дождавшись ответа, махнул Гирсу, приглашая его внутрь. Он страдальчески сморщился, отрицательно покачал головой и остался в полной боевой готовности у входа.

Превозмогая отвращение от тошнотворной вони, я забрался в пещеру. Вокруг валялись целые и разбитые кремнёвые булыжники, смятые кучи мелких веток и свалившейся травы, а у дальней стены громоздилась груда гниющих шкур, потрохов и костей. Навскидку здесь находились останки не менее сотни жертв. Бегло осмотрев несколько черепов, я увидел, что все они одинаково проломлены одним ударом в теменной области. Но в пещере явно обитали не хищники, которые никогда не тащат добычу в своё логово, а всегда пожирают на месте. На многих расщеплённых трубчатых костях имелись следы зубов и ударов камнем. Ага. Похоже, кости дробили вот таким обломком. Один край кремниевой гальки довольно ровно отбит, а острый скол выщерблен от ударов. Вот и большая бедренная кость, перепачканная почерневшей засохшей кровью на выступающей головке.

Я уже догадался, кто жил в этом гадюшнике, но хотел убедиться наверняка. От невероятной вони буквально слезились глаза, и, выбравшись на воздух, я откашлялся и с наслаждением отдышался. Затем я увлёк Гирсу в сторону, и мы затаились неподалёку от входа.

Ждать пришлось недолго, и вскоре из-за растущих вблизи деревьев осторожно выглянула пара косматых особей. Озираясь и переминаясь на ногах, они выбрались из зарослей и начали издавать гортанные звуки.

Эти неудачные пародии на людей имели сутулые широкие фигуры. Бурая свалившаяся шерсть покрывала почти всё их тело кроме надплечий, боков, живота, низкого лба и носа. На косматой голове из-под выступающего козырька надбровных дуг настороженно сверкали глубоко посаженные глазки. На мордах с приплюснутыми носами выделялись широкие рты с узкими губами и крупными жёлтыми зубами. Их несоразмерно длинные и мускулистые руки раскачивались из стороны в сторону.

Самец истошно завопил и угрожающе вскинул большую тёмную кость, подобную той, что валялась в пещере. Всё правильно. Этой самой дубиной лохматый парень и крошил черепа своей добычи. Так вот ты какой, мой вероятный предок. А может и не мой, а может и не предок. Всё равно красавец. Интересно, сколько их шныряет по окрестностям?

Полюбовавшись на ухватки и ужимки эректусов, и сделав десяток снимков, я решил объяснить им, что мы не добыча, и, что им придётся искать другое укрытие подальше отсюда. Однако, вопреки ожиданиям, питек не испугался. Напротив, он среагировал серией резких жестов, гулкими ударами в грудь, оскаленным ртом и громкими воплями. Похоже, этого уродца на горло не возьмёшь. Надо действовать по-другому. Убивать его не хотелось, поэтому я срезал тесаком пучок длинной сухой травы, зажёг и вышел вперёд, размахивая этим факелом. Когда

эректусы увидели огонь, то отчаянно заверещали и бросились наутёк, ломаясь сквозь заросли. Всё правильно. Они звери, а все звери боятся огня.

Вернувшись к нашему гроту, я увидел, что мои спутники уже обосновались, оборудовали удобное ложе из мягких веток и травы, развели костёр и готовили жаркое.

Ужин, как всегда, прошёл весело и сопровождался оживлённой беседой и взрывами смеха. Такие беседы уже вошли в обычай. Из них я узнал много нового об удивительном мире гигантов, и сам что-то рассказывал им о своём времени. Однако сегодня мы сразу же споткнулись на... футболе.

Случайно обмолвившись об этой человеческой забаве и страсти, по настоятельной просьбе слушателей я подробно рассказал, а потом и показал, что это такое. Из косульих шкур и травы я быстро скрутил импровизированный мяч, и вскоре мы четверо на четверо начали азартно гонять этот мягкий комок по ровной песчаной площадке перед пещерами. Споры, жесты и крики практически не отличались от таковых на любой московской площадке, где мальчишки играют двор на двор. Глядя на яростно спорящих Лихура и Нигира о том, был гол или не был, я вдруг понял, что рухнул последний, едва заметный барьер между мной и ими. Я никогда не чувствовал себя так уверенно и спокойно, и точно знал, что они меня не подведут и не продадут, выручат и спасут.

Почти стемнело, когда Син прекратил игру и разогнал спорщиков. Они нехотя улеглись, но продолжали потихоньку переругиваться, выясняя отношения. Прикрикнув на них, Син сменил караул и улёгся спать, притиснув меня к Гирсу.

Среди ночи я проснулся от страшного грохота. Взгляд сразу упёрся в сплошную стену дождя, в которой отражался свет от горящего у входа костра. Мама дорогая! Теперь я понимал, что означала фраза «разверзлись хляби небесные». Неподалёку от входа спокойно сидел Акти и подбрасывал в костёр дровишки, я подошёл и встал рядом, таращась наружу. Жуткий громовой удар разбудил и моих спутников. Некоторые из них, закутавшись в плащи, присоединились ко мне. Я во все глаза смотрел на разгул непогоды и про себя радовался, что именно сегодня мы заночевали в надёжном укрытии. С другой стороны – я не знал, как долго будет идти дождь. Тропический ливень мог длиться час, а мог и месяц. Стоящий рядом Син будто прочитал мои мысли и, не поворачиваясь, сказал, что сезон дождей закончился в конце весны, и вряд ли этот дождь затянется надолго.

Гроза находилась прямо над нами, и я уже начал сомневаться в благополучном исходе, глядя на свирепое буйство природы и на подступившую к самому входу воду. Искреченный ливнем ночной мрак непрерывно разрывали яркие разряды молний, сопровождающиеся оглушительными раскатами грома. Ослепительные вспышки электрического света разгоняли непроглядную тьму и на мгновение выхватывали из темноты скалы, деревья и падающую стену воды.

Мне стало не по себе, но, оглянувшись, я увидел, что мои спутники беззаботно укладываются спать. Я недоуменно поскрёб затылок, но тут же догадался, что для них подобная истерика природы – не событие, а вполне обычное явление. И действительно, через четверть часа гроза пошла на убыль. Беззлобно ворча, Син отправил Акти отдыхать, и на его место посадил Гирсу. Оставшись в одиночестве, я поплотнее закутался в плащ, недолго потоптался у входа, и тоже отправился досыпать. Осторожно втиснувшись между уже задремавшими гигантами, под шум дождя и звуки уходящей грозы я провалился в глубокий и спокойный сон.

Очнувшись на рассвете, я нехотя стряхнул затухающие отголоски сна, смешавшиеся со звуками раннего утра. Восходящее солнце чуть высветлило в проёме входа стелющийся туман. Я лежал на спине и блаженно жмурился, наслаждаясь щебетанием птиц и пьянящими запахами леса.

Приподнявшись на локте, в полумраке пещеры я увидел, что сидящий у прогоревшего костра Гирсу привалился к стене и клюёт носом. Ничего не скажешь, хорош страж. Я уже хотел

откинуться назад, и тут мне померещилось какое-то движение над его плечом. Я напряг глаза и в расщелине разглядел плоскую голову большущей змеи. Остатки сна, как ветром сдуло.

Я протянул руку за голову, вытянул из ножен тесак и, метнувшись к уже очнувшемуся Гирсу, отсек гадине башку. Он вытаращился на меня, и не знаю, что его больше потрясло, мой бросок с тесаком или вид обезглавленной трёхметровой змеюки, которую я вытянул у него из-за плеча. Гирсу с минуту глазел, то на меня, то на змею, а потом, передёрнув плечами, с воплем отскочил в сторону. Из глубины пещеры грохнул смех проснувшихся от нашей возни гигантов.

Бросив змею к ногам Рахура, я попросил его разделать добычу и зажарить на палочках, а сам выбрался наружу.

Свежий насыщенный озоном воздух опьянял. От ночного потопа остались только мелкие лужи, которые буквально на глазах исчезали в песчаном грунте. Под лучами солнца туманная дымка быстро испарилась, и умытая небесной водой зелень засверкала на утреннем солнце всеми оттенками от изумруда до салата. Отличное настроение разбудило эмоции, взбодрило и добавило сил. Наверно что-то подобное испытывали и мои друзья.

После завтрака, мы уже начали сворачивать лагерь, когда из ближайших зарослей вынырнул Лихур. Как выяснилось, по просьбе Сина он до рассвета отправился на разведку местности. Отдышавшись, Лихур стянул насквозь промокшую рубашу, набросил на плечи свою меховую накидку и сообщил, что примерно в километре отсюда русло реки сворачивает на юг. Это означало, что с этого момента мы расстаёмся с рекой Лаки.

Я вытащил медную пластину с картой, сориентировал её по компасу и взял азимут на торчащий на горизонте пик Кири. После недолгих сборов наш маленький отряд покинул место ночёвки.

Пройдя через редкий лес, ближе к полудню мы поднялись на невысокий плоский холм, с которого мы впервые разглядели синюю затуманенную вершину с белой шапкой снега на макушке. Действительно, гора Кири ориентир, что надо. Однако по моим прикидкам до неё нам предстояло топать не меньше трёх дней, да и то при условии, что будем поторапливаться. Подумав об этом, я вдруг поймал себя на мысли, что меня больше не затрудняет поход сам по себе. Я настолько хорошо приспособился к новым обстоятельствам, что проблемы первого дня пути теперь казались смешными.

С приличной скоростью мы шагали по ровным участкам между зарослями и каменистыми холмами, покрытыми куртинами травы и невысоких кустарников. Однако иногда в распадах лес густел и смыкался сплошной стеной, и тогда нам приходилось прорубаться сквозь переплетённые заросли и висящие в воздухе корни.

Вспоминая то, что мне известно о тропических лесах, среди множества железных деревьев я узнал ореховое дерево, зебрано, мощный падук, коренастые африканские дубы и стройные гевеи, а пару раз нам встретились скопления драгоценных эбенов. Кроны некоторых деревьев пестрели заманчивыми россыпями плодов, но лазить по веткам у нас не было ни времени, ни желания, а внизу незрелые зелепухи не вызывали никакого аппетита.

В более низких и влажных местах стали появляться мощные и высокие, опутанные фикусами, лианами и мхами деревья, в кронах которых прыгали зелёные мартышки, с криком и воплями разбегающиеся при нашем приближении. На одной из полян мы вспугнули стайку саблерогих антилоп, метнувшихся вдоль прогалины и потревоживших пару дикобразов, недовольно прошелестевших длинными иглами. Невероятное разнообразие лесной жизни поражало воображение.

Под впечатлением от красоты здешней природы, я непрерывно вертел головой, пытаюсь всё запомнить, и не устал нажимать на кнопку фотокамеры. Отыскивая ракурс, я частенько останавливался, за что расплачивался ушибленными ногами, когда идущий следом Гирсу с разбега на меня натёкался. Смирненно выслушивая ворчливые замечания Сина, и потирая ушибленные конечности, я всё рано продолжал украдкой делать снимки.

Не смотря на высокий темп движения, по ходу мы всё-таки умудрялись общаться и делиться впечатлениями. Однако только вечером на привале мы могли подробно и спокойно поговорить, если, конечно, не гоняли «мяч» на подходящей полянке.

Путь до горы Кири занял трое суток. И, чем ближе мы подходили к подножию этой громадины, тем сильнее меня охватывала тревога. Гигантский потухший вулкан взметнулся слева, закрывая полнеба, и где-то впереди начинался проход между его подножием и Жёлтым озером.

Хорошо понимая размер опасности, я не рискнул под вечер втягиваться в узкий коридор, и предложил своим спутникам разбить лагерь примерно в миле от злополучного прохода. Никто не возражал, и мы провели тревожную ночь в скальной расщелине, не разжигая огня. Предчувствуя реальную угрозу, гиганты долго возились с оружием, перекладывали снаряжение, латали одежду и тихо переговаривались, вспоминая разные боевые эпизоды.

Я понимал, что стражей не требовалось поучать, но на мне лежал огромный груз ответственности, и, чтобы хоть немного разрядить напряжение, рано утром перед выступлением я решился сказать несколько слов:

– Друзья мои. По воле судьбы мы оказались вместе. Вы пошли за мной, совсем не зная меня, и я хочу вам сказать: пока я жив, вы можете на меня рассчитывать. Впереди нас ждёт неизвестность, а может и вечность. Прошу об одном, вспомните все мои наставления, и знайте, вы лучшие воины этого мира. Будьте спокойны и храбры, но попусту не рискуйте. Присматривайте друг за другом и выручайте без промедления. Главное ваше оружие – это сила духа, вера в победу и крепкое плечо друга. Возможно, наши опасения не подтвердятся, и тогда по ту сторону коридора мы посмеёмся над ними. А пока спокойствие, внимание и мужество.

По команде Сина вперёд пёстрой тенью метнулась леопардовая накидка Лихура, мы чуток подождали и попарно отправились следом. Первыми двинулись Рахур и Нигир, за ними Син и Сагни, потом я, а замыкали строй Гирсу и Акти.

Редкий лес остался позади, и открывшееся впереди ровное пространство стало заметно сужаться, и я сразу понял, в чём заключалась опасность, о которой предупреждал Лихур. Между обрывистыми скалами подножья горы и заросшим тростником и папирусом болотистым берегом вдаль уходила узкая полоса ровной и твёрдой земли шириной примерно полсотни шагов, а в местах каменных осыпей этот проход суживался вполовину. Поистине, вторые Фермопилы.

Я тихонько свистнул, предупреждая воинов о полной боевой готовности. Но учёного учить, только портить. Мужики и сами знали, что нужно делать. По команде Сина они остановились, скинули и убрали в сумки куртки и полушляпы. Повязав потуже головные платки, они сдвинули ножны с тесаками вперёд, и на левые руки по моему совету накинули дорожные плащи. Сумки стражи повесили сзади на черенки копий, что позволяло одним движением избавиться от поклажи. Я тоже скинул куртку и шляпу, оставшись только в тельняшке, снял с шеи всё кроме крестика, аккуратно всё свернул и убрал в мешок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.